

Татьяна Коростышевская

ОГОНЬ БЛАЖЕННОЙ СЕРАФИМЫ

ПРОЛОГ

Надворная советница Попович из чародейского приказа боялась покойников. Про то все знали, поэтому разбойные приказные наблюдали действия конкурирующей службы со скрытым злорадством. Явилась, главное, фу-ты ну-ты, мундир с петличками, воротничок крахмальный, очки еще, хотя всем известно, что зрение у советницы отличное.

— Тело опознали? — спросила Евангелина Романовна, поздоровавшись и кивнув сопровождающему ее младшему чину, чтобы доставал самописец.

— Девушка Бобынина, двадцати семи лет. — Сыскарь Толоконников с преувеличенной предупредительностью увлек чиновную даму поближе к трупу. — Сами убедитесь.

Попович взглянула и позеленела лицом, вызвав ожидаемое удовольствие присутствующих.

— Мы бы господ чародеев не тревожили, — продолжал Толоконников, — но...

Окончание фразы он повесил нарочно. Чтобы помучилась чиновная барышня, чтобы все свои грешки либо огрехи припомнила.

Попович бровки над очками подняла и с нажимом переспросила:

— Но? — Повернулась к младшему чину. — Пиши, Митрофан. Протокол осмотра, дом Бобыниных на Голубой улице, седьмого септеня утро...

— Дом-то непростой. — Толоконников воздел перст к потолку. — Чародейка неординарная здесь проживала. Почитай, что ни день, про нее газеты пишут. Давеча, к примеру, в «Пыжике» сообщали, что известные всем девицы А. и Б...

— Труп девицы, — не отвлекшись, продолжала Попович, — в двух аршинах от входной двери, головой повернут к окну, у правой руки...

Она присела, рассматривая что-то на ковре:

— ...склянка с остатками мутной жидкости, судя по запаху, предположительно мышьяк.

— Очень на самоубийство похоже, — кивнул Толоконников. — Приняла девица яду, как то у столичной молодежи модно, да и упокоилась. Думала, найдут ее, красивую, в прическе да с ликом намазанным, только просчиталась. Рвало ее перед смертью, извольте посмотреть, да судорогой скорчило.

— Так отчего же тогда, Степан Андреевич, — резко спросила Попович, — вы из чародейского приказа нас затребовали? Ты, Митрофан, укажи в протоколе, что следов магического воздействия не обнаружено.

Толоконников взвился было, чтоб наглуго девицу на место задвинуть, но та вдруг ахнула, еще пуще позеленев, и, встав на четвереньки у трупа, принялась елозить во рту покойницы пальцами.

— Евангелина Романовна? — Толоконникова и самого замутило. — Что вы творите?

Покойница дернулась конвульсивно, и ее вытошнило на ковер.

— Лекаря зовите, — скомандовала Попович. — Жива ваша девица Бобынина и, даст бог, до двадцати восьми годков доживет.

Уже в прихожей, безуспешно оттирая мундир от следов рвоты, надворная советница Попович задумчиво говорила приказному секретарю:

— Про то, что разбойные нынче обмишурились, мы хвастаться не должны. Ну, то есть, позлорадуем тихонько в узком кругу, да и довольно. Надо же, так спешили нас озадачить, что в смерти пострадавшей не убедились. Какой конфуз! — Она вполне похоже изобразила жеманное хихиканье. — А вот с неординарной чародейкой, про которую газеты пишут, придется беседовать и с неординарным чародеем, про которого пока умалчивают. Во избежание и для предупреждения... Девицы А. и Б. сидели на трубе...

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в коей столичной публике демонстрируются не лучшие качества загорского купеческого сословия

Сердце учить насъ сострадать несчастіямъ ближнихъ и относиться къ нимъ съ добротою, какъ бы мы сами поставлены ни были — это знаніе свѣта; здравый смыслъ убѣждаетъ насъ уважать заслугу, какое бы мѣсто въ обществѣ она ни занимала — это вѣжливость; тактъ подсказываетъ намъ, когда мы должны прощаться, чтобы не показаться навязчивыми — эта подчиненіе свѣтскимъ законамъ.

Мокошь-градъ встречалъ меня с неуместной торжественностью. Мне хватило бы и нарядныхъ белоснежныхъ сугробовъ, и разлапистой, украшенной фонариками ели, установленной на главномъ вокзалѣ, и родной, отовсюду звучащей речи. Но Маняша рассудила иначе.

Когда я спустилась по ступенькамъ из вагона первого класса, она махнула рукой, и над перрономъ грянула приветственная песнь, исполняемая под гитары неклюдскимъ ансамблемъ.

— Ну что за дикость, — троекратно расцеловавшись с нянюшкой, пожурила я ее.

— Гуляй купечество! — ответила она и повертела меня из стороны в сторону. — Загорела как, чисто чернавка, а уж исхудала... Голодом, что ли, морили?

— Отъемя, — пообещала я. — Как без меня поживала, Мария Анисьевна? Вижу, совсем не изменилась.

— Тосковала, — Маняша поправила вдовый плат, — денечки считала до твоего возвращенія. Мырма Наташка совсем прислугу заездила, как письмо от Карпа Силыча получила.

Она лихо перехватила чарочку, что вот уже несколько раз пытался поднести мне веселый неклюд, и закусила огурчикомъ.

— Благодарствую, человече. Теперь душевное что-нибудь исполните.

— Про багаж распорядись, — дослушав слезливый романс, попросила я, — и извозчика кликни.

Маняша распорядилась мановеніями, махнула огурчикомъ, и, будто по волшебству, рядом появился вокзальный служитель, махнула сызнава полной чаркой, четверо носильщиковъ принялись выгружать кофры с сундуками.

— Папенька велел полный гардероб заказать, — видя ее удивленіе, принялась я оправдываться, — не желал, чтоб его доченька в столицахъ немодной показалась. А с лета, представь, в женской моде кое-что изменилось.

— Барышня Абызова, — учтиво обратился вокзальный служитель, — извольте к лошадиному вагону подойти, там ваша... ваше... бесится оно...

Я отпихнула белозубого неклюда, который выводил рулады, склонившись к моему плечу, и побежала к хвосту поезда.

И нисколько оно не бесилось, оно просто не понимало, чего от него пытаются добиться эти странные людишки.

— Словами потому что разговаривать надо, — ругалась я на работников. — И ничего он на вас не бросался. Ну, ладно, бросался, от радости. А зубы скалил, потому что улыбался приветливо. А я говорю, приветливо.

Пока Маняша раздавала страдальцамъ денежку для поправленія душевного здоровья, я взбежала по мосткамъ и отперла двери загончика.

— Это что за чудо-юдо? — ахнул неклюд, который, оказывается, все это время за мною следовал. — Уж точно не лошадь, я-то в лошадяхъ понимаю.

— Это Гаврюша, — почесала я мохнатое ухо, не неклюдово, кошачье. — Гавр, скажи «здрасьте» дяденьке.

— Ав-р-р.

— Послушный мальчик. Фу! Сплюнь попону! Она грязная, опять животом маяться будешь!

— Грифон? — без испуга спросил неклюд. — Горгулия иноземная? Это сколько же такая животина стоять может?

Сонный кот Гавр, рост которого в холке достигал уже полутора аршин, просочился мимо меня и спрыгнул на перрон.

— Ав-р! — завопил он радостно. — Ав-р-р-р-р...

— Снег очень обожает, — пояснила я в пространство.

Гаврюша как раз поднимал снежные вихри распахнутыми крыльями.

— А кормить его как? — размышлял неклюд. — Он же жрет небось?

— Конечно, жрет, — согласилась я, наблюдая, как, пообвыкший к обстановке, Гавр изымает соленые огурцы и караваи у публики.

Лоточник с баранками лишился товара в мгновение ока, кот поискал, чем еще закусить, и принялся жрать снег.

Надо ли говорить, что весь мокошьградский вокзал воспринял наше отбытие с облегчением?

Извозчик не понадобился. У главного входа ожидала нас вереница запряженных тройками саней, куда погрузились и мы с Маняшей, и многочисленный багаж, и неклюдский художественный табор. Гавр бежал следом, пугая своим видом как лошадей, так и прохожих.

— Гуляй, купечество! — вопила пьяненькая Маняша. — Уж такие мы, загорские!

Наутро в свежем номере «Мокошьградского вестника» почтеннейшие горожане могли ознакомиться с заметкой, в которой клеймились нравы современной золотой молодежи и указывалось на необходимость ужесточения законов, касаемых содержания в домохозяйствах экзотических животных. Легкомысленный «Чижик-пыжик» сообщал своим читателям, что очаровательная барышня А. - невеста небезызвестного князя К., отпущенная на вакации из закордонного учебного заведения, выглядела уставшей и невеселой, видимо вследствие неприглядных слухов о поведении жениха, просочившихся даже за границы империи, что одета она была выше всяких похвал, и что, судя по количеству багажа, собирается знакомить с мировыми модами местное общество. А ежемесячный альманах «Флора и фауна Берендийской империи», правда не на завтра, а в положенный день, поместил сравнительный очерк на тему грифонов и прочих крылатых созданий семейства кошачьих.

— Мне не хотелось Наталью Наумовну стеснять, — жаловалась я по дороге Маняше, перебивая музицирование неклюдов, набившихся во вторые сани. — Но батюшка велел приличия соблюдать и для того у Бобыниных селиться.

— В тесноте, да не в обиде, — кивала нянька рассудительно. — Аркадий Наумович решил для тебя весь второй этаж освободить, сам в кабинет переехал.

— Чудесно, тогда Гаврюша сможет прямо с балкончика на прогулку отправляться.

— Ты, что ли, этого элфанта сизокрылого в доме держать будешь?

— Прикажешь собачью будку ему во дворе поставить? Он к теплу привык да к ласке.

— Экая цаца!

С шумом и песней въехали мы на Голубую улицу, пронеслись по ней под взглядами прилипших к окошкам жителей и остановились у ворот бобынинского особняка.

Сквозь кованую ограду было видно, что фасад недавно обновили. На крыльце меж античных колонн распахнулись двери, и на дорожку выбежала пухлая девица в черном платье с передником.

— Добро пожаловать, госпожа, — закричала она. — Гаврюша? Да тебя не узнать! Баюн, чистый баюн!

Крахмальным чепец трепетал на зимнем ветру.

— Марта! — крикнула я в ответ. — Девица Фюллиг, как я рада тебя видеть!

— Я твоих руянских горничных не хотела, — чопорно сказала Маняша, — но обе они контрактами махать принялись, так что пришлось в столицу с собою везти.

— Марта, — поздоровалась я с девицей Царт, которая тоже появилась у ворот.

Неклюды сызнава запели.

— Отпусти ряженных, — велела я Маняше, догадавшись, что хозяйка дома ко мне выходить не собирается. — Это уже нелепо.

Нянька фыркнула, но приказ исполнила. Сани заехали в ворота, я, оставив багаж на Маняшу и двоих бобынинских работников, поднялась по ступенькам. Гавр шел со мной, Марты забежали вперед, чтоб придерживать створки.

Наталья Наумовна подняла глаза от вышивания:

— Фимочка... Животное придется оставить на улице.

— Ав-р?..

— Не волнуйся, разбойник, — погладила я полосатый бок, — тетя Наташа так шутит. Ты сейчас в мою спальню отправишься и будешь там тише мышки сидеть, договорились?

Я кивнула горничным. Гавр их признал, ластился к толстухе-Марте, бодая ее в мягкий бок, и без возражений пошел за девушками вглубь дома. Невзирая на свои внушительные размеры, в движениях сонный кот был плавлен и осторожен. За сохранность обстановки опасаться несколько не приходилось.

Я бросила в пустое кресло муфту, расстегнула шубку, отправив ее туда же, и пересекла гостиную, оставляя мокрые следы на ковре.

— Ну здравствуй, Наталья Наумовна, — наклонившись, я чмокнула воздух у кузинных щечек, как у нас, у барышень, полагается.

— Прости, Фимочка, — Натали слабо приподнялась, чтоб без сил опуститься обратно, — нездоровится мне нынче, оттого и выйти к тебе не смогла.

— Какая жалость, — вздохнула я неискренне. — Тогда, милая, утомлять тебя не буду. Поздоровалась, и довольно, к себе отправлюсь и попытаюсь не шуметь. Аркадий Наумович на службе? Я засвидетельствую ему почтение после.

— Ни в коем случае! — Мое отступление прервал энергичный возглас от входной двери. — Серафима Карповна, кухня моя драгоценная! Едва успел.

Господин Бобынин был с улицы, на плечах бобровой шубы серебрился снег. Удостоив меня родственных объятий и троекратных родственных же лобзаний, Аркадий сбросил верхнюю одежду на руки лакею, ему же отдав трость.

Ранее лакея у кузена не водилось, впрочем, я догадывалась, что папенька немного расстарался облегчить нам всем совместное проживание. Как мог, то есть денежкой.

В отличие от сестры Аркадий лучился радушием и приветливостью.

— Присаживайся, Фимочка, удостой родича беседой. Где побывала, что увидела да не слишком ли утомительна оказалась дорога?

Пришлось занять место за столом и по порядку отвечать.

— Вакации у меня нынче. Обучаюсь в университете, в Гишпании, оттого, что именно тамошние чародеи в огненных силах поднаторели. Ничего особого не видала, ибо за книгами ежедневно корплю от рассвета до заката, а иногда и после оного. От гишпанского порт-оф-Виго плыла на пароходике до Марселя, а там поездом добралась до отчизны. Поезд гнумский, комфортный, так что несколько не утомилась. С батюшкой свиделась ненадолго, слишком уж он коммерцией занят.

Врала я вдохновенно, при сем умудряясь вообще ни в чем правды не сказать. Ну, может, про коммерцию только. Но даже занятость не мешала нашему с отцом общению. Это он все придумал: и историю про путешествие, и доставленный к последней приграничной железнодорожной станции багаж. Иначе я в Мокошь-град как была явилась: в холщовых штанах и рубаше, босая и верхом на крылатом коте. Учитель, кстати, так бы и сделал. Он вообще условностями себя не утруждает. Батюшка за это величает Гуннара блаженным, а тот его в ответку — мелочным грошелоубом. После они принимаются драться на шпагах или плеватьсь горохом, кто дальше. А покорная дочь и ученица, я то есть, не изгоняет этих расшалившихся мальчишек из своего сна.

— Долго ли предполагаешь в столице пробыть? — отвлек от воспоминаний вопрос кузена.

— До Рождества, после в университет вернусь.

— Чуть больше двух недель, — сказала Натали, подсчитывая что-то на пальцах. — В пост особых приемов не намечается, но к шестому сечению изволь бальный наряд иметь.

— Я выезжать в свет не собираюсь.

— Думаю, у твоего жениха, — тут Натали сложила губы в куриную гузку, — другие на сей счет планы. Рождественский цесарский бал — великолепный повод свою невесту императорской чете представить.

Я с отвращением ощутила кольцо на безымянном пальце:

— Не думаю, что до этой даты в Мокошь-граде задержусь.

— Ну-ну...

Разговор плавно угасал. Возбуждение Аркадия уступало место апатии, зрачки серых глаз, поначалу огромные, сжались в черные точки, он скрывал зевоту, поглядывая на дверь, и потирал свою тяжелую лошадиную челюсть. Брат с сестрой были довольно меж собой схожи, оба светловолосые, худощавые, с тонкими губами и вытянутыми лицами. Но если Натали в манерах демонстрировала томную расслабленность, Аркадий Наумович являл собою воплощение экспрессии.

Поинтересовавшись у Натали, подыскала ли она себе новую горничную взамен уволенной на Руяне Лулу, и узнав, что Наташеньке приходится справляться самой, лишь иногда упрасывая помочь моих многочисленных бездельниц-служанок, я выразила ей сочувствие и сообщила, что вынуждена покинуть столь приятное мне общество родственников.

— Отдохнуть прилягу.

Меня не задерживали. По изогнутой лестнице я поднялась на второй этаж и толкнула дверь спальни.

— Угомони своих сарматок, дитятко! — Маняша стояла в центре ковра и бесшумно топала ногой.

Означенные сарматки сидели рядком на козетке в углу, широкую же двуспальную кровать почти полностью заняла туша сонного кота Гавра. Гавр спал. Ну это у него обычно; ежели не кушать, то спать, ежели не спать, то хоть подремывать.

— Мария Анисьевна нас выгоняет, — наябедничали Марты. — Мы в смежной комнатке расположиться желаем, чтоб вам в любой момент услужить, а она нас в комнату прислуги на первом этаже выселить хочет.

— Потому что это я в любой момент служить должна.

— Маняша над вами старшая, — поддержала я няньку, — как она сказала, так и делайте.

Я догадывалась, что нежелание девушек со мной разлучаться, вызвано отнюдь не их преданностью мне лично, а необходимостью помогать самостоятельной Наталье Наумовне. Загоняет она мне Март, это уж как пить дать.

Маняша сочувствия не знала, в три счета выставив горничных с пожитками за дверь, она принялась распаковывать мои уже доставленные чемоданы.

— К ужину спуститься, р-раз, это лиловое, это завтра с утра можно примерить, это...

Она бормотала, развешивая наряды на плечики за раздвижными дверями гардеробного шкапа.

— Фильмотеатр желаю посетить. — Я плюхнулась на козетку, задрав ноги в премилых ботильончиках на спинку. — Давай сходим? Вот прямо сейчас же и отправимся.

— Отчего же не сходить...

— И мороженое, — я мечтательно прикрыла глаза, — чтоб с карамелью и кедровыми орешками. Помнится, заведение «Крем-глясе» неподалеку там было.

— Мороженое зимой?

— Что-то не так?

— То, что за блаженную примут, а ты, помнится, безумия паче прочего страшилась.

— Ах, Маняша, мне это теперь решительно все равно.

Больше нянька не возражала. Гавр, приоткрыв один глаз, на фильму меня отпустил, благостно рыкнул, когда я пообещала на обратном пути к мяснику забежать за вырезкой для послушного мальчика.

— Значит, как в постель чудовища этого с собою брать, тут ты согласна, — ворчала Маняша, помогая мне с шубкой. — А в город на прогулку — кишка тонка?

— С тобою время хочу провести, — отвечала я с лаской в голосе, — как раньше. Гавр мне, конечно, друг, но внимания требует, что дитя малое.

В гостиной было пусто, поэтому об уходе я сообщила лакею, чтоб передал господам, если поинтересуются.

— Извозчик! — крикнула нянька, как только мы вышли за ворота.

— Оставь, — придержала я ее за руку, — давай пешочком пройдемся, как бывало.

Мы неторопливо шагали по Голубой улице, метель утихла, холодное зимнее солнце переползло уже за зенит, готовясь погрузить Мокошь-град в ранние сумерки.

— Отродясь я с тобою здесь по сугробам не скакала, — ворчала нянька, кутаясь в тулуп и многослойные свои шали. — И холод ты никогда не обожала, когда за горами зимовали, хотела до весны на печке оставаться. Что в твоих заграничах с тобою сделали? Кедровые орехи?! От которых у тебя горло пухнет и почесотка по всему телу? И их тоже возлюбила?

— Про орехи погорячилась, — призналась я искренне. — А холод и правда приятен стал, с тех пор как силу приняла.

Обернувшись, не смотрит ли кто, я вытянула из муфты руки и сняла с правой перчатку:

— Силь ву пле!

На ладони расцвел алый огненный цветок, я дунула на него, заставляя изменить цвет, еще раз, и еще, после смяла лепестки и бросила в снег.

— Солидно, — одобрила Маняша, любуясь превратившимся в лужу сугробом.

Вода моментально подернулась корочкой льда, и я не отказала себе в удовольствии проехать по льду подошвами ботилов.

— Как есть блаженная, — удержала меня от падения Маняша. — Так где ты теперь живешь и с кем? Предупреждаю сразу, про университеты гранадские ни слову не верю.

— И правильно не веришь. Папенька туману напустил столько, что кто угодно усомнится. Учитель у меня личный, навроде гувернера. Он странненький довольно, не каждого к себе приблизить решается, но ежели согласится, то ученик как в рабство попадает. Ничего мне не дозволяет, ни писем кому писать, ни книжек для развлечения читать, ни...

— Ты с ним вдвоем, что ли, живешь?

— Вдесятером, — доверительным шепотом сообщила я. — Он и учеников девять, я девятая, я отпираю, я запираю.

— Девушки есть? — Маняша тоже шептала.

— Нет! Я единственная.

Мария Анисьевна застыла, будто громом пораженная. Солидному господину в цилиндре дорогу заступила, тот обозвал ее теткой и даже замахнулся, чтоб в спину пихнуть, да после остыл, разглядев меня.

— Простите, — пискнула я карамельно и потащила няньку под руку. — И нечего ошеломляться, огненные стихии обычно женскому полу не достаются... И ничего не скандально, если никому не расскажешь, то и не оконфузишь меня перед обществом.

Трещать без умолку пришлось еще с четверть часа, пока Маняша не начала вяло отвечать на расспросы.

— Чего было? Лежала, стало быть, в госпитале, дня три уже лежала, все удивлялась, что ты меня проведать не спешишь. После барышня Бобынина явилась с рассказами. Так, мол, и так, Маняша, сказывала, отбыла твоя хозяйка в дали дальние, а в какие, нам, людям простым, знать не положено. Перед отбытием с князем Анатодем обручилась.

Тут нянька неодобрительно покачала головой.

— Господин Зорин не заходил? — спросила я с преувеличенным равнодушием.

— На Руюне? Нет, тогда мы с ним не виделись. Барышня Бобынина сказала, что Ивана Ивановича служба срочно в столицу призвала. А здесь-то, в Мокошь-граде уже, беседовали неоднократно, всякий раз, когда он с визитами к Наталье Наумовне является, ко мне заходит поздороваться.

— Часто?

— В неделю раза два, — охотно отвечала Маняша. — Догадываюсь, что после того, как ты князю Кошкину поклялась, статский советник на Наташку перекинулся. Она уж его привечает, будьте уверены. Клавикорды новые в гостиной видала? В четыре руки музицируют, голубки наши.

В витрине дорогого магазина отразилось мое искаженное страданием лицо. Маняша же, ничего не замечая, продолжала:

— А на прием у генерал-губернатора, ну который перед самым постом был, вместе отправились. Иван Иванович за Натали захал фронт фронт, в парадном мундире, с букетом, она тоже расстаралась куколкой перед ним предстать...

— Какая прелесть! — перебила я ее, указав на выставленное в витрине платье. — Желая немедленно его примерить.

И толкнула стеклянную дверь магазина.

Одного платья, чтоб успокоиться, мне не хватило, попустило на четвертом, да и то после того, как взопревший работник подобрал к нему туфли, шляпку и матерчатую, расшитую стеклярусом сумочку.

Время примерки нянька проводила пречудесно, посиживала на пуфике и закусывала поднесенный чай пирожными из соседней кондитерской. Надписывая на карточке адрес, куда требовалось доставить мои покупки, я поняла, что голодна.

Об этом и сообщила няньке, оказавшись сызнова на проспекте. Та мысли о трапезе разделила:

— Отыщем сейчас ресторацию, морожеными с пирожными сыт не будешь.

— Грибов хочу, — решила я, прислушавшись к урчанию желудка, — жаренных со сметаной лисичек. Не сезон? Не получится?

Нянька на этих словах хихикнула, ткнув vareжкой в вывеску, на которой вязью написанным «Жарю-парю» было изображено грибное семейство.

Заведение классом не отличалось, так себе харчевня. Но столы были чистыми и пахло хорошо, домашней стряпней и печным дымом. К нам подскочил половой в подпоясанной рубахе:

— Чего бырышни изволят?

Он провел нас через залу, потолок которой намекал, что в прошлой жизни ресторация была обычным подвалом, к дальнему столику у полукруглого высокого оконца.

— Грибочков? — Парень лихо отхлестал полотенцем столешницу. — И грибочков со всем уважением поднесу. Грибочки у нас замечательные, потому как только в нашем заведении их умеют без мочения либо квашения с осени в свежести сохранять. И дороговизна сохранных амулетов нас в стремлении гостей порадовать не остановит. Заведение у нас препопулярное, все мокошьградское чиновничество столуется, все солидные люди...

Маняша помогла мне разоблачаться, потом и сама рассупонилась, половой одежду подхватил, пристроил на вешалке в углу.

Заверениям его в популярности ресторации, или все же трактира, безлюдие оного противоречило.

— Обеденное время уже закончилось, а для вечера еще не подошло, — будто услышав мои мысли, сообщил половой. — На час раньше и мне для вас свободного местечка отыскать бы не удалось.

Наконец он удалился на кухню.

— Вот ведь болтун. — Я цапнула из вазочки горбушку и обильно ее посолила.

— Оголодала ты, дитятко, — пожалела Маняша, наблюдая как я вгрызаюсь в хлебушек.

А у меня тем временем кусок в горле встал. Потому что в залу вошли те самые анонсированные парнишкой столичные чиновники. Они оживленно беседовали, стряхивали снег, топали ногами. Трое мужчин и дама, тоже чиновница. Самый из них молоденький даму обхаживал, стоял с протянутыми руками, чтоб принять шинель. Женщина была хороша. Рыжая, а хороша как картинка.

Личико точеное, с широкими скулами и аккуратным подбородком, глаза зеленющие, что твои смарагды. И сложена на диво соразмерно. Я пялилась на нее, чтоб не переводить взгляда на самого высокого из ее спутников, на статского советника Зорина.

— Битый час тебя, Эльдар, ожидали, — разносился под сводами зоринский бас, — обеденное время упустили.

Господин Мамаев что-то отвечал, но смысл ответа до меня не дошел.

— Иван Иванович! — воскликнула Маняша, остановив тем самым мою попытку спрятаться под стол. — А мы туточки с Серафимой!

Пришлось кивать в ответ на приветствие, улыбаться, представляться. Молодого звали Митрофан. Отчество его было Митрофанович, а фамилия Губешкин, поэтому предпочитал он обращение попростому, лишь по имени.

Прибежавший на шум половой выслушал чиновничий заказ, заверил, что все исполнит в лучшем виде и поинтересовался, где господам удобнее откусать будет, потому что он может столы и сдвинуть для удобства застольного общения.

Зорин принялся махать в другой конец залы, на что Маняша завопила, что спасителя своего рядом видеть желает. Я украдкой откусывала от горбушки, ожидая, пока весь этот балаган закончится.

— Вы мне снились, — тихонько сказала рыжая, присаживаясь на соседний табурет.

Я покраснела и с усилием проглотила безвкусный хлеб. Позорище ты, Серафима, как есть позорище. Ну давай, ответь: «А вы, Гелюшка, мне. Помнится, в слезах пробудилась, когда выяснилось, что надворная советница Попович — не вобла сушеная, а красotka каких мало».

— Забавно, — удалось выдать вместе с жалкой улыбкой.

— Да уж. — У Евангелины улыбка получалась искренней, от нее на щеках чиновницы появились премилые ямочки. — Забавно, не то слово, перепугалась я презрительно, особенно крылатого кота. Представьте, с вами было полосатое чудовище, которое скалило на меня зубы, и...

— Не начинай, букашечка. — Эльдар Давидович присел напротив, упер локоть в столешницу и опустил подбородок в раскрытую ладонь. — А то барышня Абызова решит, что в чародейском приказе служат склонные к фантазиям натуры.

Потом, к моему удивлению, господин Мамаев извлек из кармана гривенник и щелчком отправил монетку Евангелине.

— С паразитическими словами воюем, — сообщила мне чиновница в той же доверительной манере. — Эльдар «букашечками» грешен, а я...

Она посмотрела на чародея, замершего в ожидании, и хихикнула:

— А я слова своего не произнесу, чтоб попусту не раскошелиться. У вас, Серафима Карповна, паразитические слова имеются? Желаете в наш клуб вступить?

Зорин сел напротив Попович и на меня не смотрел.

— Серафима Карповна лишена недостатков.

— Ах, — тоненько протянула я, — невыразимо приятно получить комплимент от вашего высокородия.

Болван Иванович томность проигнорировал, занявшись рассматриванием столовых приборов. Зрелище его увлекло не на шутку.

— У меня от голоса Серафимы Карповны мурашки по позвоночнику побежали, — вдруг сказал Митрофан, сидящий у торца стола. — Такие узнаваемые вибрации...

— Это оттого, юноша, — пояснил Эльдар, — что барышня Абызова нам с тобой некоторым образом коллега. Не правда ли?

Он раскрыл ладонь, на которой плясал крошечный пламенный человечек.

— Одни чародеи кругом. — Геля притворно вздохнула. — Чем ответите, Серафима?

Я полюбовалась огненным танцем.

— К прискорбию, ответить мне нечем. Я, Евангелина Романовна, тонкостям ремесла не обучена, у меня по берендийской поговорке — сила есть, ума не надо.

— Мастерство — дело наживное, — утешил Эльдар. — Если пожелаете, с удовольствием несколько уроков вам дам.

— У жениха барышни Абызовой не забудь разрешения спросить, — сказал Зорин, хлопнув по ладони друга, — а также у прочих... гм... обучателей.

И пока половой не принес нам обед, Иван Иванович беседовал с Маняшей, для чего ему пришлось пересесть ближе к ней.

Кушанья были на славу. Я, поглядев на отменный аппетит барышни Попович, и сама не отставала. На записку подали квас, и этот простецкий напиток оказался уместен.

— Мы в филмотеатр после собираемся, — говорил Мамаев, — премьерный показ сегодня.

— Какая фильма?

— Не помню названия, — отвечала мне Геля. — Что-то про полонянку определенно, и всенепременно романтический герой ее сперва в цепи заточит, а потом влюбится.

— Потому что Бесника только в таких историях и снимают, — веселился Эльдар. — Там наш хороший знакомец, Серафима Карповна, лицедействует, в фильме этой. Ник Бес, слышали?

Я отрицательно покачала головой, видно, новый актер. Ник Бес, это Бесник, только слог переставлены? Как забавно!

Дальше Геля с Мамаевым принялись спорить, хорош или не очень сей Бес в лицедействах.

С удивлением я поняла, что находиться в одной компании с приказными сыскарями мне приятно. И Попович, эта кошка рыжая, невероятно нравится мне.

Когда пришла пора расплачиваться, случился небольшой конфуз. Мария Анисьевна возопила, что мы просто обязаны угостить спасителей, Евангелина Романовна твердила что-то о суфражизме, а Эльдар Давидович предлагал раскошелиться Ивану, потому что у него, как у начальства, денежка на пропитание личного состава в бумажнике шелестит.

Половой переводил взгляд с лица на лицо, бормоча:

— Уж я-то точно за вас всех платить не собираюсь.

Зорин сказал Маняше, что ее благодарственный обед желает приватно получить, Евангелине, что она номинально на службе и чтоб не смела барышню Абызову, без пяти минут княгиню, суфражизмом смущать, и передал счет Мамаеву:

— Штраф за опоздание тебе будет. И вообще, сегодня твоя очередь.

На дворе уже стемнело, снежинки искрились в фонарном свете.

— Серафима, Мария Анисьевна, вы с нами? — Геля намотала поверх шинели толстый вязаный шарф, но все равно заметно мерзла.

Зорин с Митрофаном откланялись, у них были еще дела в приказе. Я же загрустила. Филмотеатр уже не влек, даже и с предвкушаемым всей компанией мороженым в «Крем-глясе».

Мамаев все решил за меня, подхватил под руку Маняшу и потащил по проспекту.

— Сейчас начнет «букашечками» сыпать безнадзорно, — улыбнулась Геля, вокруг губ у нее виднелась голубая морозная каемка.

— Руки дайте, — велела я, снимая свои перчатки и засовывая их в висящую на груди муфту.

Перчаточки у Попович были тонкие, казенные, нитяные. Дрянь, а не перчатки. Мои пальцы скользнули к запястьям, остановились у пульсирующих жилок.

— Серафима, жги, — пробормотала я себе под нос и пустила от кончиков пальцев чуток силы, она вошла в вены иголками, растворяясь в кровотоке.

— Перфектно! — по-детски восторженно сказала Геля. — А Эльдар так не может.

Щеки ее порозовели и дрожать чиновница прекратила.

— Наверное, потому, что по военной линии раньше служил? — Я взяла ее под руку, потому что идти на каблучках по снегу было не особо удобно. — Тогда он скорее на нападение заточен.

— Точно. Они все бывшие военные: и Мамаев, и Иван, и... шеф наш Семен Аристархович.

— Который предпочитает с подчиненными не обедать?

— Ах нет, — горячо возразила Попович, — шеф вовсе не такой, он с нами все делит, и горе, и радость, и...

Я вспомнила Семена Аристарховича Крестовского, который верной собачонкой служил канцлеру Брюту, и мысленно хмыкнула.

— А давайте крюк сделаем? — предложила спутница. — Тут мостик пешеходный один есть, достопримечательный, очень уж его вам показать хочется. Вы же нечасто в Мокошь-граде бывали?

Четыре крылатых статуи украшали перила моста. Эх, хотела же белый мрамор заказать, да скульптор на черном настоял. Получилось, что коты были ониксовыми, а крылья их — золочеными. Дорого, богато, не похоже.

— Примерно такое же чудовище мне снилось, — сказала Попович.

— Ужасно.

Что еще говорить, я не представляла. То, что я сновидица, знать должно как можно меньше народа. По крайней мере, в нашей богоспасаемой отчизне. Да и признаваться, что я ее из ревности страшила, чиновнице не хотелось. Стыдненько было.

— Порассматривайте еще, — предложила Попович. — Давайте каждого котофея в подробностях изучим.

— В смысле?

— За нами слежка, — задрал голову к статуе, сказала Геля. — Не оборачивайтесь. «Хвост» по-нашему. От «Жарю-парю» ведут. Минимум четверо, сменяются каждый квартал, чтоб глаза не намозолить. Эльдар либо ваша нянька им нелюбопытны, они не разделились, когда разделились мы.

За спиной скрипнул шагами снег, я повернула голову. По тропинке приближался к нам мастеровой в тулупе. Обыкновенный мужичок с деревянным ящичком под мышкой.

— Перфектно. А револьвер я в приказе оставила. Вы не до смерти огнем кидаться можете, барышня Абызова?

Я в ответ уронила искру под ноги:

— Который злодей, в тулупе?

— Сзади!

Повернуться не успела, проклятые каблуки скользнули в луже растопленной воды, и я упала, к счастью потеряв сознание прежде, чем ушиблась.

Снов не снилось, уж об этом учитель Артемидор позаботился. Я вынырнула из чернильной тьмы сначала слухом.

— Гелюшка, — сокрушался знакомый голос, — да как же так? Работнички! Надворную советницу от загорской няньки не в состоянии отличить!

— Виноваты, ваше высокопревосходительство, — шамкал голос незнакомый, — обознатушки получились. Только и госпожа Попович разбираться не стала, вон как нас отметелила.

— Потому что по уставу сперва представиться должно. — Это говорила Геля. — А то, как тати ночные, напрыгнули на девиц. Они ведь напрыгнули, Юлий Францевич. Этот, который без зубов, еще и палкой госпожу Абызову огрел.

— Я тогда еще с зубами был!

— Не махал бы палицей, с ними бы и оставался! Юлий Францевич, налицо превышение служебных полномочий.

Я открыла глаза и застонала. Ничего не болело, стонала для порядка и для подчеркивания своего страдательного статуса.

— Где я?

— Серафима? — Геля склонилась надо мной, заслонив свет настольной лампы. — Голова болит? Мутит? Сколько пальцев видишь?

— Нисколько, ты мне свет заступила.

— Не бил я ее по голове, — шепелявила фигура в дальнем углу. — А палицей по привычке замахнулся.

— Вон! — Канцлер вытолкнул беззубого за дверь.

Я с помощью Гели села на твердом диване, осмотрела кабинет, в котором кроме диванчика были лишь стол с лампой под зеленым абажуром, плотные шторы на окне и два стула. Один хозяйский, другой для посетителей. Ножки последнего оказались приколочены к полу, и на него направляла луч света лампа.

Подозреваю, что господин канцлер планировал барышню Абызову не на диванчике раскладывать, а на приколоченном стуле держать. Диванчик у него для других барышень задуман. Я даже начинала догадываться для которых.

— Евангелина Романовна, голубушка вы моя, — сюсюкал Брют, — накажу разгильдяев примерно, уж будьте покойны. Мне всего лишь с Серафимой Карповной побеседовать хотелось, а эти дуболомы разницы между арестом и приглашением понять не смогли.

Артритными пальцами Юлий Францевич убрал от Гелиного лица выпавший из прически локон. Я многозначительно кашлянула, напомнив о своем присутствии.

— Вот и подруга ваша в себя пришла. Не правда ли, Серафима Карповна?

— Желаете о бесчинствах тайного приказа в канцелярию донести? — спросила Евангелина деловито.

— Не желаю.

— Перфектно. Тогда я в приемной тебя дождусь. Его высокопревосходительство обещал долго не задерживать, чтобы мы на фильму не опоздали.

Когда надворная советница Попович покинула строевым шагом кабинет, канцлер угрожающе обернулся:

— Зачем пожаловала?

— И не хотела даже, — пожала я плечами, — подчиненные ваши меня сюда затащили.

— Ты мне куражиться брось! Почему ты в Мокось-граде? Сумасшедший Артемидор выгнал?

— На вакации отпустил, с родственниками повидаться. На Рождество обратно отбуду.

— Что постичь успела? В чужие сны проникать можешь?

— Не могу. Учитель сказал, рано мне еще с тонкими мирами работать, и сновидческие способности запер от греха.

Брют походил по кабинету из конца в конец:

— Получается, ты сейчас для меня бесполезна... Зачем в чародейский сыск проникла? Встречи с Иваном своим искала? Так я тебе сразу обскажу, чтобы ты лишнего не думала. Докладывали мне, что господин Зорин к кухне твоей женихается.

— Совет да любовь, — умилилась я фальшиво. — Только вы уж, Юлий Францевич, зятя моего будущего заботою не оставляйте. Мы же про конкретного человека договаривались, а не про его при мне роль.

— Наглая ты девка, Серафима. — Брют устало опустился на диван рядом со мной. — Но это ничего, это терпимо... Ну раз все равно в столице гостишь, будет у меня тебе задание.

— Вся внимание.

— К жениху присмотрись, будь любезна. Да не к чужому, Серафима, к своему. Анатолий Ефремович тревожить меня стал.

— Князь Кошкин? И что с ним не так?

— Если б знал, ты бы не понадобилась. У меня что-то такое... — канцлер пошевелил в воздухе пятерней, — ...на уровне ощущений.

Ссориться с начальником Тайной канцелярии не хотелось. Тем паче что задание его представлялось необременительным. Искать встречи с Анатолем я не собиралась, но, ежели он сам пожелает визит нанести, отчего б не присмотреться.

— Через пару дней тебя в приказ приглашу для отчета.

— Если без палок и арестов, явлюсь с удовольствием.

— Ну так ступай! Гелюшка, поди, тебя заждалась.

Евангелина Романовна вертелась перед настенным зеркалом и пыталась наживо приметать оторванный воротничок.

— Не уберегла мундира, — пожаловалась она. — Но, к чести моей, их четверо было.

Она воткнула иглу в подушечку в форме сердца, после засунув ее в верхний ящик секретарского столика.

— Отпустил тебя его высокопревосходительство? Тогда поспешим.

У подъезда ожидал нас приказной извозчик. До фильмотеатра домчались за три минуты.

— Что канцлер от тебя хотел? — спросила чиновница, когда мы входили в нарядно украшенное фойе.

— Службой озадачить. — Я высмотрела среди публики Маняшу с Мамаевым и приветственно им махнула. — Он меня личным агентом к себе определил.

— Эх, жаль ты доносить не стала!

— Кому? В тайную канцелярию на тайную канцелярию? Не смей!

— Закон, Серафима, — сказала Попович с серьезной простотой, — один для всех быть должен. Это государственная основа, на ней вся Берендийская империя держится.

Я могла бы возразить, что держится она на деньгах, армии, несметных природных богатствах и паутине интриг, но не стала. Вместо этого быстро, пока не слышали Маняша с Эльдаром, спросила:

— Позволишь новый мундир тебе преподнести в благодарность за спасение от ночных татей?

И, расценив молчание согласиём, подумала, что и перчатки Евангелине Романовне куплю новые.

Публики в фойе было преизрядно разной, нарядной и не особо, дамы в туалетах для выхода в свет со спутниками, закутанные в меха купчихи, купцы, мастеровые, парочка гнумов и с десяток неклюдов, к счастью, без гитар.

Геля возбужденно что-то рассказывала Мамаеву, когда мы рассаживались на обитых бархатом креслицах первого ряда.

— Канцлер для доклада вызывал, — поведала я няньке, вопросов не ожидая. — В кабале я у него.

Я села почти с краю, место по правую руку пустовало.

— Что-то ты, дитяtko, со всех сторон закабалилась без моего пригляда. И у учителя в рабстве, и у приказного начальника.

Я вздохнула, соглашаясь:

— Не зря я этой силы не желала, одни от нее сложности.

— Про что доложились? Чего исполнить должна?

— Господин Брют по поводу моего нареченного опасения имеет. К слову, Маняша, князь Кошкин за эти месяцы визитов вам не наносил?

— Мне-то уж точно нет.

— А вот ты, когда мне на Руяне являлась, велела его отыскать.

— Не помню, — отрезала нянька, — может, под венец тебя с ним благословляла?

— Нет, Анатолий тебе никогда не нравился, ты чего-то другого хотела.

— Тогда не нравился, а теперь я перевернулась. Он, конечно, картежник и пьяница, но...

— А еще ты, когда в госпитале лежала, велела мне Зорину не доверять. Про это хоть не забыла?

— Про это как раз помню.

— Тоже перевернулась? Тогда — «не доверяй», а сегодня ручками махала, что твоя мельница. «Ах Иван Иванович, ах спаситель!»

— Ты, дитячко, одно уясни, — строго сказала Маняша, — нынче ты довериться никому не можешь. Впрочем, и раньше не могла. Только в прошлом у тебя эта невозможность от слабости проистекала, а нынче от силы. Сарматки твои заполошные до сих пор по ночам орут, когда вспоминают, что их хозяйка огненным вихрем обратилась. Ты у нас кусочек нынче лакомый, от того и каждый тебя заграбастать хочет.

— А Зорин...

— А Зорин твой — служивый, он сам себе не хозяин. Конечно, Иван Иванович — мужчина приятственный и немало мне симпатичный, но рядом с тобой ему места нет. Обидит он тебя, дитячко, даже сам того не желая.

Окончание ее монолога поглотила бравурная музыка, которую начал извлекать из своего инструмента притаившийся в уголке под самым экраном тапер. С первыми аккордами свет в зале погас. «Пленница безумной страсти», — прочла я появившиеся на белой простыне буквы.

Иван Иванович потер виски и перевел взгляд от бумаг на темный прямоугольник окна.

Как же не вовремя она появилась, папина дочка Серафима Абызова. Загадочная, томная, пахнущая незнакомыми горькими ароматами. Родинка еще эта у рта...

— Отправил ценителей прекрасного на фильм? — Семен Аристархович вошел без стука и сразу набросил на дверь чары. — Митрофана куда подевал?

— Домой отпустил, присутственное время давно закончилось.

— Мамаев Гелю до дома сопроводит?

— Ну хоть здесь свой контроль ослабь, — улыбнулся Зорин. — Проводит и проследит, чтоб она тебя в приказе искать не вздумала.

— Понятно. — Крестовский придвинул стул для посетителей вплотную к столу и принялся барабанить пальцами по чернильному прибору.

Иван молчал, переживая начальственную задумчивость, после принялся складывать документы в папку.

— Злой ты, мужик, Зорин, — отмер Семен, когда тесемки папки уже завязались кокетливым бантиком, — ни слова от тебя приятного, ни улыбки.

— Когда ты в клеветы к господину канцлеру нанимался, другого отношения ждал?

Они рассмеялись и пожали друг другу руки, протянув их через стол.

— Не расслабляйся, интриган, — сказал Иван. — Давеча мне пришлось у Евангелины Романовны с боем книжицу Артемидора отбирать, которую ты на видном месте оставил. А если бы она Брюту на глаза попалась?

— Тогда бы он в случайности появления на Руяне блаженного сновидца разуверился. — Крестовский щелкнул по чернильнице. — Ну ничего, до Рождества мы этот балаган закончим фанфарами.

— Боюсь, что с фейерверком. — Зорин поморщился. — Неожиданно новый персонаж на сцену ворвался, госпожа Абызова вакации в Мокошь-граде провести желает.

— Ох!

— Вот тебе и ох.

— Дрогнуло ретивое? — подмигнул Крестовский другу. — А знаешь, ее приезд нам может на руку

оказаться. Эх, жаль, блаженный Гуннар сновидчества барышню лишил, можно было бы попытаться в сон ее призвать, разведать подробности Брютовых интересов.

— Лишил?

— На время вакаций всенепременно. Когда меня удостоили аудиенцией в первый, он же последний, раз, господин Артемидор пообещал, что использовать сновидчество для мелочных наших дел не позволит. А эта безумная порода мелочными все человеческие дела мнит.

— Это хорошо, — решил Зорин, — даже замечательно.

— Но лишает нас шпиона в тайном приказе.

— Так сами, Семен Аристархович, справляйтесь.

— Куда уж мне, придержу канцлера, пока ты землю носом роешь, и то хлеб. Эх, Ванька, спровоцировать бы эту братию, чтоб высунулись, чтоб эффектно дело представить!

— Хорошо, — сказал Зорин, будто решившись на что-то. — Будут тебе эффекты.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в коей проходит первое заседание клуба не желающих опеки, а второе прерывается найдосаднейшим образом

Дѣвушка начинает выезжать выѣзжать въ светъ въ возрасте отъ 16 до 20 лѣтъ, смотря по ея развитію и также по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, относящимся къ ея матери и старшимъ сестрамъ.

Фильма мне не понравилась абсолютно. Глупости какие! Она, вся такая воздушная блондинка в кудряшках, он страстный неклюд. Она томилась в отчем доме, он ее похитил, она томилась уже у него, в цепях, на бархатных подушках. Он тоже томился, но страстно. Ни скачек, ни погонь, ни револьверных выстрелов. Некого господина в бакенбардах, что явился деву спасать, неклюд заколол первым же шпажным ударом и возвратился к томлениям.

— Экая лабуда, — сообщила Геля, когда мы среди прочей публики покидали по окончании фильмотеатр.

— А дамам нравится. — Мамаев улыбнулся какой-то зареванной девице. — Небось Бесника нашего теперь во снах видеть будут.

На слове «сны» я внутренне напряглась, а потом припомнила, что видала актера Беса раньше, именно что в женских фантазиях, знамо не в своих. Эх, многое бы я сейчас отдала за свой личный сон.

— Извозчика кликни, — попросила я няньку и принялась прощаться.

И так времени потеряно много. Вместо того чтоб с Манящей безнадзорно беседовать, сначала знакомствами отвлеклась, а после... Хотя в манипуляциях господина Брюта вины моей нет, кориться не собираюсь.

Дружелюбный Эльдар Давидович зазывал в «Кафе-глясе», но я отказалась, сославшись на дорожную усталость.

— Серафима Карповна, — шепнул чародей, склоняясь к ручке с поцелуем, — чародеек вашего уровня я прежде не встречал.

Приятный комплимент. И прикосновение было приятным, я чувствовала горячие искорки, что засветились между нами. Интересно, а жена у господина Мамаева есть? Не для себя интересно, ну, то есть, вовсе не от желания это место погреть. Просто если Эльдар холост, то как он справляется с жаром, которым наполняет его естество чародейская сила?

Маняша уже всю командовала сугробом на облучке коляски, под сугробом был извозчик, но наружу торчали лишь руки с поводьями.

— Спокойной ночи, Серафима, — поклонился Мамаев.

Евангелина Романовна помахала мне на прощанье. По дороге Маняша восхищалась фильмой и обходительностью сыского чародея, а я шуршала запиской, незнамо как оказавшейся в моей перчатке.

Бобынины нас не дожидались, свет в доме был потушен, только крошечный светильник горел у подножия лестницы.

— Сон свой мне сегодня отдашь? — спросила Маняша заговорщицки. — Хочется кое-кого навестить.

— Господина Мамаева или фильмового лицедея? — лукаво прошептала я в ответ. — Придется самой справляться, нянюшка, у меня, стараниями учителя, снов нет.

— Это получается, — Маняша замерла, прижала к груди руки, — я барышне Абызовой и не нужна боле? Сглаз на тебе и так сгорает, и вот...

— Нужна, — заверила я серьезно. — Может, не для дела, а для жизни, но нужна определенно.

Мы вошли в спальню, Гавр открыл один глаз, закрыл и захрапел сызнова. Нянька добрела к козетке и, упав в нее, принялась беззвучно и безутешно рыдать.

— Нянюшка, — опустила я подле, — не кручинься, сердечко мое. Обещаю, как только Гуннар с меня запрет снимет, первый же сон Марии Нееловой будет.

— Ага, ты в своих Гишпаниях тогда окажешься, а я...

— Для сновидцев версты не помеха. Из любого мира с подарочком явлюсь, вот увидишь.

— Мира?

— Ну то есть места, из любого места, — уточнила я после паузы.

Гавр зевнул, скатился с кровати, зарычал.

Обойдя эту громаду, я распахнула двери на балкон:

— Нагуляешься, стекла не колоти, постучи тихонько в раму и голос подай, я впущу.

Кот спрыгнул со второго этажа в сугроб, после взлетел над крышами соседних домов и исчез из виду.

— Этот Гуннар, как именно тебя ограничил? — спросила деловито нянька, стеля свежую постель. — Я имею в виду: забрал или закрыл дар?

— Закрыл, — ответила я немного напрягшись. — Он же не ведьма, чтоб забирать.

— Тогда взломай эти запоры, дитятко.

— У меня не получится.

— Ты не пробовала.

Возражения у меня закончились, поэтому я промолчала.

— Сейчас из кухни тебе мяты принесу и к ночи переодену.

— Не мяты, — скривилась я. — Молока с медом лучше или воды. Только не горячей, чем холоднее, тем мне приятственнее будет.

Пока нянька хлопотала вне спальни, я достала из перчатки записку Мамаева. Там был адрес. Улица Цветочная, дом с зеленым крыльцом, более ни буковки. Я скомкала бумажку и сдула с ладони горстку серого мелкого пепла. Эльдар Давидович рандеву со мною возжелал? Тоже искры ощутил меж нами?

Стало грустно и немножко противно.

Нянька бормотала привычные молитвы, в которые я, вопреки привычкам, вслушивалась.

— Расскажи, как ты с мужем своим познакомилась, — попросила, когда Маняша присела на краешек моей постели.

— Сто раз уже слышала.

— Не важно, ты, главное, говори, не замолкай, голос твой слышать хочу.

Она начала и продолжила, с теми самыми своими словечками и интонациями, которые я знала и любила.

А ночью у меня начался жар. Я металась на постели, Маняша до самого утра просидела, держа меня за руку. Я сжимала ее пальцы, удивляясь, какие же они холодные по контрасту с моими.

Перед рассветом в покои вошли обе Марты.

— Тсс, — велела я девушкам, указав на спящую нянюшку.

— Вы больны, барышня?

— Уже нет, помогите мне Марию Анисьевну уложить.

Они захлопотали, устраивая Маняшу в смежной комнатке, а я, повернувшись к балкону, увидела Гаврюшу, в позе глиняной копилки сидящего за стеклянной дверью.

— Лихорадит няньку-то вашу, — сообщила возвратившаяся Марта.

— Мой жар на себя приняла, — решила я повинно. — Присмотрите за ней нынче, чаю с малиной организуйте, бульончику, все что положено к нему.

Раздвинув двери шкапа, я кивнула на шерстяное платье с широко кроенной юбкой:

— Облачиться помогите, если спросят, куда барышня Абызова подевалась, отвечайте, что на телеграф, батюшке весточку отправить.

— Что ж, без сопровождения пойдете?

— С Гавром, — показала я на балкон. — А ежели Наталья Наумовна про скандальное поведение причитать примется, скажете...

— Что не приучены хозяев с посторонними обсуждать, — присела толстушка в книксене, и обе горничные синхронно изобразили оскорбленную добродетель.

Одевая меня к выходу, девицы сообщали свежие сплетни. Барин, который Бобынин, совсем берега попутал, ни дня его никто трезвым не видит. Уходит вроде на службу, но на час либо два позже начала присутственного времени, возвращается когда как, но редко до полуночи. Лакей — жеманник, в начале месяца в доме появился, строит из себя невесть что, и языкам-то обучен, и манерам, а сам...

Я слушала вполуха.

Наташенька прислугу тиранит, хотя прислуга и не ее вовсе, каждое утро велит обеим Мартам себя одевать, а по вечерам Маняшу к себе кличет. Вчера, когда мы с нянькой отсутствовали, орала криком и ногами топала.

— Если вам ситуация тягостна, — предложила я, обматывая вокруг шеи концы башлыка, — может, домой вернетесь? Вы же не рабыни какие при мне, девушки свободные. Прервем контракты, да и закончим страдания?

Оказалось, что страдания вполне соотносимы с платой, которую девицы получают первого числа каждого месяца у банковского поверенного. А на Руяне им зимой делать нечего. И ежели будет моя воля сострадание к девам проявить, так оставлю я все как есть. Опять же замуж я скоро пойду, тут горничные и пригодятся, особенно ежели я с детишками затягивать не буду.

— Пока Маняшу опекайте, — напомнила я на прощанье и вышла к Гавру.

Вот за что хотя бы можно высоко оценить моих руянских помощниц, удивить их уже ничем не возможно. Не побежали следом, спрашивая: «куда?» да «как можно?» Посмотрели сквозь морозное стекло, как уношусь я в предрассветный сумрак верхом на крылатом коте, да и шпингалеты на балконной двери позадвижали. Ну то есть я надеялась, что запереть дверь они не позабыли.

Гаврюша пах грозюю, опять, наверное, меж молний резвился, пока поесть времени не пришло.

— И как мы Цветочную улицу отыщем? — спросила я в мохнатое ухо.

— Ав-р...

— Потому что любопытно. Я, может, с жовтенья ни одной записки от кавалеров не получала.

— Ав-р.

Кот мягко приземлился у потушенного уже фонаря в начале неширокой улочки, повел лобастой башкой.

— Извозчик! — обрадовалась я. — Уж он-то меня, куда нужно, отвезет. А ты, мальчик, следом, крадучись. Не нужно твоим видом люд смущать.

Парень, дремавший на облучке, удивился ранней пассажирке, но воскликнул:

— С ветерком домчу, барыня. Цветочная — это через Мокошь, на другом берегу.

И мы поехали по просыпающимся столичным улочкам, по набережной, стылой и пустынной, по длинному широкому мосту, очутившись в солидном квартале ухоженных вилл.

— Зеленое крыльцо мне надобно, — уточнила я, поняв, что искомой улицы мы достигли.

— Это подойдет?

Наддверный фонарик освещал выкрашенные масляной краской балясины.

— С него начну. — Я заплатила ассигнацией, судя по преувеличенным благодарностям, больше, чем парень рассчитывал.

Потопталась, ожидая Гавра. Тот буквально свалился с неба, когда повозка, с трудом развернувшись

на Цветочной улице, покатила обратно в город.

— Ав-р...

— Подожди, мне подумать надо минуточку. Может, ну его, а, Гаврюша?

— Ав-р?..

— Потому что нелепо это, по нацарапанному адресу вприпрыжку прибежать. Никогда Серафима Абызова так не поступала!

— Экий у вас собеседник занятый. — Из тени того, что в другое время года наверняка было кустами, а сейчас представляло собою снежные сугробы, выступил на улочку и поклонился приказной чародей Мамаев. — Тот самый сонный кот?

— Сидеть, — скомандовала я Гаврюше, сжавшемуся для атаки. — Опасности нет. Доброго утрачка, Эльдар Давидович.

— Вы, Серафима Карповна, записку мою прочли?

— А вы, господин Мамаев, сомневались, что я грамоте обучена? — язвительно спросила я. — Ваш домик или снимаете?

— Не то и не другое, — Мамаев отчего-то показал мне носу — вощеной бумаги пакет с подушкой размером. — Мы с вами сейчас к некоей чиновной даме напросимся. Евангелина Романовна очень свежую выпечку обожает, посему не прогонит.

— Геля? Простите, я отчего-то решила, что вы мне с собою свидание назначили.

— Неудивительно, готов спорить, что внимание мужского пола преследует вас повсеместно.

Он рассматривал меня и так, и эдак, затем притворно вздохнул:

— Эх, жаль, что не я короткую соломинку достал, когда в приказе решали, кто именно на Руян отправится.

— Предположу, что тот, кто ее вытянул, испытывает те же чувства.

Эльдар как-то по-особенному толкнул калитку, и мы прошли по расчищенной тропинке к крыльцу.

— Так вы этого чувствительного господина вчера в фильмотеатре ждали?

— Простите?

— Я заметил, что вы нарочно сели с краю и что никому свободное кресло по правую руку занять не позволили.

— Сыскарская наблюдательность? — хмыкнула я. — Думайте, как вам угодно.

Пока чародей вдавливал кнопку дверного звонка и прислушивался к доносящимся из дома трелям, я велела Гаврюше:

— Погуляй пока, после позову.

— Ав-р. — Кот повел мордой в сторону мамаевского пакета, вздохнул тяжело и сиганул через палисадник.

Дверь распахнулась, в клубах теплого домашнего воздуха на пороге появилась Евангелина Романовна в домашнем капоте и с заплетенными в косу волосами:

— Заходите быстрее, Серафима, Эльдар, доброго утра... Да поторопитесь! Холод-то какой!

В крошечной прихожей Мамаев сунул хозяйке гостинец, помог мне размотать башлык, снять шубку и провел в кухню.

Жила надворная советница скромно, тесновато, но чистенько и удобно. По утвари было заметно, что готовить она любит и умеет.

— Ватрушки! — восхищалась Геля, шурша бумагой и выкладывая на глиняное блюдо выпечку. — Булочки! Расстегаи! Эльдар, ты просто чародей!

Мамаев занялся заваркой, видимо, кофе по утрам здесь было не в обычае.

Я сидела за столом, что твоя барыня, молчала.

— Мы тебя ждали, Серафима, — сказала Попович. — Только я думала, что еще вчера появишься.

— А я заверял, что почувствую ваше, Серафима Карповна, приближение.

— Ой, — забавно смутилась хозяйка. — Серафима Карповна, мы же вчера на «ты» уже перешли? Или как вам удобнее...

— В смысле почувствуете? — перебила я ее. — Ах, прости, Евангелина, конечно, давай по-простому, без отчеств.

— Он на тебя какую-то вашу чародейскую метку поставил, на репейную коробочку похожую.

— Гелюшка иногда чародейство видит, — пояснил мне Мамаев, — только престранно.

— А иногда слышу или нюхаю...

— Вчерашнюю метку репьями вообразила. А ее, букашечка, никто рассмотреть не мог! Серафима Карповна, что ощутили, когда я руку вам на прощанье целовал?

Мамаев достал с полки глиняный кувшин и ссыпал в него мелочь из карманов:

— Вперед за все «букашечки». Так что?

Щеки залил румянец. Что ощутила? Неуместное любопытствие?

— Ничего.

— Вот! — Удовлетворенный ответом чародей принялся разливать чай в разномастные кружки. — Времени у нас, девицы-красавицы, не особо много...

Я хлебнула душистого чаю, закусила пирожком с малиной. Обычно, когда с недостатка времени начинают, разговор петляет вокруг да около еще долго.

— Нам твоя помощь нужна, Серафима Абызова. — К удивлению моему, Геля приступила к главному.

— Погоди. — Мамаев сунул ей ватрушку. — Мне кажется, барышне Абызовой и самой помощь не помешает.

— Вы, ваше высокоблагородие, и мысли читать умеете? — захлопала я ресницами.

— У вас мысли, Серафима, на лице даже не написаны, нарисованы, будто для малограмотных. Так что у вас с господином Зориным и отчего вы няньке своей не доверяете?

— Осади, — строго проговорила Геля. — Давление неуместно, чай не допрос.

Я отставила кружку и засмеялась:

— Дражайшие сыскари! Представление «злой и добрый допросчик» для меня разыгрывать не надо.

— Тем более что обычно в роли зла выступает Евангелина Романовна, — улыбнулся Мамаев. — Но ты, букашечка, записочку прочла и по адресу явилась, значит, есть у тебя интерес.

— А ты... — я поискала мужеский вариант «букашечки», — ...милок, мне этот адресок в перчатку с поцелуями затолкал тоже не от равнодушия.

— Бубусик, — предложила Геля. — Его хорошо «бубусиками» крыть. Ну что, Эльдар, ответишь барышне Абызовой? Или позволишь мне рассказать?

— Женщины! — воздел руки чародей.

— Проблемы у нас, — сказала Попович мне доверительно. — В приказе нелады. Начались после того, как Иван на Руюн аффирмацию князя Кошкина добывать отправился. И мы с Эльдаром решили, что...

— Корень всех зол во мне кроется?

Геля пас не приняла, скандал не раздула:

— Шеф с Иваном секреты от нас завели, прикрываясь тем, что о нашей же безопасности заботятся. Я-то, понятно, приучена к пренебрежению. Женщина, да еще и не чародейка. То есть я его не принимаю, но оно хотя бы понятно. А вот то, что Эльдар в эти секреты не посвящен, странно и

обидно.

— Может, господин Мамаев по этой части слабоват? По чародейской? — едко спросила я, глядя на Эльдара.

— Может, букашечка, — не обиделся тот. — Поэтому хочется мне, убогому, к тайнам сим приобщиться.

Цветочные горшки на подоконнике подпрыгнули, перебив начавшуюся пикировку.

— Авр-р, — жалобно донеслось из-за стекла.

— Есть хочет. — Я с извиняющейся улыбкой, взяла с блюда пирожок и понесла его к окошку.

— В дом кота своего зови погреться, — предложила хозяйка. Холодно на дворе.

Гаврюша ворвался в кухню, облобызал меня, оросил то ли благодарственными слезами, то ли голодной слюной и смел в один присест половину выпечки. Потом всхлипнул, поняв, что доесть остатки я не позволю, и улегся на полу в смежной спальне, заняв его практически от стены до стены.

— В большой семье клювом не щелкай, — пробормотала надворная советница и взяла последний расстегайчик.

— Я мало что могу вам про ваших коллег рассказать, — решив, что люди, позволившие моему разбойнику находиться рядом со мной, заслуживают откровенности, начала я. — На Руюне господин Зорин сражался с навским демоном, а после...

Пытаясь собраться с мыслями, я отщипывала от булки, складывая из крошек узор на скатерти.

— Оказалось, что я попала в передрагу. Ну то есть не сама попала, меня в нее как осла на веревочке завели. Иван Иванович за меня вступился, а на противной стороне выступали господин Брют и...

— Семен Аристархович Крестовский. — Мамаев торопливо заполнил паузу, чтоб не дать мне разнюниться. — Он сопровождал канцлера в путешествии, а вернулся уже с Зориным.

— Брют куражился, что я мужскую дружбу поломала.

— Они и правда не разговаривают теперь, — сказала Геля Мамаеву, а потом, утешительно, мне: — Не позволяй чужой вине на себя цепляться. Это неправильно. Виноват не тот, кому требовалась защита, а тот, кто нападал.

— Слышал от Ивана, что ты силы не желала? — спросил Эльдар быстро. — Когда приняла?

— В тот день, когда Брют на остров явился, буквально за полчаса до визита. — Я улыбнулась, вспомнив опаленные усы князя Анатоля. — Господин Зорин сказал: «Серафима, жги!»

— И ты зажгла. — Мамаев рассматривал меня, наклоня в стороны голову. — Эх, Ванька... Уж не знаю, как он теперь с тобой справится.

— Обыкновенно...

— С собою пусть сперва справится. — Геля явно разозлилась. — Покорители чертовы! Неужто каждая женщина подчиниться желает? Неужто у нас даже надежды на равноправные отношения нет?

И Евангелина Романовна выдала нам такой объемный, такой эмоциональный спич на тему отношений между полами, что захотелось искупать ее в овациях.

— А теперь ты, Эльдар, на себя это примеряешь, каково это считается слабым и быть вследствие этой воображаемой слабости опекаемым!

— В этот ваш клуб я, пожалуй, вступлю, — попыталась я смягчить неожиданный пафос беседы. — В клуб не желающих опеки.

И мы чокнулись чаем над усыпанной крошками скатертью.

— ...да нет, — говорила я уже через четверть часа, продолжая рассказ. — Совсем не с господином Зориным мириться приехала. Ну расстались и расстались, дело житейское. Он, кажется, неплохую замену мне нашел, тем более что, как изящно заметил Эльдар Давидович, управы на меня нет.

— Это ты сейчас о барышне Бобыниной? — Мамаев хмыкнул. — Амурами там даже не пахнет, казенный взаимовыгодный интерес. Родственник этой барышни у нас по другому делу проходит...

Евангелина Романовна, кажется, наступила ему на ногу под столом, потому что чародей охнул и закивал, хватая ртом воздух.

— Простите, букашечки, размяк. Забываю, что две барышни в рядах столичных чародеев-сыскарей все еще являются непозволительной роскошью. А посвящать штатских в дела служебные некомилльо.

— Мы в твою приватную жизнь соваться не будем, — сказала мне Геля.

— Помиришься с Иваном, — сказал мне Эльдар. — Он явно страдает. Ну или хотя бы поговори с ним.

— Это не наше дело.

— Отчего же не наше? Ванечка мне друг, я о его счастье заботиться должен.

— Если ваш Ванечка мне кузину обидит, — повысила я голос, — будешь о его здоровье заботу проявлять.

Вдруг Геля замерла, будто прислушиваясь, достала из-за ворота какой-то кулончик и стиснула его в кулачке.

— Семен? — подскочил Мамаев. — Вы собирались вместе на службу нынче идти?

— И не планировали даже. — Хозяйка переводила взгляд с нас на Гавра, дрыхнувшего на полу. — Наш заговор сейчас раскроют.

— Прячься, — велел Эльдар мне. — И кота своего...

Геля распахнула двери платяного шкапа:

— Перфектно! Кота уменьшить можешь?

Я замотала головой, но вопрос был обращен к Эльдару.

— Ну, в принципе, если сделать из него дамскую собачонку, собачечку такую, навроде этих яматайских либо хинских... Позвольте ручку, Серафима Карповна. Мне, по сирости, требуется вашей силушки зачерпнуть.

Цепкие пальцы Мамаева обхватили мое запястье, вторую руку он простер к Гавру.

— Авр-р? — крошечное кривоногое лупоглазое нечто, возящееся сейчас на полу, рычало густым гаврюшиным басом.

— Это не собака! — подхватила я нечто и полезла в шкап.

— Авр-р!!!

— Шубу! Эльдар, да не суетись. Вообще, лучше одевайся сразу, на пороге его встретим.

— А Серафима?

— Потом выйдет, сама.

— Тогда зачем ты ее в шкап засунула?

— В аффекте!

Кажется, приказных сыскарей обучают скоростному одеванию, может, и турниры даже проводят. Если да, кубок победителя у надворной советницы Попович уже на полке пылится. Геля юркнула за ширму и через две с половиной минуты появилась из-за нее облаченной в мундир. Заглянув ко мне, чмокнула в щеку:

— Прости, и правда неловко вышло. Присутствие в шесть закончится, давай встретимся в половине седьмого в «Крем-глясе», договорим.

— Постараюсь.

— Не придешь, я час ждать буду, а после к Бобыниным поеду, тебя из плена вызволять.

— А я? — от двери спросил Эльдар.

— А ты не поедешь, потому что с хозяином дома слишком близко и под другим именем знаком.

И они ушли, прикрыв, но не заперев входную дверь.

Я вылезла из шкапа, поставила на подоконник «собачечку», увидела сыскарей, сающихся в повозку, коей правил нарядный господин Крестовский, и пожаловалась Гавру:

— Мало того что такого красивого мальчика в уродца обратили, теперь и верхом на тебя не сядешь. Страдать будем оба, пока Эльдар Давидович свое заклятие не снимет.

— Ав-р, — согласился собачечка, почавкивая азалиями из цветочного горшка.

В отличие от меня Гаврюша своими новыми размерами не тяготился, путешествовал за пазухой, в тепле и неге, пока я брела по бесконечному мосту в тщетных попытках разглядеть сквозь метель извозчика, рывкнул на мальчишку-карманника, попытавшегося меня обработать у москательной лавки, и задремал, когда извозчик отыскался, и до дома мы уже поехали с комфортом.

— Это что за кракозябра? — брезгливо спросил лакей, принимая мою шубу.

— Салонная собачечка, — проводила я взглядом Гавра, на своих кривых лапках забирающегося по лестнице. — Редкая, модная, дорогая.

Со второго этажа до нас донесся басовитый рык и визги горничных.

— Дикие девки, никакого о салонных модах понятия, — решил лакей вполголоса.

Я взбежала в спальню. Собачечка лежал на подушке и готовился отойти ко сну, Марты сидели на козетке и боялись пошевелиться.

— Барыня!

— Барышня!

— Тсс, — приложила я к губам руку. — Тише, милые. Почивать буду до обеда. Притомилась что-то.

Мне помогли переодеться в домашнее платье, шепотом сообщив, что Маняша вся горит, но в себя приходила, чтоб бульончику откусать и чаем жажду утолить, что мокрые полотенца у нее на челе меняют каждые четверть часа, что Наталья Наумовна моей рассветной отлучкой недовольна и что барин еще не встал.

Я легла поверх постели, укрылась пледом, Гавр сонно подполз под бочок, свернулся калачиком.

Вспомнилось мне лицо Артемидора, резкое, нервное, и речи его. «Слабость чародея от его силы проистекает. Привыкаете вы слишком на силу полагаться, не умом жить, не сердцем, а лишь силою безразмерной, неисчерпаемой».

Оттого он мне сновидчество и запер, чтоб котелок варил.

«Тебе, Серафима, и так неплохо будет. Девка ты недурственная. Да чего там, красотка-девка, к этому тебе еще, огню отсыпано с горсткой. Проживешь отпущенный век с удовольствиями. А то, что снов лишена, так это ничего, вполне терпимо. Представь, будто до сих пор ведьме сны отдаешь, и вся недолга».

Без моих снов Гаврюша хирел.

«А хоть бы и издох вовсе, — кипятился учитель. — Сонным котом больше, сонным котом меньше. Все равно они не более чем грезы в вашем, человеческом, понимании».

Без снов я не могла повидаться с...

«Он не принял тебя, дура! Я слышал ваш разговор от первого до последнего слова, я видел, как жалко ты лебезила перед этим чародеишкой!»

Знала бы тогда, что под присмотром, не лебезила бы поди.

«Решайся, Серафима. Последний рубеж тебе взять предстоит. Долгий, действительно долгий сон. На год либо более. Его еще называют летаргическим, реже — забвенным».

На забвение я была согласна, только хотела сначала закончить незаконченное, найти, разыскать, вернуть Маняшу Неелову. Потому что женщина, хворающая сейчас в смежной с моею комнатке, Маняшей не была.

Когда я это поняла? Да уж не сразу, поначалу так обрадовалась Маняшину спасению, что

котелок варить перестал, уже потом, вспоминая, анализируя всякие мелочи вроде поворота головы или движения рук. На самом деле факт у меня был один, но мощный. Когда я бегала по руянскому госпиталю в поисках своей страдальцы, сперва в палату через дверь заглянула, где лекарь Гаспар беседовал с пациенткой. Беседовал! Отвечал на реплики, выслушивал ответы! Лекарь не владеет берендийским, это я сразу после выяснила, а то, что Маняша по-французски не понимает, темой для шуток промеж нас всегда служило. Мелочь? Нет, звоночек. Второй прозвенел, когда мы с Иваном Ивановичем в руянской деревеньке ведьму Агату в последний путь провожали. Старуха твердила всем, что не Агата она вовсе, что из лап Крампуса в тело ведьмы вернулась ее младшая сестра. И наконец, третье. В моем видении Мария Анисьевна сетовала, что злые люди нас с нею разлучили. Люди. Множественное число.

Артемидор, когда я про свои «звоночки» ему рассказала, смеяться не стал.

«Если хочешь ответа от меня добиться, и не мечтай. Мне лень. Возможно, невозможно, это слова, которыми невежественная тупость пытается обозначить для себя границы окружающего мира. Невежественная человеческая тупость. У тебя возникло ощущение, предчувствие? Так у тебя, не у меня, тебе, Серафима и надо с собою разбираться».

И я довольно долго копалась в себе, складывая разрозненные кусочки воспоминаний, как инкрустатор свою мозаику. Когда исходные материалы закончились, опять обратилась к учителю.

«Не позволю, — ответил он строго. — Чтоб с тонким миром работать, кроме таланта сноровка требуется, у тебя ее нет и не будет, пока забвенный сон не пройдешь. Ну примешься по чужим сновидениям рыскать, как отделишь воспоминание от фантазии либо намерения?»

Можно было, наверное, сперва доучиться, а после... На это я пойти не могла.

«Ты целиком мне нужна, Серафима, — сказал учитель. — Сосредоточенная, пустая, готовая открыться и принять, без подавленной тревоги за подругу, без любовного томления по смешному Иванушке. В мир ступай, утоли тревоги, тогда приходи. Времени у меня много, но тебе столько не дам. До середины зимы отсутствовать можешь, не более. Опоздаешь, можешь вовсе не возвращаться».

И он в последний раз открыл мой сон, чтоб могла я посоветоваться с бабушкой, а еще сказал, что за Гаврюшей моим присматривать не намерен, потому что ему не хочется и лень, и что мне надо было, прежде чем чужих сонных котов воровать, о последствиях думать.

И вот теперь у меня под боком уютно храпела собачечка, а в смежной комнате металась в жару фальшивая Маняша.

Вчера она уговаривала меня попробовать снять сонные запоры. Зачем? Для какой надобности? И болезнь моя тоже казалась сейчас подозрительной. Ну не могу я простужаться, никогда за мною такого не было.

Сон без сновидений — штука довольно неприятная, это я уже теперь стала понимать. Он дает отдых телу, но не позволяет отдохнуть душе. Для душевного покоя я фантазировала, представляя перед мысленным взором бесконечную фильму, в которой изображала то прекрасных принцесс, то отважных дам-рыцарей, а то и кровожадных чудовищ. Но всегда в фантазиях присутствовал еще один человек, тот самый, что так равнодушно меня отверг.

Вспомнив нашу первую и последнюю после Руяна встречу, я застонала от стыда и разочарования.

«Человек отличается от животного в том числе тем, что обуздывает желания, которые расходятся с моралью».

Не обнял, не поцеловал, не обрадовался расчетливо эффектному появлению.

«Играть с чужими чувствами — гнусно и недостойно».

Как я после той отповеди с ума не сошла, попросту удивительно.

С чувствами играть недостойно? А что ж ты Наталью Наумовну разыгрываешь, моралист? Натальи, бедняжка, на платочках уже новые монограммы вышивает, я взглянула вчера мельком. «Н. З.» у нее на пяльцах шелками блистало. Наталья Зорина! А если ты, притворщик, не притворяешься вовсе, а искренен в проявлении симпатий, тогда сердце мое ты разбил. И тогда, Болван Иванович, мстить тебе буду со всей силой девичьего гнева!

Интересно, а как девичья мстительность соотносится с идеями суфражизма, которые проповедует моя новая подруга Евангелина Романовна? Достаточно ли в моих мыслях равноправия? А еще интересно, как суфражистка Геля обожания Брюта принимает?

Тут я захихикала, вспоминая, как грозный канцлер растекался перед надворной советницей лужицей растаявшего мороженого.

Седина в бороду, бес в ребро, не иначе. Она-то в неведении или неведение изображает. Вот, кстати, еще любопытно, Гелечкина святая простота — это притворство или склад характера? Ежели первое — то от меня почтение и аплодисменты, а еще в ученицы после попрошусь. Высокий класс. А вот если второе... То быть того не может!

С Иваном у нее нет ничего, решила я, вызвав в памяти наш совместный поздний обед. С Эльдаром Давидовичем, впрочем, тоже амуров не заметно. Он-то явно не прочь, но у Мамаева столь женолюбивая натура, что он с кем угодно флиртовать пытается.

Крестовский. Точно! «Ах, наш шеф не такой, а сякой и разэдакий...» И еще Эльдар спросил, собирались ли Семен с Гелей вместе в приказ ехать.

Значит, Юлий Францевич и Семен Аристархович — соперники за сердце прекрасной Евангелины? Какой манифик! Ни в одной фильме до такого не додумаются!

— Авр-р...

Басовитое ворчание под мышкой сообщило мне, что валяться далее — преступно по отношению к братьям нашим меньшим, голодным страдальцам, которые поспали, а теперь хотели жрать.

— Веревки ты из меня вьешь, — зевнула я. —обеда дождаться никак?

Ворчала по привычке, уже нащупывая ступнями домашние туфли.

Гаврюша за движениями моими следил с одобрительным вниманием. А убедившись, что я пошла к двери, зарылся в плед, досыпать.

Бобынинскую кухарку величали Акулиной. На отчество она не отзывалась, поэтому за неиспользованием я его позабыла.

— Так чего сами ножки трудите, барышня? — проговорила она, выслушав мою просьбу. — Сейчас девицы сарматские вернутся, я их в чуланчик за дровами отправила, да и покормят вашего питомца. А вы к барыне в гостиную ступайте, девичьими делами займитесь. У нее-то, голубицы нашей, подруг не осталось совсем, кто замужем, а кто за границами в ученье.

Акулина была бабой пожилой, поэтому могла себе позволить в отношении меня некоторые вольности, даже указывать.

Прихватив с тарелки хрустящий пирожок, я отправилась к кухне.

Наталья Наумовна сидела за столиком, смягченный тюлевыми занавесками свет для рукоделия был слишком слаб, зато прелестно обрисовывал девичий силуэт.

— Фимочка, — Натали отложила пяльцы, кивнула с приветливой улыбкой, — что ж ты аппетит перед обедом перебиваешь?

Пожав плечами, я дохрустела, вздохнула, сытости не ощутив, и присела на свободный стул.

— Все же твоя Акулина — великолепная кухарка. Иногда так и хочется ее к себе переманить.

— Попробуй, — разрешила кузина. — Я кстряпне ее равнодушна, а ты в новом положении вполне сможешь своих людей на кухню нанимать.

— Мы вернемся к этому разговору, когда батюшка наконец позволит мне тебя не стеснять и своим домом в столице жить.

— Какие стеснения, милая Фима! Твоими гостеваниями я счастлива сверх меры. Хоть вечность живи. Я имела в виду вовсе не это. Обручение твое с князем Кошкиным закончится свадьбой, думаю, не позднее начала травеня. Кажется, положенные в этом случае полгода тогда как раз истекнут. Хотя, если позволишь, я бы посоветовала другой месяц для венчания выбрать.

— Не каждое обручение заканчивается свадьбой, — кисло возразила я. — И довольно часто длятся они более полугода.

— Это когда дело не касается политеса императорского двора. Фимочка, да ты, кажется, не осведомлена о тонкостях, с которыми тебе придется столкнуться? Может, ты и объявлений не видела?

Не дожидаясь ответа, Натали вскочила, подбежала к полированному шкафчику в углу гостиной и

извлекла из-за дверцы плюшевый толстенький альбом.

— Где же оно? — разложила она передо мною находку и принялась листать.

На мелованные странички были с тщательностью вклеены десятки газетных вырезок, под каждой, вписанные от руки, стояли дата и название издания.

— Вот, изволь.

«Мокошьградские ведомости» сообщали, что князь Кошкин, Анатолий Ефремович, с благословения его величества Берендия Четырнадцатого, обручился с девицею Абызовой Серафимой Карповной в личной резиденции на острове Руян.

Объявление обрамляли гирлянды с херувимами и розовыми бутонами.

— Про полгода ведь не написано? — поморщилась я от художеств.

— В оглашении нет. Но, Фимочка, и прочие газеты про вас писали, а я для тебя собирала все. Прими, дорогая, сей маленький презент от чистого сердца.

Пришлось принимать, с фальшивым вниманием перелистывать. Читать не читала, но некоторые строчки буквально впрыгивали в глаза.

«...История страстной любви провинциальной купчихи с берендийским князем...», «...повеса К., наконец остепенившись...», «... пикантная брюнетка с родинкой у рта повергла к своим ногам...»

Зажмурившись, чтоб не видеть всего этого непотребства, я выдавила благодарности.

— Ах, прости, Фимочка. — Прежде, чем мне удалось захлопнуть альбом, кузина выдернула из него ненаклеенную заметку. — Это уже мое.

Виньеток там не было. Сухим казенным языком сообщалось о проведении торжественного заседания у генерал-губернатора, на котором...

— Господина Зорина орденом наградили? — спросила я без улыбки. — За верную и безупречную... Прости, дальше дочитать не успела.

— Так точно, — счастливо ответила Натали. — Иван скромничает, говорит, что тогда всех подряд к этой награде представили, но я такую гордость испытываю...

Глазки ее увлажнились, кузина принялась обмахиваться заметкой, будто веером.

Кажется, я скрипнула зубами.

— Ах, Фимочка, — щебет продолжался, — не думала, не гадала, что и на моей улице праздник будет. Тебе-то, милая, наши отношения могут казаться мелкими и неинтересными в сравнении с твоею историей, но для нас это чудо! Впервые за всю свою жизнь я ощутила себя за каменной стеной, почувствовала любимой и желанной.

— Ну-ну, — раздалось от двери недовольное ворчание. — Посмотрим, сестрица, крепка ли твоя стена или при первой же непогоде размоется.

Аркадий Наумович вошел, поправляя рукава своего мундира.

— Серафима, здравствуй. Давайте обедать, барышни, после мне обратно в контору вернуться надлежит.

— Бонжур, кузен, — обрадовалась я. — Будь любезен мне адрес своего портного сообщить, мне мундир заказать требуется.

Бобынин сообщил и пустился в рассуждения о тонкостях кроя и качестве сукна. Тема любви и браков, к счастью, более не поднималась.

Вскоре лакей пригласил нас к столу. Аппетита отчего-то не было, что позволило кухне сызнова попенять меня вредными перекусами.

— Акулину не обижай, — велел мне Аркадий. — Откушай, а то худа больно стала.

Он с усилием отвел взгляд от моей груди.

Неужели Аркаша до сей поры мыслей своих на мой счет не оставил? Была у нас стычка, давно была. Прижал меня однажды братец к перильцам, отроковицу четырнадцати лет, дыхнул в нос перегаром да принялся юбку задрать. Синяков еще наставил презрительно. Маняша меня тогда спасла,

схватила напольную вазу с межэтажного проема, да и опустила на барскую голову.

Он после извинялся, умолял бабушке не жаловаться. Я и простила. А нянька потом слышала, как он приятелям в гостиной говорил, что я сама перед ним хвостом крутила, блудница загорская.

Я прикрыла грудь салфеткой и принялась откушивать. Акулина действительно кухарка каких мало. И одна же у плиты хозяйничает, без поварят, а все успевает. И суп наваристый с крендельками, и нежнейшую телятину на вторую перемену, и десерт — яблочный штрудель по швабскому рецепту.

На штруделе меня стало клонить ко сну. Осоловевшим взглядом я посмотрела на часы. Если съезнова на боковую отправлюсь, на дрему у меня меньше часа останется. С Евангелиной Романовной на половину седьмого уговаривались.

— Ты в контору на извозчике поедешь? — спросила я Аркадия. — Позволишь компанию составить?

— К портному тебя завезти?

— Было бы чудесно! Обожди, я мигом переоденусь.

Отложив салфетку, я побежала к себе, не забыв, впрочем, заглянуть на кухню с комплиментами Акулине.

Марты поднялись при моем появлении с козетки.

— Что вам в своей комнате не сидится? — спросила я, передвигая плечики с платьями.

— На первом этаже? — спросили девицы в ответ. — От Натальи Наумовны в близости?

Они споро меня переодели и даже причесали, плотно заколов шпильками непослушные прядки. Я прошла, стуча каблуками, проверяя удобство шнуровки высоких ботильонов.

— Шубку какую?

— В прихожей надену, две перемены шуб в день даже для барышни Абызовой чересчур.

— А как же собаченька, ее с собой не возьмете?

Собаченька их пугала. Судя по количеству пустых мисок, которые не успели еще вернуться на кухню, былинным аппетитом в том числе. О чудесном превращении Гавра я горничным не сообщала, рассудив, что нечего девицам еще и чародействами голову забивать.

— Придется брать, — сообщила обрадованным Мартам. — Корзинку подайте, в ней понесу.

— Которую?

— В которой рукоделие. Нитки с иглками долой да шалью дно прикройте для мягкости.

Я спустилась к Аркадию Наумовичу эдакой Машенькой. Не садись на пенек, не ешь пирожок.

— Кузина, — Бобынин самолично подал мне шубу, — все хорошеешь.

Мне показалось, что руки его дольше необходимого задержались у моих плеч. Гаврюша решил так же, зарычал из корзинки, которую, пока я одевалась, держал лакей.

— Ав-р, ав-р, ав-р!

— И защитники твои выглядят все нелепей. — Аркадий первым вышел на крыльцо.

Чиновничий портной обитал в глумской слободке и являлся, соответственно, глумом.

— Коллежский ассессор Попович? — переспросил он, когда я изложила тонкости заказа.

Я бросила быстрый взгляд в сторону Бобынина, который ожидал меня, перебирая суконные рулоны, сваленные на столе, и понизила голос:

— Вы, господин Файнтух, Евангелину Романовну уже обшивали? Только она в другом нынче звании.

— Если вы, барышня, видите, что мое дело семейное еще худо-бедно идет, значит, с вашей Поповичью я его не имел. — Он покрутил в воздухе пальцами, длинными, которые подошли бы скорее музыканту. — Торгуется она, чиновница ваша.

— Об этом можете не волноваться, — улынулась я, — торговаться не буду. Барышня Попович по моей неуклюжести мундир свой попортила, желаю ей новый презентовать.

Глазки гнума зажглись алчными огнями, он пожаловался, что на дамские мундиры сукна уходит больше, чем на мужские, что лекала для кроя придется одалживать, что...

Я поглядела на часы с кукушкой, висящие на стене, зевнула, прикрыв ладошкой рот, потрепала за ушком Гавра и жеманно протянула:

— Ваши трудности, любезный мастер, разверзают в моей душе бездны сострадания. Давайте сделаем так: вы сейчас упаковываете мне тот мундир, что для Евангелины Романовны по ее заказу шили, а я заплачу втрое от обещанного.

Гнум посмотрел на часы с кукушкой, зевнул, рот не прикрыв, и собачечку ласкать поостерегся.

— Вчетверо?

— По рукам, — сказала я без жеманства.

Льняная занавеска, закрывавшая дверной проем в смежную комнату, была сразу отодвинута, и глазам моим предстал ростовый манекен с черным дамским мундиром на нем. Гнум-подмастерье стал его снимать и заворачивать в хрустящую упаковочную бумагу с названием заведения.

— Не знаешь ты, Серафима, деньгам счета, — укорил меня Аркадий Наумович, когда мы вернулись к коляске. — Впрочем, чего еще от кисейной современной барышни ожидать.

Я обиделась. А сам-то! Видела ведь, что он в рулонах на столе не просто так рылся, искал что-то, а когда нашел, на то место стопку ассигнаций засунул.

— Натали к вашей кисейной породе также принадлежит, — не замечая моей обиды, продолжал кузен. — Цветы, наряды, лакомства. А стоит на транжирство указать, моментально обиды и угрозы. Не имеешь, братец, права мне указывать! Я жениху пожалуюсь, уж он-то меня защитит.

Он возбужденно жестикулировал, чуть не вываливаясь из коляски, говорил громко, с драматическими интонациями. Если бы я не провела с ним последние два часа, решила бы, что Аркадий Наумович попросту пьян. Но к обеду вина не подавалось, а от рюмочки наливки за десертом взрослого мужчину так развезти решительно не могло.

— Ты-то, Серафимушка, своему жениху на меня не донесешь?

— Есть за что?

— За меня тебе замуж надо было, — всхлипнул кузен. — И деньги бы в семье остались, и...

Какие еще выгоды проистекли бы от нашего с ним брака, Аркадий Наумович, видимо, придумать не смог. Он бы и трезвым не сподобился, а уж в сумеречном своем состоянии и подавно.

Кузен хочет денег, только их. Не подозревает в ослеплении, что счастья они не приносят, и спокойствия, и даже защиты. Хорошая берендийская поговорка есть — от сумы да от тюрьмы не зарекайся. По воле канцлера Брюта вся семья Абызовых в один миг и то и другое получить может. Дело о заговоре и покушении никуда не делось, лежит в шкафу тайной канцелярии и на столе окажется сразу, как его высокопревосходительство решит. И папенька о том знает, поэтому и в границы империи ни ногой, ждет, пока я в силу войду, пока смогу семью защитить.

— Сновидцы, Фима, особое чародейское сословие, каждый из них при императорском пригляде и благоволении, каждого свое царство-государство бережет и пылинки сдувает. Станешь сновидицей, даже канцлер над тобою власти не получит.

— Вам, папенька, не приходила мысль, что наше величество тоже может оказаться не самым симпатичным субъектом? Не попасть бы из огня в полымя.

— Управление в нашей отчизне не только монархом производится. Есть еще сенат, министерства, Священный синод.

— И никому из них сновидцы не подчиняются, мне учитель сказывал, что мы вне государевой политики существуем.

— То-то и оно. Вы принадлежите миру в общем. Это твой учитель сказывал уже мне. Только вот не желает объяснять, блаженный чародей, для чего именно вы этому миру так уж нужны.

— Папенька, я если я не захочу, если пожелаю только себе принадлежать?

— Неволить не буду. — Родитель тогда обнял меня крепко. — Только, Фимка, не попробуешь, не узнаешь. А труса праздновать и после жалеть о том, чего не сделал, не по-нашему это, не по-абызовски. Не сдюжишь, беды особой не будет. Найдем местечко под солнцем, скинем в отечестве

капиталы, как ящерка хвост, может, откупимся этим. А на пропитание я тебе везде заработаю. Мне же главное, чтоб было для кого стараться. Замуж тебя выдам за простого человека, потому что читывал в медицинском журнале англиском, что у чародеев меж собою редко детишки получаются. Ты мне внуков родишь, заживем!

На этом моменте я батюшкины фантазии прервала, потому что ощутила в его тоне тревожные нотки предопределенности. Подготовил уже Карп Силыч отступление, точнее точного. И местечко облюбовал, и недвижимость прикупил соответствующую, и, может, господинчика нужных статей приметил. Ну характер такой у моего родителя. Недожинной основательности человек.

Пока я предавалась воспоминаниям, коляска наша уже катилась по бульвару, а Аркадий Наумович, утомленный своим страстным монологом, откинулся на спинку, задремав.

— Сойду здесь, пожалуй, — разбудила я его. — Вели кучеру остановить.

— Не желаешь мою контору посетить?

Его контору! Пришлось скрыть улыбку от этого хвастливого заявления.

— Подруга меня ожидает. — Я кивнула на корзинку, предлагая собеседнику дальше додумать, что встреча подразумевает передачу собачечки.

— Что за подруга? Какого звания? Как твой старший родственник, Серафима, я обязан...

— Аркашка! Друг! — через борт почти остановившейся коляски к кузену обращался развеселый господин. — На службу? Представишь прелестной барышне?

Поначалу не признав Мамаева в статском платье, я молча хлопала глазками. Кучер остановил лошадь.

— Господин Папаев, — без удовольствия представил Бобынин, — Эльдар Давидович, чиновник по морскому ведомству. А это моя кузина, Серафима Карповна Абызова.

— Счастлив знакомством. — Эльдар перевесился через борт, чтоб приложиться к ручке, но приложился к мокрому Гаврюшину носу.

Гавр чародея признал и встрече непритворно обрадовался, видимо считая, что тот всегда пирожки с расстегаями при себе имеет.

— Авр-р? — Выпечки не было, к эдаким ударам судьбы собачечку жизнь не готовила.

— Как все пречудесно образовалось, — кивнула я Аркадию, — ты, братец, вместо спутницы приобрел спутника, скучать вам не придется. Господин Папаев, извольте мне помочь.

Я спустилась на мостовую, опершись на Эльдарову руку. По ней сразу же побежали знакомые огненные искорки.

— Аркадий, будь любезен, корзину, пакет.

Заняв обе руки ношей, присела в книксене:

— Хорошей прогулки, господа.

— Экая штучка, — довольно громко сообщил Мамаев, усаживаясь в коляску на мое место. — Это в каких же краях таких нимф...

Окончание фразы скрало расстояние, уличный шум и стенания голодного Гавра. Пришлось сей же момент покупать ему у лоточника связку баранок, и терпеть толпу зевак, желающих полюбоваться прожорливым зверьком.

— Куда только оно все помещается? — ахал лоточник. — Покупайте, люди добрые, наивкуснейшие баранки. Тварь бессловесная врать не будет, вишь, как уплетает!

Желая поддержать бойкую торговлю, нам спрезентовали еще одну связку.

— Тварь ты, — сокрушалась я, — разбойник. Что ж ты меня позоришь? Можно подумать, я тебя голодом морю.

— Ав-р, — чавкал Гаврюша. — Ав-р...

Завидев третью связку, которую нам собирались поднести, я позорно бежала. Холодный ветер проникал под юбку, мороза щиколотки. Поэтому шага я не сбавила, даже когда толпа осталась

позади. Однако куда же подевался весь мой огонь? Мерзнуть было непривычно и неприятно.

— Чаю, — первым делом попросила я в «Крем-глясе», — много горячего чаю, пожалуйста.

— Наливочку к нему рекомендую, — интимно предложил официант. — С морозца самое то.

Я кивнула, поискала взглядом Гелю, ее рыжая голова пылала на фоне камина.

— За тот столик поднесите.

— Это что? — спросила Евангелина Романовна, рассматривая пакет, который я сунула ей в руки, едва поздоровавшись.

— Это замена тому мундиру, что ты из-за меня разорвала.

Попович приняла не сразу, подумала минутку, видимо прикидывая, считается ли сие подношение взяткой, после улыбнулась:

— Благодарствую, Серафима Карповна. Подарок полезный, я мундиры порчу с прискорбной быстротою.

Ямочки у нее на щечках появились милые, в зеленых глазищах читалось добродушное спокойствие. Как же она мне нравилась в этот момент! Очень хотелось, чтоб она именно такой и оказалась, не хитрой притворщицей, а доброй и честной девушкой, которую в подругах кто угодно иметь захочет.

— Файнтух? — Геля прочла название на упаковке. — Хороший портной.

— Ты у него обычно обшиваешься?

— Обычно не у него, дорого сей гнум за свою работу просит. Однажды заказала, только в приказ на службу прибыв, ну и третьего дня, когда поняла, что...

— Поняла что?

Но Евангелина Романовна отвлеклась на Гаврюшу, корзинка с которым стояла на соседнем стуле. Я догадалась, что дальше подразумевалась информация служебная, не для моих ушей, и слегка огорчилась.

— Только третьего дня решили его лавочку прикрыть? — Как раз принесли заказанное, поэтому спросила я, переждав, пока официант удалится.

— Прости? — Геля скармливала бездонному Гавру мороженое, поэтому замерла с занесенной ложечкой.

— Уж не знаю, как это у вас, сыскарей, называется, — принялась я жеманничать. — То место, где запрещенными зельями приторговывают. Притон? Вертеп? Ну, когда официально все чин чинном, мастерская с заказами солидными, а из-под полы, тайно... Удобно еще между ткаными рулонами пузырьки да пакетики засовывать. А уж люди знающие, где искать, вместо склянок и пакетиков деньги оставляют.

— Ты... — Геля отдернула руку, в которую вцепилась собачечка, отложила ложку и прямо в корзину поставила креманку с мороженым. — Как ты умудрилась все это выяснить?

— Талант, букашечка. — Эльдар переставил корзинку и уселся, оказавшись между мной и Попович. — У нашей огненной Серафимы еще один талант обнаружился.

— Господин Папаев! — умилилась я фальшиво. — Какая у вас бурная фантазия в подборе псевдонимов! Вы, часом, не купец?

— Я, Серафима Карповна, князь, — четко проговорил чародей.

— Сейчас начнет кинжалом махать, — хихикнула Попович. — Оскорбили, обидели. Князь ты, князь басурманский, и род твой древний. Что нам теперь с талантливой барышней Абызовой делать, а?

Мамаев вовсе не обиделся, обозвал Гелю букашечкой безнаказанно, мне подмигнул:

— Желаете, Серафима Карповна, на службу? Вольным агентом вас в чародейский сыск определим. Жалованье вас, пожалуй, не привлечет, зато интересностей и опасностей обещаю много.

— Будь я мужчиной, Эльдар, — Евангелина Романовна сложила молитвенно руки, — я бы тебя сейчас расцеловала.

— Все вы в этом, суффражистки! В общем за равноправие, а как до поцелуев доходит, «ах, я же

барышня...» — покачал головой Мамаев. — Ну, Серафима, решайся.

— Начальник ваш не позволит.

— А мы ему про такие мелочи докладывать не обязаны.

— Неужели Семену Аристарховичу наврешь? — посмотрела я в зеленые глаза Гели.

— Врать не буду, — вздохнула девушка. — Если спросит, отвечу прямо. Только он не спросит, он в последнее время всеми силами служебных тем избегает.

— Никто не собирается обманывать, — успокоил нас Эльдар. — Разрешения просить мы не обязаны, а после... Ну что они нам сделают? Примутся барышню Абызову памяти о том, что мы ей рассказать успели, лишать?

— У вас сновидцы в приказе есть? — спросила я сразу.

— Что? — Эльдар выложил на стол серебряную цепочку с подвеской-звездочкой. — Не томи. Да или нет? Быстро.

— Да, хочу да буду.

— Поздравляю, коллега, — он надел цепочку мне на шею, — вы приняты в чародейский приказ вольным агентом до, предположим, пятнадцатого сечения следующего года.

— Контрактов подписывать не будем?

— Ну какие еще меж чародеями контракты? Евангелина, можешь расцеловать сотрудника.

Попович указание исполнила, не чмокнула губами воздух, как это меж барышнями принято, а действительно поцеловала.

— А от чего форма оберега зависит? — спросила я достав из-за воротника свой кулончик, оказавшийся буковкой «ять».

— От личных качеств оберегоносца. — Эльдар разлил ярко-красную наливку из графина по двум стопочкам, кивнул. — Вздрогнули, барышни, и приступим.

Мы выпили. Наливка оказалась вишневой, на косточках настоящей и довольно крепкой.

— Почему ты про сновидцев спрашивала, Серафима? — Эльдар без паузы налил по второй.

Эта пошла вообще замечательно.

— Ты про лишение памяти упомянул, а я знаю, что это лишь сновидцам под силу. Оттого и спросила.

— Нет у нас таких чародеев, к прискорбию либо к счастью.

— А я стану. — После третьей захотелось хвастаться. — Я, Серафима Абызова, стану сновидицей, когда летар...

— Притормози, соблазнитель. — Попович придержала графин и отставила его подальше. — Напоишь нам агента, а протрезвить без Ивана не сможешь.

— Сновидица, — прошептал чародей грустно. — Теперь понятно, чего канцлер в тебя вцепился. Эх, лучше бы ты с мертвыми говорила.

Тут Геля сообщила, что боится покойников, а я сказала, что ничего в них страшного нет, и что смерть очень на сон похожа, и, ежели кто сразу за грань уходит не желает, вполне и поговорить с ним возможно, и не опасно ни капельки. А Эльдар сызнава удивился, а Геля сказала, что он дурачок, хотя и чародей, потому что с сонным котом я ни от кого не скрывалась, и мог бы уже сам дважды два сложить, и что она сразу что-то эдакое подозревала, особенно когда у Семена, шефа то есть, на столе толковник Артемидора нашла.

Тут опять зажурчало из графинчика по стопкам, и, кажется, это был уже не первый графинчик.

А я спросила, когда гнума-портного арестовывать будем. Мне пообещали, что на днях, потому что цепочку торговую от него уже проследили, и толку его на воле держать более нет, и что Аркадия Бобынина тоже закроют, как только всех его продавцов выяснят.

Тут я даже не удивилась. Потому что два и два сложила, зрачки подвижные, перепады настроений, пьяное поведение без запаха хмельного.

Мы поговорили о странностях одурманенных людей. Я пожаловалась на Маняшу, которая не Маняша, потому что странности в поведении ее заметила. Эльдар сказал, что накануне заметил странности моего поведения, что притворяться я вовсе не умею, и что притворству надо у Евангелины Романовны учиться. Я спросила, есть ли у него аффирмация, у князя басурманского, и пожалела, что не он мне на Руяне повстречался, потому что не было бы тогда у меня Анатоля, и...

— Как же я вас обоих завтра наказывать буду, — прервал наше милейшее общение густой бас Зорина.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в коей вольный агент пользуется достижениями сыскарской науки в личном расследовании

Вѣжливость заключаетъ въ себѣ всѣ общественныя добродѣтели, необходимыя намъ для того, чтобы быть полезными и пріятными окружающимъ. Она обязательна въ светскихъ такъ же, какъ въ дѣловыхъ и вообще въ жизненныхъ отношеніяхъ. Безъ нея всякія сношенія съ людьми становятся невозможными. Вѣжливость смягчаетъ нравы, предупреждаетъ ссоры, усмиряетъ раздраженіе и ненависть, заставляя насъ сдерживаться; благодаря ей мы приобретаемъ любовь высшихъ и уваженіе нисшихъ.

Она же замѣняетъ привѣтливость, если, къ несчастію, мы лишены этого достоинства.

Надворный советник Мамаев виноватым себя нисколько не считал и наказание архивами рассматривал начальственным самодурством и превышением полномочий. Да, напоил красавицу, только лишь для ускорения процесса допроса и облегчения для. Потому что барышня Абызова скрытничать с малолетства приучена, и у нее целый арсенал для этих целей припасен. Она же на каждый вопрос два своих спрашивает, она же эмоции по десятке в минуту выдает, только чтоб лишнего не сболтнуть.

Иван все это про Серафиму и без того знал, на собственной шкуре испытав, но действий друга не одобрил. Он когда увидел ее в «Кафе-глясе» разморенную, пьяненькую, доверчиво на Эльдара взирающую, у него сердце екнуло от жалости.

— А теперь у нас в приказе еще и полезный вольный агент появился, — усмехнулся Мамаев.

— Промежду прочим, — Евангелина Романовна подала голос от бумаг, которые сшивала в папки огромной неклюдской иглою, — у меня от вчерашнего голова трещит. А ею высокородие, вместо того чтоб излечить подчиненную, архивами ее мучит.

— От тебя, Гелюшка, — Зорин прошел кабинетом и щелкнул девушку по кончику носа, — я такого не ожидал.

— Спасибо. — Попович сморщилась, потирая нос, затем улыбнулась. — Ты, Иван, Серафиму недооцениваешь. Разгадала она маневр Эльдаров, просто решила ему подыграть чуточку.

— Ну да, — недоверчиво хмыкнул Мамаев.

— Уверена. Тяжко ей, Серафиме, все в себе держать, а выпустить не умеет, вот и поддалась. А ты, Эльдар, уверившись в своей власти, сам сверх меры разговорился. Скажешь, нет? Если список из ваших разговоров составить да твой с ее сравнить, твой длиннее окажется.

Мамаев слегка смутился и посмотрел на Ивана, будто ожидая поддержки.

— В притворстве барышня Абызова не сильна, — продолжала Геля, — но ей того и не нужно, она кокетка и при этом не дурочка — знает, как и когда девичью слабость проявить.

Зорину эти рассуждения удовольствия не доставили, может, потому, что слишком много в них было правды. Он вернулся за свой стол, будто удаляясь из разговора.

— Иван Иванович, — спросила Попович после довольно продолжительного молчания, — Серафима тебе про свою подменную няньку рассказала? Что про это думаешь?

— Думаю, что вы, сыскарики, вместо нового агента новое дело на свои головы нашли. — Зорин посмотрел на подчиненных со значением, продлевая паузу. — Начинай, Гелюшка, по пунктам, с момента, когда Серафима Карповна о подмене заподозрила.

Евангелина Романовна отложила иглу, раскрыла блокнотик и, сверяясь с заметками, изложила все, о чем удалось узнать.

Иван Иванович слушал, кивал.

— Выводы?

— Если отмести вариант нервических фантазий... Я бы его, к слову, полностью со счетов не списывала. Сама барышня Абызова нам поведала, что многие сновидцы к безумию предрасположены.

— Сновидческое безумие, — перебил ее Мамаев, — чаще всего лишь нежелание следовать общественным нормам, а Серафима...

— Ты, Эльдар Давидович, все бумажки подшил? — с фальшивым участием спросил Зорин. — Так тебя в архиве еще море разлитое дожидается.

— Я лишь уточняю.

— Уточнять будешь, когда Евангелина Романовна к тебе за консультацией обратится. Дело это ей поручается. Геля, продолжай.

Барышня Попович вздохнула, размолвка друзей ее расстроила.

— Я вовсе не считаю, что Серафима Карповна безумна, я только предполагаю держать эту возможность в уме. Кроме афронтв общественной морали от сновидцев туда же можно отнести и наследственность. Матушка Серафимы страдала от душевной хвори.

Мамаев восторженно, желая задать вопрос, Геля это движение заметила:

— Перед службою я успела сегодня к Матвею Кузьмичу, лекарю вашему чародейскому, навеститься, он Полину Бобынину прекрасно помнит.

— Молодец, — похвалил Иван девушку. — Версия девичьих фантазий у нас есть, и со всех сторон она подтверждена.

— Тогда мы о ней не будем, приступим к другой. Итак, некто занимает место няньки барышни Абызовой. Кто, как и зачем? Кто: некто, знающий обеих, способный изобразить манеры, речь и поведение оригинала. Как: во время извлечения сущности госпожи Нееловой демоном Крампусом. Здесь заковыка. Этот некто сговорился с Крампусом? Иначе как он мог заранее это все спланировать? О случайной подмене и речи быть не может. Серафима пыталась разговаривать «нянюшку», та отвечает на вопросы о прошлом без затруднений. Ну и последнее: зачем? Какой прок этому «некто» от должности Серафиминой наперсницы? Вот и получается у нас, что версия с безумием сновидицы — стройная и доказательная, а противоположная полна неясностей.

Громкий хлопок картонной папки о столешницу возвестил, что со своей частью архива Эльдар закончил.

— Будем считать, Евангелина Романовна, что тебе сей момент чародейская консультация понадобилась. Допроси, любезная, господина Зорина, который с демоном Крампусом близкое знакомство на Рюане свел.

— И что я у него спросить должна?

Иван смотрел на сыскарей с интересом, ожидая продолжения.

— Спроси, почему он тогда решил, что Мария Анисьевна в лапах демона пребывает.

Зорин улыбнулся:

— Будем считать, что провинность свою ты отработал. Хороший вопрос. Именно что решил, без всяческих подтверждений. И, когда демон перед нами коллекцией своей хвастался, госпожи Нееловой я у него не видел.

— Ничего не поняла. — Геля махнула блокнотиков возбужденно. — Демон ни при чем?

— Получается, что да. — Зорин встал из-за стола, отобрал у девушки блокнот, чтоб не мельтешила. — Получается, что он удачно подвернулся, чтоб пропажу няньки на него списать.

— А если бы не подвернулся? — Мамаев тоже поднялся, и теперь они с Иваном стояли друг напротив друга.

— Няньку нашли бы в холмах с вывихнутою ногою, которая ей не позволяла сразу к хозяйке вернуться, или на берегу, вынесенную туда приливом, чудесно от утопления спасающуюся.

— А тело-исходник? Уничтожено?

— Нет, это опасно. Если перенос сорвется, нужно пустое тело для отступления приберечь.

— А Неелова?

— И она нужна! Всего подсматриванием и подслушиванием не вызнаешь. А если по ходу дела вопросы новые возникнут?

— Ах, как любопытно... Тогда получается?..

— Вот и я о том же.

— Сыскарики! — взмолилась Евангелина. — Можно слов побольше? Какое тело-исходник?

— Из которого тот, кто Маняшину роль на себя взял, появился. — Эльдар на девушку не посмотрел. — Ванька, ты о чем-то недоговариваешь!

Зорин явно смутился, растерянно пожал плечами.

Попович отобрала свой блокнотик, подхватила со стола карандаш:

— Значит, так, господа чародеи, ваши личные отношения ко мне в данный момент касательства не имеют. Отвечайте мне немедленно. Подозреваемый кто? Мужчина, женщина?

— Женщина, — уверенно сказал Иван Иванович, — мужчине в женском теле было бы несподручно.

— Чародейка?

— Нет!

Геля поставила в блокноте галочку:

— Почему?

— Потому что это колдовство не наше, не человеческое.

— Ведьма?

Сыскари переглянулись и оба рассмеялись:

— Ведьмы? Нет, Гелюшка, эта порода так колдовать решительно не в состоянии.

— А кто тогда? Неклюды, басурманские шаманы? Кто эта женщина?

— Навья. — Улыбка Ивана сменилась выражением крайней усталости. — Это совершенно определенно грязная навская волшба.

Тут им пришлось прерваться, младший чин явился призвать Зорина в кабинет неожиданно явившегося в приказ начальства.

Надворная советница Попович налов не боялась, она дописала свои заметки, перечитала их внимательно.

— Эльдар, чем навья от обычных людей отличаются? Что нужно в теле-исходнике обнаружить, чтоб понять, что это именно оно? Хвост?

— Вот уж не думал, Попович, что ты в досужие сплетни веришь. Ну какой еще хвост?

— Погоди! Выражение даже такое есть — навья снасть.

— Где есть?

— В народе, Эльдар Давидович, в нашем великом берендийском народе.

— Наш великий народ необразован и темен.

— А ты вообще басурманин, и нечего тут мой народ сквернословить.

Они похихикали, ругаться друг с другом нравилось им чрезвычайно.

— Ладно, букашечка. — Рука Мамаева, уже опустившаяся в карман за гривенником, там и осталась. — Какие-то отличия в том теле быть, наверное, должны. Но это совершенно точно не то, что сможет определить человек неподготовленный. Когда-то налов находили по рудиментарным отросткам, наверное, чем-то похожим на хвосты, либо по чешуйкам, проросшим сквозь кожу. Но это было давно.

— Они меняются?

— Как и все мы. — Чародей все же достал монетку и задумчиво покрутил ее в пальцах. — Они хладнокровные. Не в фигуральном смысле, а фактически.

— В приказе градусник имеется? — деловито спросила Геля. — И у кого температуру измерить? У поддельной Манящи или у исходника? Это качество к телу привязано или к сущности?

— Какие вопросы толковые, — восхитился Эльдар рассеянно. — И как их много! Холодно ей должно быть, няньке, а барышня Абызова горячая...

— Вчера Серафима жаловалась, что озябла. Удивлялась еще этому факту.

— А еще говорила, что Маняша в горячке мечется.

— И что из этого следует?

— Что кое-кто пожадничал и чуть не лопнул от чужой горячей силы.

Геля встревожилась:

— Это опасно?

— Не для Серафимы. — Мамаев улыбнулся слегка мечтательно. — Там, букашечка, такие бездны, что никому не исчерпать.

— Перфектно! Тогда мне достаточно присматривать за барышней Абызовой, своей осведомленности не выказывая.

Евангелина Романовна выдвинула на центр стола кружку с «паразитическими» денежками:

— За обед сегодня я заплачу. Засим борьба с паразитическими словами объявляется проигранной. А ежели кому наши слова не нравятся, так это не наше дело.

Эльдар Давидович это решение горячо поддержал, и они в четыре руки принялись за подшив оставшихся документов, чтоб до обеда закончить эту неприятную работу.

Какое отвратительное было утро! Никогда еще не было мне так плохо, ни разу в жизни. Сама виновата, чего уж себе врать. И дело было не в похмелье, его-то, стараниями Болвана Ивановича, у меня как раз не наблюдалось. Сердце болело, или душа, или самомнение, обломки которого так больно царапали сейчас и душу, и сердце.

Вчера Иван, не слушая возражений, забрал меня от сыскарей, засунул в коляску, устроился рядом со мной. А я, смелая и веселая, прильнула к нему. Дура! С поцелуями еще полезла. Зорин меня отодвинул, велел кучеру трогать.

— Гаврюша! — заорала я. — Собачечку мою забыли!

— Авр-р, авр-р, авр-р-р... — Гаврюша выбрался из корзины, которую, оказывается, чародей успел поставить у меня в ногах.

— Трогай, — повторил Зорин погромче и подхватил кривоногое нечто, ласкающееся, как это только что делала я.

— Эльдар Давидович его заколдовал, — пояснила я с непонятной гордостью. — Еще и моей силы зачерпнул.

— Эльдар? — недоверчиво переспросил Иван Иванович. — Ему на этот фокус силы не доставало?

— Фокус?

Зорин покачал головой и собачечка в его руках стала пухнуть, раздуваться на манер кузнечных мехов, а когда перестала помещаться в коляске, чародей подбросил ее вверх. Раздался хлопок, будто собачечка лопнула, и сонный кот Гавр взмыл к облакам, мощно взмахнув крыльями.

— Красавец какой вырос, — проводил Иван взглядом его полет.

— Фокусу этому меня обучишь?

Зорин улыбнулся холодно:

— У вас, Серафима Карповна, обучателей и без меня довольно. Попросите господина Мамаева, например.

— И попрошу. — Насупившись, я принялась смотреть на закованную льдом Мокошь в обрамлении фонарных огоньков.

Коляска неторопливо катилась по набережной.

— Сейчас я вас на Голубую улицу доставлю, а на будущее попрошу более...

— Господин Мамаев, в отличие от прочих знакомых мне чародеев, кавалер предупредительный.

— Ты желаешь во мне ревность вызвать? — Иван взял меня за плечи и повернул лицом к себе. — Хочешь, чтоб я тебя к Эльдару ревновал?

— А ты высокомерно считаешь, что во всем его превзошел? — От злости у меня даже губы дрожали. — Думаешь, господин Мамаев моей страсти недостойн?

— Ее страсти, — пробормотал чародей раздражено, — подумайте только, ее страсти...

Он быстро и зло поцеловал меня:

— Твоя страсть всего лишь...

Еще один поцелуй.

— Эльдар мне друг, и никакая страстная девица...

Он не мог закончить ни единого предложения, потому что каждое из них прерывалось моими губами.

Стало жарко, поток жидкого огня хлынул по позвоночнику. Ласки Ивана становились все настойчивее. А я... Я от него не отставала.

— Ты пьяна, — сказал чародей, — мы не можем, это неправильно.

Он щелкнул меня по кончику носа. Хмельной морок из головы моментально исчез. Я, тяжело дыша, с ненавистью посмотрела в васильковые глаза.

— Не можем, конечно же не можем! Порочная девица тебя недостойна.

— Погоди, бешеная, ты все не так поняла.

Но меня было уже не остановить. Я закричала, подняв лицо к небу:

— Гавр! Ко мне! — И в следующее мгновение взлетела, поднятая мощными лапами своего питомца.

Сверху мне было видно и ледяную Мокошь, и цепочку фонарей, и удаляющуюся от нас коляску с испуганным кучером и застывшим статским советником Зориным.

— Хороший мальчик, — похвалила я Гаврюшу, когда мы приземлились на балкон бобынинского дома. — И ненужно нам тебя больше в кракозябру обращать.

Гавр со мной согласился. После того как горничные впустили нас в спальню, он завалился на кровать и заснул, а я еще долго плакала и страдала.

Завтракать не спустилась, велев принести мне кофе в постель. Вместе с кофе явилась бледная «Маняша».

— Что за кулончик? — спросила она, заметив мамаевскую подвеску в вырезе ночной сорочки. — Не припоминаю я его.

— Эльдар Давидович вчера подарил, — покраснев слегка, ответила я честно. — Ты здорова уже, нянюшка?

— А губы-то припухшие, а глазки-то заплаканные. Тоже Эльдар Давидович постарался?

— Он, представь себе, князь.

— Представляю, этих басурманских князей в столице хоть косой коси, кто в Мокошь-град со своих гор переберется, сразу князем становится. Кстати, о князьях. Вечером его сиятельство с визитом отметился, даже я до гостинной доковыляла, на его кудри полюбоваться.

— И чего?

— Да ничего. — Она повела рукой, указывая на розовый букет в вазе.

— Велю Мартам унести, — решила я. — Записку не оставил?

— Нет. Сокрушался, что ты корреспондировать с ним не желаешь.

Я глотнула кофе, почесала за ухом Гаврюшу:

— Сейчас, разбойник, мы тебя покормим, а после гулять отпустим. Маняша слаба еще хозяйничать, мы Март наших руянских в помощь кликнем.

— Наталье Наумовне они внизу помогают, — сказала нянька недовольно. — Юбку подшивают, чтоб в коньках не путалась.

— В каких еще коньках?

— Его сиятельство сегодня вас на каток пригласил, вот она и готовится.

Чудесно! Нас пригласили! Она готовится! Интересно, а Зорина она с собою потащит? Нет, просто интересно, согласится ли Болван Иванович на льду позориться ради своей глубоко порядочной кроткой невесты? А мне тогда кого в спутники назначить, чтоб брошенкой не казаться? В чародейский приказ телефонировать господину Мамаеву? Ах, у меня же тоже жених имеется!

Я посмотрела на рубиновое кольцо с ненавистью. Князь Кошкин у меня в спутниках по умолчанию.

Девица Фюллиг заглянула в двери:

— Чего прикажете, барышня?

Я приветственно замахала руками, и обе горничные вошли.

— Во-первых, нужно Гавра покормить, во-вторых, давайте поможем Марии Анисьевне переодеться.

— А мне зачем? — заворчала нянька. — Мне-то с вами не ехать, слаба я.

— Ты в этом платье две ночи от жара страдала. Не спорь, Маняша.

Командовать прислужгой было привычно, и робость, которую я испытывала, оставаясь с Маняшей наедине, меня не сковывала.

Гаврюше принесли миску рыбешки и кувшин молока. Он ел аккуратно, присмотра не требовал. Я нырнула в гардеробный шкаф и достала новую шелковую сорочку:

— В это тебя переоденем. Идем в твою комнату.

— Да я и сама могу, нечего из меня барыню строить, — трындела нянька, с неохотой следуя за мной.

Я держала ее за руку, казавшуюся мне ледяной.

— Ничего, ничего, авось не разбалуетесь.

Ах, как же трудно притворяться!

В Маняшиной горнице я присела на пуфик у трюмо и кивнула Мартам, чтоб приступали. Наготы Маняша не стыдилась, никогда не стыдилась. И сейчас ее двойник поднимал послушно руки, пока горничные через голову снимали платье.

— Ты тоже исхудала, нянюшка, — протянула я, критично рассматривая ее поджарое узкобедрое тело. — Ребра даже видать. А ну-ка, повернись, на спину твою посмотрю.

«Маняша» улыбнулась одними губами:

— Ну гляди, — и медленно стала крутиться, будто балерина в гнумовой музыкальной шкатулке.

Шрам под коленом, родинка на бедре. Колено она суком пропоролла года три назад, я самолично шов накладывала, прекрасно тот случай помню. А родинка забавная, будто островок на карте обозначен.

Я вытянула шею и задержала дыхание, чтоб ничего не упустить. Вот оно! На ладонь повыше копчика, в кошачьем местечке алела вязевая ведьминская метка. Это Маняша! Каких еще доказательств мне надобно?

Нянька перекинула на плечо косу, будто чтоб удобнее мне было любоваться, а после повернула ко мне лицо, изогнув шею:

— Можно уже твои шелка драгоценные надеть?

— Что? Ах, прости, я о своем задумалась. Конечно, одевайся. Гаврюша, кажется, завтрак окончил, я

его на двор выпущу.

И я сбежала в спальню, загремела балконными шпингалетами, заворковала с котом, скрывая свою растерянность.

Никогда Мария Неелова не изгибала так шею свою лебяжьей, мы даже шутили, что она с волчицей схожа. Волки тоже шеей не вертят, они всем корпусом поворачиваются.

Марты уложили няньку в постель, забрали в стирку грязную одежду, приступили к ежедневной уборке. Я вернулась в Маняшину горницу и присела у кровати.

— Нечего со мной тут возиться, — зевнула больная. — К Наташке ступай, в гостиную, как у барынь положено.

Я потрогала ее лоб:

— Язык покажи!

— Еще и язык?

— И горло посмотрю.

— Ты, что ли, лекарь?

Но рот открыла широко и позволила в него заглянуть. Горло было простудное, красное, на языке белый налет.

— С тебя хворь сняла, на себя приняла, — сказала Маняша, — как обычно.

А после заснула, тяжело и хрипло дыша.

Я вышла, тихонько притворив дверь.

Она говорит в точности как Маняша. Она знает то, что знала лишь она, использует ее словечки, ее интонации. Так от чего же я не верю ей ни на грош?

Марты помогли мне надеть дневное скромное платье и остались на козетке, коротать время до возвращения Гавра или пробуждения больной.

Я спустилась в гостиную. Наталья Наумовна вышивала, Аркадий Наумович просматривал газеты.

— Однако, Серафима, пресса не оставляет тебя своим вниманием, — сообщил он недовольно. — Фееричное возвращение, неклюдский табор, личный грифон! Ты скандальна, дорогая.

— Грифон? — Заглянув в газетный лист, я пожалала плечами. — Это явная глупость, у тех бестий к львиному телу прилагается птичья голова. Что же до прочего, любезный кузен, на каждый роток не накинешь платок, как учит нас берендийская народная мудрость. А ты службу нынче решил пропустить?

— Приходится, — еще более недовольно бросил кузен. — Не могу же я своих девиц отпустить на каток без сопровождения.

— Ах, — Натали не отрывалась от вышивания, изящно выкладывая стежок за стежком, — ты можешь не тревожиться, братец. Иван Иванович пообещал присоединиться к нам, как только закончит с делами.

— Иван Иванович? А это, позвольте, кто? Какой-то отставник-офицеришка, просиживающий штаны в моем доме? Кто он? Ау! Он попросил у меня твоей руки? Получил согласие? Вы обручились с ним, в конце концов? Нет, нет и нет! Он никто и звать его никак!

Наталья Наумовна смотрела на брата с ужасом, причину которого я не понимала. Аркадий находился, конечно, в крайнем раздражении, но это ведь не впервые. А если она картинным испугом желает его пристыдить, так тоже зря. Он сейчас не видит вообще ничего, ну, может, пелену красную перед глазами.

— Что ты такое говоришь? — всхлипнула Натали.

— Я? — Аркадий отбросил газету, схватил со стола плоский бокал и замахнулся им в сторону сестры. — Я, Наташенька?!

Та съежилась, будто действительно опасалась, что в нее сейчас этим стеклом швырнут.

Я откашлялась:

— Аркадий, ты меня пугаешь. Будь добр прекратить эту сцену.

Рука Бобынина застыла, он опустил бокал на стол, выдохнул с фырканьем:

— Простите, барышни. Когда дело касается чести семьи, я становлюсь излишне чувствителен.

Я посмотрела на Натали, она, отвернувшись от нас, явно вытирала слезы.

«Он ее бьет, — вдруг поняла я с ошеломительной ясностью. — Аркадий бьет свою сестру».

— Иван Иванович Зорин, — сообщила я в пространство веско, — статский советник, он высокоранговый чиновник и дворянин. И хоть дворянство его не старинное, а прилагаемое к чину, оно наследственное, с правом передачи зоринским потомкам. Это к тому, Аркадий, что Иван Иванович вовсе не никто.

«А еще тебя, проходимца, скоро запрут в острог и некому будет сестру твою тиранить». Последнее я не сказала, а злорадно додумала.

Бобынин повернулся ко мне, растянул губы в нехорошей улыбке:

— Еще одна жертва мужского обаяния сыскного дуболома?

Он медленно поднялся и шагнул ко мне, нависнув над креслом:

— Тупая курица!

Рукою Бобынин схватил меня за волосы и дернул. От боли из глаз брызнули слезы, я вскрикнула, поглядев на Натали, сжавшуюся на своем месте.

— Ко-ко-ко... Курочку давно не топтали? Она раздражена сим фактом? А сейчас испугана? И некому за нее вступить? Папенька далеко, а грифона она гулять отпустила?

Я поймала его взгляд, злой, расчетливый:

— Не смей меня трогать.

— А то что? — Он отпустил мой локон и замахал руками, будто в испуге. — А то что?

Правая его ладонь резко опустилась мне на щеку. Голова дернулась от удара.

— Мерзавец!

Второй пощечины я не допустила, перехватила мужское запястье, выпустив из пальцев сноп огненных искр.

— Подлый, гадкий мерзавец.

Бесконтрольная сила вырывалась из меня со словами, с дыханием, как у Змея Горыныча из сказок. К счастью кузена, голова у меня была всего одна, и он успел увернуться от первого, самого мощного потока пламени.

— Не смей ко мне прикасаться! Больше никогда!

Аркадий завизжал от боли, упал на спину, начал отползать.

— Фимочка! — раздался крик и на голову мне выплеснулась холодная вода. — Фимочка, успокойся.

Натали стояла передо мной, прижимая к груди пустой графин. Я, тяжело дыша, бросилась в кресло.

— Пошел прочь, мерзавец, — велела уже спине убегающего кузена.

Натали уронила графин на ковер, упала подле меня на колени и разрыдалась.

— Ничего, ничего, сестренка, — гладила я ее белокурую головку, — мы не позволим себя обижать.

— Ты такая сильная, Серафима, такая сильная, а я...

А я тоже рыдала. От боли, от обиды и от жалости. Мне было жалко Наталью и еще себя, потому что я поняла, что никакой любви с Иваном у меня уже не будет, потому что ей, страдальце, он важнее, и я не буду ей мешать, не смогу.

Аркадий Наумович покинул дом через четверть часа, будто бы на службу. Как себя вести с ним дальше, я не представляла. Успокоившаяся Натали принялась меня увещевать, что-де все теперь

хорошо будет, братец принесет извинения, мы его простим и наступит всеобщий покой.

— Такое прощать нельзя, — возражала я. — Ударивший однажды будет делать это и впредь. У господина Бобынина нет над нами власти. Ты совершеннолетняя, дом ему, кажется, не принадлежит. Кто собственником записан?

— Карп Силыч Абызов, — ответила Натали с явственной ноткой недовольства.

— Чудесно! Рада, что папенька не отдал Аркадию в руки такого против тебя оружия. Надобно нам сейчас быстро и решительно действовать. Вели лакею вещи Аркадия упаковать, и пусть с ними в его контору отправляется.

— Нет, Фимочка. — Кузина сызнова зарыдала. — Это скандал, ты меня погубишь.

— Аркадий тебя убьет, — сказала я устало. — Рано или поздно. Понимаешь? Он с каждым разом будет причинять тебе чуть больший вред, пока не переступит границу смертоубийства. Он сегодня уже замахнулся на тебя бокалом, брось он его да попади тебе в голову...

— Ах, прекрати ужасы пророчить! Нет, нет, нет! Аркаша не такой, пугать иногда пугает, но чтоб до смерти... Он экспрессивен слишком, он нервическая натура.

— Послушай, я с твоим нервическим братом жить не буду. Из самосохранения хотя бы. Но тебя с ним тоже не оставляю. Выбирай, либо мы с тобой съезжаем нынче же в отель, либо пусть уходит он.

— Какой скандал, какой скандал...

Наталья Наумовна причитала без остановки. Причитала, пока я отдавала указания лакею, пока надзирала за упаковкой вещей, пока Марты, убрав из гостиной следы пожара, накрывали в столовой обед.

— Фимочка, — сказала она, наконец сменив шарманку, — молю тебя, милая, не говори Ивану Ивановичу о сегодняшнем скандальном происшествии.

— Вряд ли у нас господином Зориним состоится личная беседа. — Я хлебала суп, не ощущая вкуса. — Разве что мы жалобу подавать на бесчинства Аркадия будем.

— Нет! Ни в кем случае! Не губи! Я написала брату, он не появится в доме, пока ты здесь гостить, а после мы решим, как быть дальше.

Я кивала, будто соглашаясь, но для себя решила твердо: до отъезда я сделаю все, чтоб Натали обезопасить. Зорину не скажу, так и быть, но у меня и без его высокородия советчики сыщутся.

— Мария Анисьевна, наверное, шумом встревожена, — после обеда сказала Натали, к моему удивлению. — Я, пожалуй, должна лично ей события живописать, как одна из виновниц.

Они беседовали в нянькиной комнатке, пока я шептала свою версию событий в мохнатое ухо вернувшегося с прогулки Гавра.

— Тебе здесь остаться придется, — говорила я, — дом стеречь. На тебя, разбойник, полагаюсь.

— Ав-р-р...

— Чтоб ни господин Бобынин, ни лакей его на порог не смели ступить.

— Ав-р-р.

— Фимочка, твой питомец понимает человеческую речь? — Наталья Наумовна вышла на цыпочках и прикрыла смежную дверь.

— Когда хочет, тогда понимает, а когда нет, то дурак дураком.

Гаврюша на дурака не обиделся, фыркнул, будто от смеха, и стал укладываться в постель. Потому что порядок такой: спать, есть, гулять, есть и сызнова спать. Я подхватила с пола вылизанную обеденную миску.

На первом этаже ожил дверной колокольчик, через минуту Марта-толстушка сообщила, что пожаловал господин Зорин.

Натали суетливо поправила перед зеркалом прическу и пошла к гостю, а я прилегла рядом с полосатым разбойником.

Думать об Аркадии Бобынине не хотелось, о том, чем занята в гостиной его несчастная сестра, тем

более. Поэтому я стала думать о своем расследовании.

Итак, чему я научилась вчера, попивая вишневую наливочку с двумя сыскарями?

Геля рассказала мне, что представляет расследование, как плетение паутины, когда от одной точки в разные стороны расходятся факты-события, связанные друг с другом поперечными перемычками. Эта картинка показалась мне удобнее, чем привычная мозаика, которую мысленно раскладывала я. Потому что в инкрустации каждый кусочек соприкасается только с соседними, тогда как в паутине радиальные нити связаны друг с другом круговыми. Они все связаны!

И еще запомнилась мне фраза господина Мамаева: есть тот, кто мог, и тот, кому это было выгодно, и вот, букашечка, когда два эти качества в одном человеке сходятся, он виновник и есть.

Букашечка... Паутина... Мошка в паутине... Во льду? Крампус?

Нет, Серафима, ты сызнава проторенную тропку пройти пытаешься. Забудь пока Крампуса, и лед, и не ключ, но путь. Тем более, что, став девятой, правда в другом круге, в Гуннарском, сама ключом стала. Маняша вполне могла эту твою коллизию предсказывать, когда у грани сна и смерти бродила. Не думай о чародеях, не думай о вещунах и сновидцах.

Кому выгодно и кто мог? Ты с Гаврюшей, прежде чем в Мокошь-град явиться, облазила весь Руян, зимний, неприветливый, почти безлюдный. Ты говорила со старшими, с ведьмами, с рыбаками. Они не смогли тебе помочь. Ты не знала, что спрашивать, поэтому ответов не получила.

Кто мог? Этот человек должен был изучить и меня, и Маняшу самым тщательным образом. Он должен был выучить ее словечки и манеры, чтоб я не заподозрила подмены. Много ли таких? На Руяне мы пробыли больше двух месяцев, познакомились с разными людьми. Насколько близко нужно от меня оказаться, чтоб... Натали?

Испуганная этой мыслью, я зажмурилась. Все это время кузина была рядом. Она та, кто могла? Пожалуй. Зачем? Да и сейчас в теле Маняши Нееловой вовсе не Натали, кузина сейчас в гостинной с... Плохая мысль, прочь!

Это должен быть некто, кто сначала был рядом, а после исчез. Как госпожа Шароклякина, опекавшая меня на острове. Или...

Гавр заворчал, когда я возбужденно подпрыгнула на кровати. Круговая нить в паутине называется ловчей, я только что нащупала ее кончик.

Тогда я забыла, что кроме ловчей нити по спирали идет еще одна, вспомогательная, и не знала, что часто сыскар-новичок эти две паутинки путает.

Наталья Наумовна плакала перед Зориним без всхлипов либо гримас, по бледным щекам катились крупные хрустальные капли. Ивану даже на мгновение почудилось, что, падая на пол, они разбиваются там с хрустальным звоном.

— Ванечка, я боюсь, я в ужасе, я без сил.

Кожа у Натали была тонкой, как лепесток белой оранжерейной розы. На висках сквозь белизну просвечивались синие кровяные жилки.

Иван Иванович вздохнул и промолчал. Гостиная напоминала поле боя. Пахло гарью и ощущался остаточный фон сильной атакующей магии. Одно из кресел и ковер, видимо павшие случайными жертвами баталии, теперь отсутствовали.

— Серафима безумна, — резюмировала барышня Бобынина свой рассказ. — Аркадий уже от нее пострадал и вряд ли сможет теперь находиться с нею под одной крышей. Отказать ей от дома не представляется возможным, так как дом фактически принадлежит господину Абызову. Это скорее Серафима может изгнать нас с братом. Да и скандал! Ванечка, он станет последней каплей. И без того газеты будто с цепи сорвались, живописуя похождения барышни Абызовой. Я буду растоптана, опозорена.

— Серафима Карповна у себя?

Зорину показалось, что кто-то пробежал по коридору, и послышалось треньканье телефонного аппарата, установленного в кабинете первого этажа.

— Заперлась в спальне со своим чудовищным грифоном и беседует с ним! Безумие! До седьмого сечения придется терпеть. Я должна выдержать до этой даты. После блаженная Серафима съедет по своим блаженным делам, и я смогу с облегчением вздохнуть.

Иван Иванович посмотрел на кроткую Наталью с жалостью. Он знал, что после отъезда кузины ту ждет еще один удар, уже со стороны брата Аркадия. А еще Зорин знал, что как только господин Бобынин окажется за решеткой, он, Зорин, выдохнет с облегчением, перестав изображать нелепое жениховство.

Ситуация, и без того Ивана тяготившая, с появлением в столице Серафимы стала почти нестерпимой. Если бы только она дала ему возможность объясниться! Но нет! Она будет болтать с кем угодно, сражаться плечом к плечу с Гелей, флиртовать с Мамаевым или скандалить с родней, на это у нее и времени и желания достанет, на Зорина же у нее ни того, ни другого нет.

Наталья Наумовна, видимо исчерпавшая уже весь запас слез, подошла к клавикордам. Из всех занятий, входивших в ритуал его ухаживаний, совместное музицирование тяготило Ивана менее прочих. За клавишами Натали не говорила. Зорин обычно с готовностью разыгрывал с нею пьесы в четыре руки и исполнял дуэтом чувственные романсы.

Аркадию Наумовичу о сих домашних концертах сообщала прислуга, либо он сам на них присутствовал, убеждаясь, что сестра его не одинока и отнюдь не беззащитна.

Именно изображение защищенности являлось целью зоринских ухаживаний. Идея принадлежала барышне Бобыниной. Однажды с посыльным его высокородию доставили надушенную записку от Натали Наумовны. Та приглашала Ивана Ивановича встретиться наедине, чтоб сообщить нечто, имеющее касательство к ее родственникам. Иван, истомившийся разлукой с Серафимой, раздраженный, растерянный, решил, что речь пойдет о загорской кузине, и явился в дом на Голубой улице в тот же вечер.

Тогда Натали не плакала. Она лично открыла двери, сообщив, что Аркадий Наумович на службе, а прислуга отослана. Проводив Зорина в гостиную, без лишних слов сбросила с плеч шаль, оставшись в сильно декольтированном платье и продемонстрировала синяки на обнаженных руках, следы мелких ожогов и порезов, заживших и совсем свежих.

— Я — старая дева, Иван Иванович, — сказала она спокойно и взвешенно. — Для берендийского патриархального общества — меньше, чем ничто. Знакомые меня презирают, брат тиранит, Абызовы терпят из жалости.

— Это сделал Аркадий?

— Кто же еще? — Натали вернула на плечи шаль, сгорбилась в кресле. — Под словом «тиранит» я имела в виду вовсе не словесные шпильки.

Зорин не убил господина Бобынина в тот же миг лишь потому, что тот, как было сказано, находился на службе.

— Ах, Иван Иванович, — остановила его Натали, — не берите грех на душу. Да и идти на каторгу из-за семейной свары мелко и несоответственно вашему высокому положению. Любой берендийский суд примет сторону брата, любой скажет вам, что он был в своем праве. А вы... У вас прав нет.

— Это преступление!

— Не в глазах общества. — Наталья Наумовна грустно улыбнулась. — Так что остыньте. Мне нужна помощь, Иван, но не такая.

Ярость, не находившая выхода, клокотала в Зорине, мешала ему сосредоточиться. Он лишь кивнул собеседнице, побуждая ее продолжать.

— Аркадий собирается жениться, с недели на неделю будет объявлена помолвка, и к лету, думаю, он сочетается браком. Семейная жизнь сгладит неровности его характера, я на это надеюсь, а кроме того, молодые будут жить своим домом, оставив этот, — она повела рукою, — мне. Я стану свободной. Но до лета брата надо держать в рамках. Поэтому, Иван Иванович, ваше высокородие, умоляю, помогите мне эти рамки изобразить. Притворитесь моим женихом, пусть не влюбленным, но надежным. Это ни к чему вас не обяжет. Я прекрасно осознаю, какую незаживающую рану в вашем сердце оставила моя легкомысленная кузина, и понимаю, что против нее мои шансы ничтожны. Сама я к браку не стремлюсь, желаю лишь спокойствия и свободы.

Она долго еще говорила. Просто, без жеманства, без слез, без эффектов. Зорин не стал ей сообщать, что Аркадий Наумович к лету под венец отправиться никак не сможет, разве что его избранница решится отправиться с ним по этапу. Господин Бобынин натворил уже столько, что простым тюремным заключением ему не отделаться. Законы империи, касаемые продажи навских дурманящих зелий, были крайне строги. Как только чародейский сыск получит полную картину сети бобынинских распространителей, арест будет произведен. Мамаев, в чьем ведении находилось это дело, обещал закрыть его к концу года, в крайнем случае в сечене.

И Иван согласился исполнить роль жениха до того момента, когда Наталья Наумовна станет недосыгаема для тирании своего брата. Не раз и не два после жалел, но слово есть слово. И в тот же вечер, повстречав господина Бобынина в начале Голубой улицы, возвращавшегося со службы, познакомился с будущим родственником. Последний после этого знакомства неделю пролежал пластом, залечивая многочисленные ушибы, ссадины и перелом руки, которую больше на сестру поднимать не смел.

А как жениховству обрадовался Эльдар Давидович!

— К дому я прискорбно не допущен, — строил он планы. — Лакей бобынинский, Пьер который, очень любопытство мое возбуждает. Уж теперь, Ванька, мы этого Петрушку прижмем.

А Наталья Наумовна, получив согласие Зорина, о том, что жениховство фальшивое, предпочла более не вспоминать, окружила Ивана Ивановича душевной заботой. Дважды в неделю он являлся с визитами в дом на Голубой улице, беседовал о литературе, слушал декламацию стихов, музицировал, играл в карты, когда Аркадий Наумович оставался в гостинной. Тот вел себя приветливо, будто забыв о полученной трепке, беседовал на темы отвлеченные. Иногда жаловался на скопидомство дядюшки Карпа Силыча либо на дочь его вертихвостку, но эти речи со строгой кротостью прерывала Наталья Наумовна. Она предпочитала не слышать о своей кухне ничего — ни хорошего, ни дурного.

Дребезжание клавиш отвлекло Зорина от воспоминаний. Натали принялась напевать чувствительный романс, но первый же куплет прервал звонок в дверь.

— Его сиятельство князь Кошкин, — сообщила горничная, через минуту появившаяся на пороге.

Девушку Иван помнил, она служила в отеле «Чайка» на Руяне.

— Зови, — велела Натали. — И сообщи Фимочке, что ее жених прибыл.

Служанка скрылась, в прихожей затопали, по полу пронесся порыв морозного уличного ветра и в гостиную вошел бравый Анатолий. Усов князь теперь не носил, сбрив ту половинку, что осталась у него после стычки с Серафимой, а одет был партикулярно, без ментиков и эплет.

— Наталья Наумовна, — поклонился от порога, ставя на тумбу корзину алых роз, — а с вами, милостивый государь...

Натали привстала из-за клавишкордов и присела в глубоком реверансе:

— Анатолий Ефремович, добрый вечер. Позвольте представить моего жениха. Иван Иванович Зорин, статский советник.

Зорин поклонился. Знакомство его с князем на Руяне происходило при столь неприятных для последнего обстоятельствах, что тот предпочитал делать вид, что знакомства вовсе не было.

Анатолий довольно развязно сел в кресло, попросил хозяйку что-нибудь исполнить, Натали сызнава принялась выводить песенку. Иван прислушивался, когда со второго этажа спустится барышня Абызова. И она появилась, когда последние аккорды романса сменились жидкими аплодисментами слушателей.

«За дверью окончания ждала», — решил Зорин, рассматривая Серафиму. Вид ее ему не понравился. Ради встречи с князем девушка наложила на лицо дикое количество румян да белил, глаза подвела сурьмой, ярко накрасила губы.

Кошкин при ее появлении вскочил, ринулся навстречу:

— Моя корсарка!

— Ваше сиятельство...

— Ах, любовь, — умилилась Натали. — Что ж вы, Ванечка, там сидите, ступайте ко мне, пусть молодые люди после разлуки поворкуют.

Зорин ступать никуда не мог, когда Серафима, увлеченная князем к окну, в тень многослойной шторы, послушно туда пошла, сердце Ивана пронзила вполне физическая боль. Он вспомнил все, о чем говорил ему Гуннар Артемидор. «Никогда она только твоей не будет, как ветер, как огонь. Делиться придется. Она всех и ничья».

Князь что-то вполголоса говорил, девушка отвечала еще тише, они стояли в шаге друг от друга, Анатолий взял ее правую руку, любуясь рубиновым кольцом на безымянном пальце.

Натали обернулась к окну, покачала головой:

— Распоряжусь ужин подавать.

— Ах нет! — громко сказал князь. — Ужинать мы будем в другом месте, любезная хозяйка. Сани ожидают нас во дворе.

— Придется еще обождать, — так же громко произнесла Серафима и, выдернув руку, направилась к свободному креслу подле Зорина. — Я подругу на каток с нами пригласила, она что-то запаздывает.

— Какая еще подруга? — Анатолий выразил тоном недовольство.

— Я с ней знакома? — Наталья Наумовна стояла в центре комнаты. — Что еще за подруги, Фимочка?

Ответить Серафима не успела. Горничная, появившаяся на пороге, сообщила:

— Барышня Попович к Серафиме Карповне.

Геля ворвалась в гостиную морозным рыжим вихрем:

— Добрый вечерочек! — завопила она, бросаясь с объятиями и поцелуями к Натали. — Евангелина Романовна я, а вы, стало быть, кузина Серафимочкина будете?

Шубка на Попович была лисья, чернобурая, и чернобурая же папаха с лихим заломом на макушке. Зорину она кивнула: «Виделись!», а перед князем исполнила такой глубокий реверанс, что подняться из него без помощи не смогла.

— Вот такая у меня подруга, — хихикнула Серафима, подхватив Гелю по руку, — веселая.

Кошкину рыжая девица понравилась, глаза его хищно блеснули.

— За какими же горами таких красавиц сыскать можно?

— Вольские мы, — куражилась Геля, — у нас гор-то не сыщешь, а вот красавиц...

— Тоже не осталось, — повеселевшая барышня Абызова подхватила игру. — Все столицу покорять отправились. Евангелина Романовна, ваше сиятельство, надворная советница, чиновница не из последних...

И как-то сразу все завертелось и пошло кувырком. Барышни, брюнетка и рыжая, с двух сторон увлекли князя Кошкина из гостиной. Наталья Наумовна семенила следом, отдавая распоряжения жавшейся к стенам прислуге. А Зорин почувствовал прилив уверенности. Что бы ни задумала его блаженная Серафима, теперь она своего добьется.

На дворе выяснилось, что в санях места для всех не хватит. Его не хватило бы в любом случае, об этом явно позаботился Анатолий.

— Сухов, каналья, — возмущался он фальшиво, — обещал же на четверых прислать!

— Веселитесь, молодежь, — грустно напутствовала Наталья Наумовна. — А уж мы тут вас будем дожидаться. Только, Фимочка, как же ты без дуэньи?

— А я на что? — Евангелина уселась в сани, потянув к себе подругу. — Я на целый год старше и на сто умнее. Ваше сиятельство, а неклюды будут?

Она подобрала поводья, собираясь править, князь едва успел запрыгнуть на облучок и забрал поводья себе.

— Как пожелают прекрасные дамы.

Тройка унеслась, барышня Бобынина, потоптавшись сиротливо, пригласила Ивана в дом:

— Отужинаем, Ванечка.

— Вынужден отказаться, — поклонился Зорин.

Проводить еще один безрадостный вечер в компании кроткой голубицы ни смысла, ни желания не было.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в коей на князя Кошкина ведется охота лисами, одной рыжей, другой черной, Зорин получает свободу, а чародей Мамаев — бесценные впечатления

Свойство отношений зависит от породивших их причинъ. Такъ, знакомство, завязанное въ салонѣ на правахъ равенства, вслѣдствіе обоюднаго желанія сторонъ, и безъ другого повода, кромѣ взаимной симпатіи, называется просто свѣтскими отношеніями. Если послѣ перваго свиданія съ какой-нибудь стороны является приглашеніе, на него отвѣчаютъ визитомъ и подобнымъ же приглашеніемъ; обмѣниваются карточками, приглашеніями и всевозможными любезностями, в рамкахъ свѣтскихъ приличій.

Если въ основаніи знакомства лежитъ какой-нибудь интересъ и если взаимное представленіе произошло по просьбѣ заинтересованной стороны, то это уже не свѣтскія отношенія: высшему лицу дѣлаютъ визитъ, но оно не обязано ни отплатить его, ни оставить свою карточку.

Деловыя отношенія не требуютъ никакихъ личныхъ любезностей. Внѣ кабинета, конторы или магазина знакомство прекращается, каково бы ни было положеніе въ обществѣ.

Наутро Попович со всей деловитостью отчитывалась Зорину о прошедшем вечерѣ. Барышня Абызова телефонировала в приказ за три четверти часа до конца присутственнаго времени, надворная советница, памятуя, что дело подменной няньки поручено ей, сразу же отправилась в костюмерную.

— Я подумала, что называться чужим именем не стану. В прессе уже писали про сыскную чиновницу, так что его сиятельству те заметки вполне могли на глаза попадаться. Поэтому решила представиться собою, только... поаппетитнее.

Иван Иванович, накануне аппетитность сию оценивший самолично, кивнул.

— Задача стояла следующая — втереться в доверіе князю Кошкину, чтоб мое присутствіе в дальнейшем при его невестѣ казалось само собою разумеющимся.

— Втерлась?

Геля пожала плечами:

— Прочь никто не гнал, и слава богу. Серафима подыграла перфектно, будто действительно задумевшую подругу во мнѣ видит. Отвезли нас к речной резиденціи, но внутрь не пригласили, развлекали прямо на берегу. Столы с постными закусками, горячее вино и пиво. Когда Серафима заявила, что мы с нею хмельное не пьем, организовали чай. Каток небольшой, прямо на Мокоши с полверсты от снега очистили. Из публики — Князева свита, в основном вояки, кое-кто с женами либо сестрами. То есть, понятно, приличное общество ради невесты его сиятельство собрал. А еще неключдский ансамбль был. Но это уже мои капризы удовлетворяли. Катались до десяти где-то. Серафима на коньках хороша, не то что я. Уж ей, бедняжке, со мной помучиться пришлось. Ни минуты с Анатолом побыть не смогла, все меня за руку водила, что ослицу в поводу. После адъютантъ нас на Голубую улицу сопроводил. Все, пожалуй.

— Немного.

Евангелина улыбнулась:

— Это на будущее задел. В столицах, знаешь ли, у девушек свобод не в пример меньше, чем на курортах новомодных. Барышне Абызовой дуэнья надобна, а няньке своей она довериться не может. Мне бы, Иван Иванович, распоряженіем для костюмеров разжиться на ближайшую декаду.

— Напишу, — пообещал Зорин.

— Серафима вчера все князя к приглашенію подталкивала, желает его основную резиденцію обыскать. До идеи с телом-исходником она и без нас додумалась, хочет к княжеским слугам присмотреться.

— И чем же у нее князь подозрѣнія вызываетъ?

— Князь — ничем. — Геля сморщила носик, передразнив гримасу отвращенія подруги. — Она его ничтожеством считает и в расчет не берет. Но, мне кажется, зря.

Зорин его сиятельство слабымъ противником не мнил, но у него на то вескіе причины имелись: подслушанный разговор князя с адъютантом, поэтому заинтересованно переспросил Гелю:

— Почему зря?

— Мутный он, — ответила девушка с готовностью. — Лицедей первостатейный, такой, знаешь ли, развеселый Повеса, а у самого в глазах вся скорбь мира. И Серафимой, кажется, увлечен не на шутку, как синяк ее рассмотрел, в лице переменялся.

— Какой еще синяк?

Попович одарила коллегу удивленным взглядом:

— На скуле. Ты разве не заметил ничего? Барышня Абызова таким слоем белил его скрыть пыталась...

— Кто посмел?

— Так Бобынин! Иван! Они же подрались перед обедом, Аркадий Наумович руки распустил, Серафима его огнем на сдачу шарахнула. Запах гари в гостиной стоял первостатейный.

Иван Иванович до боли сжал челюсти. Болван! Вместо того чтоб о подробностях саму Серафиму расспросить, объяснениями Натальи удовлетворился. А белила вообще на желание привлечь князя списал. Ревнивый дурак!

Зорин медленно поднялся из-за стола:

— Прогуляюсь я, Гелюшка.

Дверь кабинета распахнулась.

— Катастрофа! — Мамаев в мундире морского ведомства стоял на пороге. — Бобынин убит.

Вызвать себе в помощь надворную советницу Попович было великолепным решением. Я поняла это сразу же, как Геля появилась в доме Бобыниных. Она умела то, чего никогда не удавалось мне, — играть роль с куражом и удовольствием. Она даже к выбору наряда подошла с выдумкой. Лисица! Геля — лисица рыжая, и будь ее шуба тоже рыжей, маскарад стал бы излишне явным. Какую чудесную дурочку она разыграла перед Анатодем! Не вульгарную, но веселую, оставшись в рамках благопристойности, но всячески намекая, что может за эти рамки перейти. Неудивительно, что князь ею очаровался. Задача, которую я успела обрисовать, телефонируя в приказ, была нечеткой. Кошкин примется за мною ухаживать, то есть докучать своим обществом каждый божий день. Мне необходим был буфер между мною и женихом, отвлекающий маневр. В лице Евангелины Романовны я получила дуэнью и наперсницу, партнершу в проказах и блюстительницу приличий.

— Гаврюшу с собой не берешь? — спросила она, прижавшись к плечу, когда мы оказались уже в санях.

— Дом оставила сторожить.

— От того разбойника, что скулу тебе разукрасил?

Я кивнула. А ведь вроде так удачно синяк замазала. У моей фальшивой Маняши такое обилие дамских штучек обнаружилось, что во всем доме побелку можно было подновить. Я находкой воспользовалась бесстыдно, но, как оказалось, не особо удачно.

Поглядывая на сиятельного возницу, я рассказала Геле о драке и о том, каким монстром оказался близкий родственник.

— Кошмар, — решила подруга. — Ты права абсолютно, такие типы без укорота быстро человеческий облик теряют, а законной управы на них не сыщется.

На выезде из квартала к нам присоединилась группа верховых, ротмистр Сухов, молодежато гарцующий на вороном скакуне, приветствовал нас криками, секретничать дальше не получалось.

В зимних берендийских гуляниях раньше принимать участия мне не доводилось. На коньках, разумеется, каталась, но вдвоем с Маняшей, на самолично залитой ледянке во дворе. Поэтому размах, с которым подошел к делу князь Кошкин, меня немало впечатлил. Адьютант на вытянутых руках поднес мне ларец, а князь самолично помог обуть лежащие в нем «снегурки».

— Весь Мокошь-град обыскал, моя огненная, чтоб на вашу крошечную ножку подошло.

Переобувание получилось излишне интимным, и меня не порадовало. Прикосновения Анатоля не нравились мне и тогда, когда как бы нравился он сам, теперь же и вовсе вызвали отвращение. Я поморщилась, когда его пальцы обхватили мою щиколотку.

— Больно?

— Потерплю.

— Мне бы не хотелось, чтоб вы меня лишь терпели.

Надев привычную маску жеманницы, я проворковала нечто комплиментарное и сообщила Сухову, пытающемуся поднести мне исходящую пряным паром чарку горячего вина, что мы с Евангелиной Романовной хмельного не употребляем по причине молодости и приличного воспитания.

Его сиятельство потребовал чаю барышням и сам руководил установкой огромного десяти ведерного самовара прямо на речном берегу.

— Догадываюсь, что наедине с женихом ты оставаться не желаешь? — Геля смотрела на свои ноги в коньках с сомнением.

— Мои желания вразрез с необходимостью идут. Нам бы приглашение в дом получить, — быстро, сбиваясь и торопясь, сообщила я свои планы.

— Перфектно, — сказала Евангелина. — Единственная твоя проблема, барышня Абызова, что ты спрашивать не приучена, все тихой сапой разузнать пытаешься.

— Да будь я сновидицей...

— А я чародейкой? Отставить причитания! Работаем с тем, что есть. Сейчас мы в это болотце палочкой тыкнем.

И она принялась за работу. Прилипла к ротмистру, хлопотавшему с самоваром, и беседовала с ним, пока я знакоилась с присутствующими на гулянии дамами. Публика угощалась у столов, многие уже успели надеть коньки, оттого покачивались, нетвердо стоя на ногах. Анатолий постоянно был рядом, придерживал под локоть, предлагал закуски и чай. Лицо его на морозе покраснело, он будто помолодел, сбросив с десятков лет.

Духовой оркестр, что развлекал нас вальсами с дощатых мостков, установленных неподалеку, вдруг умолк. По расчищенным меж сугробов тропинок на берег высыпал неклюдский ансамбль.

— Благодарю, ваше сиятельство! — воскликнула Попович. — Давайте кататься!

Моим партнером в катаниях, по умолчанию, стал князь, Гелиным, соответственно, адъютант Сухов. Тому можно было лишь посочувствовать. Пара его, не отличаясь ловкостью, продемонстрировала преувеличенное желание эту ловкость показать. Мы с князем обогнули каток дважды, ротмистр за это время успел дважды упасть и получить удар лезвием конька партнерши в сгиб ноги.

— Простите! — сокрушалась Евангелина. — Великодушно простите! Серафимочка, подруга моя драгоценная, спасай меня!

Ротмистр похромал прочь, а наша с его сиятельством пара превратилась в трио. Compliments, коими меня одаривали до сих пор, иссякли, зато завязалась беседа. Геля была не наверняка, будто пристреливаясь. Сначала восхитилась княжьей оранжереей, в коей, как она слышала, произрастают какие-то особенные пальмы, после — коллекцией картин и оружия.

— Ах, какое было бы блаженство увидеть все эти чудеса воочию! — закатывала она зеленые глазищи. — Правда, Серафимочка?

Разумеется, его сиятельство пообещал нам это блаженство доставить.

Получив приглашение, интерес к гулянию я полностью утратила. Забавно, но князь, кажется, решил, что причина моего настроения кроется в ревности. В какой-то момент он даже оставил меня на кого-то из своих клеветов, укатив с Попович вдвоем. Я усмехнулась, наблюдая, каких усилий стоит ему удерживать вертикально путающуюся в ногах партнершу.

Еще немного покатавшись, я вернулась на берег к столу:

— Грустите, Серафима Карповна? — развязно спросил адъютант, возникнув рядом.

В который раз меня поразила способность окружающих делать вид, что на Руяне ничего необычного либо скандального не произошло. Будто не пытались учинить надо мною насилие, не вели против воли к алтарю, не претерпевали от огня, не пугались появления Артемидора.

— Павел Андреевич, — протянула я карамельно, — помнится, на Руяне в вашей резиденции новая горничная появилась.

— Простите?

Уж не знаю, чего он ждал, но явно не такой перемены темы.

— Лулу, — твердо продолжила я. — Востроглазая кудрявая барышня не нашего происхождения. Припоминаете?

— Вы знакомы с сей девицей?

— Немного. Ровно настолько, чтоб полюбопытствовать, где она нынче обретается.

— На вилле осталась, на острове, — любезно ответил адъютант. — Простите, Серафима Карповна, мне необходимо кое о чем немедленно распорядиться.

И он отошел. Лжец! Никого они там не оставили, двери-окна досками заколочены, пустота и тишина.

Распоряжения, которые должен был отдать Сухов, касались фейерверка. Он гаркнул команду служивым, и в ночном небе громыхнуло, рассыпались гроздьи разноцветных огоньков. Их яркое мельтешение осветило далекие фигурки князя Кошкина и Евангелины, забредших почти на середину реки.

— О чем беседовали? — спросила я чиновницу уже на пути домой.

— О том, как его сиятельство тебя обожает, — ответила та с девчачьей ядовитостью, преувеличенно явной и от того забавной. — Пришлось даже обиду показать эдаким небрежением.

Мы похихикали, а после Геля сказала серьезно:

— А еще про скулу твою извазюканную и кузена-мерзавца.

— Это зачем еще?

— Его сиятельство очень желает в лучшем виде пред тобою показаться, сокрушается, что ошибок немало совершил, исправить их хочет.

Мы синхронно посмотрели на спину ротмистра Сухова, исполняющего роль возницы. Геля мне подмигнула:

— Счастливица ты, Серафима.

У крыльца она велела адъютанту подождать:

— Завтра зайду, без меня из дома ни шагу.

— А с тобой?

Геля вздохнула:

— Со мною тоже полной свободы не получишь. Завтра концерт, послезавтра — театр, послепосле... визит к сиятельной княгине. Вот тут закавыка, меня туда могут попросту не взять...

— Вы, что ли, с Анатодем все время расписали?

— Ну да. — Она подняла брови домиком. — Его сиятельство не собирается соперникам за сердце Серафимы ни единого шанса дать. А вот уже после бабушкиных пирожков тебя в резиденцию допустят.

Пока я возмущенно дышала, Евангелина Романовна шевелила губами и загибала пальчики в перчатках:

— Значит, три, четвертый — княгиня, спирит, опять театр, после — Новогодье, тут уж придется Наталье Наумовне семейный постный ужин организовывать, первого сечения — свобода до второго, а вечером...

— Оставь, — сказала я, отдышавшись. — После визита в резиденцию я ваших планов придерживать не намерена.

— Для того чтоб их не придерживать, их надо знать. — Зеленые глаза полыхнули яростью. — Я понимаю, любезная барышня Абызова, что для тебя все происходящее не более чем игрушки, а для меня — опаснейшая авантюра. Думаешь, мне в вашей аристократической возне поучаствовать охота?

— Ну так и ступай с Богом! — негромко, с той же яростью, предложила я. — Сама справлюсь!

— Не справишься. Именно потому, что под это не заточена. Ты умная, хитрая, сильная, но... — Она наклонилась, обняв меня за плечи и приблизив лицо. — Иван велел мне Неелову твою отыскать, и я эту задачу исполню.

— Твой Иван...

— Князь его изничтожит, — перебила Попович, — сил у него достанет. Наш приказ и без того по тонкому льду ходит, шажок в сторону — и полынья.

— Брют не позволит, он клятву мне дал.

— А ты ему что в клювике за это поднесешь?

Ротмистр, зябнувший в санях, поинтересовался, когда барышни наконец нашепчутся на прощанье.

— Обождите, Павел Андреевич, еще минуточку! — пропела Евангелина громко и продолжила бормотать: — Канцлер велел тебе к Анатолю присмотреться. Не дергайся. Конечно, подслушивала, не хватало еще такой момент упускать. Наипервейший сыскарский талант — вовремя подслушать. Так вот и присматривайся! Если Юлий Францевич что-то почуял, присмотреться там есть к чему.

Сухов терял терпение, Геля быстро поцеловала меня в щеку:

— Сдюжим, Серафима, не бойся. Хотя бы потому справимся, что нас, женщин, мало кто за серьезных соперников считает.

Марта-толстушка зевала, впуская меня в дом:

— Почивают все уже, барышня. Давайте я вас ко сну подготовлю.

Справилась она споро. Сытый и бодрый Гаврюша сидел огромной копилкой у балконной двери.

— Ступай погулять, хороший мальчик, — отпустила я его в ночь и закуталась в одеяло.

Марта оставила мне ночник и, пробормотав сарматскую молитву, отправилась к себе.

А ведь Евангелина во всем права, канцлерову милость мне отработать придется. Вместо того чтоб князя презрением одаривать, надо его вниманием окружить. Что там с ним неладно? Обычный, знакомый Анатолий, не в злобной, а в умиливательной своей ипостаси.

Вспомнив, с каким остервенением князь пытался убить мелкого тогда Гавра, я поморщилась. Такой же мерзавец, как и Аркадий. Родственные души. Недаром Натали меня про Кошкина пыталась предупредить. Кстати, о чем именно? Что у них эдакого могло приключиться? И когда?

Раздумывая так и эдак, я уже почти погрузилась в черноту, заменяющую мне сон, когда дверь смежной комнаты скрипнула.

— Дитятко...

Низкий гортанный, почти не похожий на Маняшин, голос и тяжелый звук шагов. Топ, топ...

— Ты спишь, дитятко?

Шелковая сорочка сползла с поджарых плеч, открывая торчащие ключицы, волосы по сторонам бледного лица всклокоченные, неопрятные.

Топ, топ...

— Чего тебе? — Голос мой дрогнул от скрываемого страха.

— Обнять тебя хочу, увериться, что все ладно.

Твердая ладонь, опустившаяся мне на макушку, чуть не заставила меня заорать.

— Холодно мне, дитятко...

Видимо, жалобные нотки в этих словах прогнали мой страх. Кем бы ни была женщина, захватившая Маняшино тело, зла мне причинить она не могла.

— Ну так я тебя согрею. — Обняв няньку за плечи, я отодвинулась, освобождая местечко подле себя. — Или тебе еще снов надобно?

Огонь струится из моих рук без усилий и исчезает, будто первый после засухи дождь в растрескавшейся земле.

— Ты сняла запоры?

— Не сняла. Так спросила, для поддержания беседы.

— Ты можешь, я знаю.

— Откуда?

— Ты сильная.

— Комплиментщица, — укоризненно протянула я. — Всей моей силы Гуннару на один чих хватит. А ты что же, без чужих снов уже маешься?

Нянька засопела, уютно устроившись на моем плече, на лбу ее появились горошинки испарины.

— Сильная ты, Серафима, каждый тебя себе хочет.

Она говорила теперь, будто во хмелю.

— И ты? — спросила я осторожно.

— У меня ты и так есть, — пьяно хихикнула нянька, — горячая, полная...

Отогнав подступающий ужас, я вновь спросила:

— Собою меня заполнить желаешь, чтоб в огне купаться безнадзорно?

— Чародеев нельзя заполнить... не тот сосуд... если кто тебе обменом грозить станет, в лицо смейся, не тот сосуд...

Языком она ворочала с усилием:

— Дуре какой сосуд посулишь, она все для тебя сделает, а сама не верь...

— Имя той неразумной скажешь?

— Имя? У вас такие глупые имена... Лулу, Жужу, Коко... Ко-ко... Курочки безмозглые.

— У тебя самой имя красивое? — шептала я дрожащими от ужаса губами. — Как тебя, умница, звать-величать?

Мне не ответили, огласив спальню храпом.

Я вскочила с кровати, зябко поежилась, накинула халат и спустилась на первый этаж.

— Барышня?

— Барыня?

Разбуженные Марты повскакивали, душераздирающе зевая и потирая глаза.

— Мария Анисьеви в моей постели заснула, — объявила я горничным. — А я вдруг голод ощутила. Перенесите ее там, уложите, и белье мне застелите свежее.

Обнаружив на кухонном столе накрытое полотенцем блюдо с пирожками, я налила себе молока из стоящей здесь же бутылки и с удовольствием откушала.

Главное, не бояться. Вот правда, главнее этого сейчас нет ничего. Пьяная тварь в смежной комнате опасности не представляет. Она хмелеет от моей огненной силы, я буду накачивать ее силою столько и так часто, чтоб она продолжала лежать в постели. Ведь именно этой силы она желала, занимая Маняшино место подле меня? Пусть жрет, пока не лопнет. А я потихоньку попытаюсь у нее выспросить, где Маняша и как мне ей собственное ее тело возвратить.

Пирожки меня успокоили. Вообще, для восстановления душевного спокойствия барышни Абызовой в этом мире существовали две вещи: пирожки и новые наряды. Маняша мне бы сейчас тесто жевать запретила, она бы как раз двери гардероба распахнула да светильники у зеркала зажгла. Ну ничего, драгоценная моя госпожа Неелова, распахнешь еще.

Хотя с чего я решила, что Маняша еще жива? Этой твари только тело моей нянюшки нужно было. Да нет, я уверена, что мне не показалось. Тогда почему она не открылась мне при встрече? Лихие людишки... Тварь была не одна? Эх, Артемидор, ну зачем ты меня снов лишил? Я бы смогла отыскать свою подругу во сне или в смерти, у самой ее грани и даже за ней! Я сильная, я бы смогла.

Мысль о смерти неожиданно направила размышления в другое русло. Я перевела взгляд в красный угол, где у иконы горел крошечный негасимый огонек.

— Уложили Марию Анисьевну, — отчитались Марты. — Что еще барышня прикажет?

— Спать ступайте, — приказала я. — А на рассвете будьте готовы меня сопровождать.

— Куда?

— На кудыкину гору, — фыркнула я на наглость. — В церковь пойдем, грехи ваши замаливать.

Горничные пожелали мне спокойной ночи, сладких слов, а про себя, наверное, провалиться со своими фанабериями сквозь землю. Я же, зевнув, приняла во внимание лишь первое озвученное пожелание и отправилась к себе, где провела спокойную ночь предвкушения.

Разбудил меня Гаврюша, колотящий лапой в стекло.

Я распахнула ему дверь, впустила, почесала за холодным ухом:

— Сегодня сизнова дом сторожи.

— Ав-р. — Кот потерял лбом о ладонь, повернулся боком и приподнял сложенное крыло.

Из-под него на ковер спланировал букет летних полевых цветов: ромашки, клевер, васильки и крупный бархатистый мак.

— Какое чудо! — Подхватив цветы я вдохнула их яркий солнечный аромат. — Где ты его добыл?

— Авр-р...

Стебли оказались обернуты бумажной лентой, развернув ее, я прочла: «Сорняки для Фимы...» и разревелась счастливо. Потому что прислать мне такой вот букет мог только...

Строчки поплыли. Я сморгнула слезы, но дело было вовсе не в зрении. Буквы изменялись. Надпись теперь гласила: «Я все еще жду».

Черные чернила покраснели, вспыхнули, бумага загорелась, осыпаясь пеплом.

Болван ты мой Иванович! Только в его белобрысую голову могло прийти подарить мне полевой букет, мне, которая на розы всяческих оттенков уже смотреть не могла. И только он мог передразнить пошлейшее князево «Розы для розы», которыми тот сопровождал свои розовые корзины.

Гаврюша зарычал. Человеческие страсти он готов был терпеть, но лишь на полный желудок и ежели они не мешают сытой животинке поспать. Сейчас кот желал завтрака.

Букет я оставила в спальне, в тонкостенной хрустальной вазочке, которую стащила из парадной горки, не спрашивая разрешения хозяйки дома.

— А почему именно эта церковь, барышня? — переминаясь на морозе, спросила меня Марта через полтора часа.

— И почему мы внутрь не заходим?

— Потому, — ответила я строго и по очереди подержала обеих за руки, согревая. — По сторонам глядите, может, кого из знакомых высмотрите.

Утренняя служба уже окончилась, и дворик, и без того немногочисленный, опустел. Церквушка была крошечная, окраинная.

Мы еще подождали. Горничные дисциплинированно таращились, опасаясь даже переговариваться. Наконец у ворот появилась одинокая женская фигурка. Женщина куталась в серую шубу, лицо ее почти полностью скрывал пуховый платок. Я замерла, сердце колотилось о ребра.

— Барышня...

— В церковь ступайте, погрейтесь, — велела я, не обернувшись.

Женщина приближалась. Скрип снега за спиной стихал, Марты ушли.

Порыв ветра дернул край платка, женщина вскинула руки, придерживая его. Черные как сливы

глаза гризетки Лулу встретили мой взгляд.

— Барышня Абызова? Серафима Карповна? — прокартавила она пискляво.

— Маняша?

В глазах полыхнули ужас и боль, но девица скривилась:

— Никогда меня так не прозывали. Луиза Мерло к услугам вашим.

— А в церковь Святого Демьяна ты, мадемуазель Мерло, зачем пришла? — спросила я по-французски и улыбнулась победно, глядя в растерянное лицо собеседницы. — Не для того ли, чтоб свечку за упокой души Демьяна Неелова зажечь? Думала, я не знаю, куда ты каждое наше утро в Мокошь-граде бегала? Думаешь, не проследила я за тобою из любопытства, притворщица?

— Небрежение ваше, барышня Абызова, я терпеть не должна, — гордо сказала Маняша по-берендийски. — Ежели вы совсем ополоумели и за няньку свою абы кого принимаете, то Бог вам в помощь.

— Абы кого не принимаю, — горячо возразила я. — И не поверила подмене нисколечко. То есть, каюсь, поверила, но быстро усомнилась. Прости, милая, что я тебя тогда на Руяне не признала, когда ты мне на помощь бросилась. Прости меня, Маняша!

Я попыталась отыскать ее руки в складках шубы, но женщина отшатнулась:

— Оставьте!

Она в ужасе оглянулась на ворота, я проследила взгляд. Там стоял тот самый старик, с которым я видела ее на Руяне в резиденции князя.

— Вы свои опасные фантазии оставьте, — зачастила Маняша. — Или хотя бы меня в них не мешайте. Довольно я от вашей кухни натерпелась, чтоб сызнава от вас претерпевать!

Она пятилась, говорила и мелко крестилась на церковь, все это делая одновременно.

— Лихие люди, это он? — Я повела головой в сторону старика и тряхнула запястьем, сбрасывая в снег искры.

— Капризная ты девчонка, — сказала Маняша грустно. — Только о себе и думаешь. А ежели что не по-твоему, бедокурить начинаешь. Отступись, блаженная, не вернется все как было, как ни старайся.

Старик уже шагал к нам от ворот, опираясь на трость и подагрически приволакивая ногу.

— Чем он держит тебя?

— Обознались вы, барышня Абызова, — громко и картавя, сказала мне Маняша. — Но я на вас зла не держу.

Она побежала навстречу старцу, поправила его шарф, стряхнула с плеча снежинки, что-то ласково забормотала.

И они ушли.

А я осталась. И плакала все время, пока заскучавшие горничные не нашли меня в выстуженном церковном дворике, и пока они везли меня на извозчике, и пока мимо меня проплывали мокошьградские нарядные домики и голые деревья.

— Кто посмел? — Теплый мужской голос раздался очень близко, и сквозь слезы я увидела встревоженное лицо Ивана.

Он сидел рядом со мной, коляска стояла у фонарного столба.

— Ты болван, — всхлипнула я.

— Почему ты рыдаешь?

— Потому что, — начала я с завыванием, но продолжить мне не дали.

— Барышню Абызову я забираю, — строго сказал Зорин Мартам. — Наталье Наумовне передайте, что по служебной надобности и что верну ее домой в целости и сохранности, когда надобность отпадет.

Он спрыгнул на мостовую и потянул меня за собой:

— Давай, Фима, не упрямься. Юлий Францевич с тобою желает побеседовать.

— На сторону канцлера переметнулся, ирод?

— Ирод, ирод, — бормотал он успокаивающе, снося удары. — Огнем еще можешь шибануть, я постараюсь не морщиться.

— Испепелю мерзавца.

— Обязательно. Сейчас покушаешь, в себя придешь и начнешь пепелить...

Ватные ноги меня не слушались, пошатываясь и не видя дороги, я брела, буквально повиснув на спутнике.

— Митрофан, — командовал он, — метнись к шефу, объясни ситуацию. Нет, лекарь здесь не поможет. Я разберусь.

Воздух из морозного стал теплым и вязким, я споткнулась, оказалась в мужских руках.

— Ваше высокородие! — блеял кто-то мне не видный.

— Стол нам организуй, человече. Бульону обязательно добудь.

Мы в ресторане? Однако вскоре я оказалась лежащей на кровати, а его высокородие со сноровкой больничной сиделки снимал мою шубу и расшнуровывал ботильоны.

— Ножка какая маленькая.

Хихикнув от щекотки, я лягнула Зорина.

— Ну хоть рыдать перестала.

— Слезы кончились, — доверчиво сказал я и шмыгнула носом. — Все меня бросили. Ты и Маняша. И Попович, кошка рыжая, заругала. Потому что я балованная и капризная, и только о себе думаю...

Жалобные мои стоны не мешали чародею меня раздевать. Он по одной доставал из волос шпильки, после принявшись массировать мне кожу головы твердыми пальцами.

— Эк тебя, душенька, разломало.

— Маняша...

— Помолчи! Ты что, океаны нынче кипят, бешеная?

— Ты, Зорин, определись, мне молчать или про географию беседовать?

— Беседуй. — Приподняв меня за плечи и усадив, чародей один за одним принялся расстегивать крючочки платья. Когда оно с шуршанием стало сползать, я забилась, как выброшенная на берег рыбешка.

— Глупостей не воображай, — разозлился Иван. — Солнечное сплетение обнажить придется, у нас там одно из средоточий силы.

— Болван ты все-таки, — простонала я, беспомощно наблюдая, как поднимает он с покрывала красный мак, который я, дура сентиментальная, прятала у сердца. — Ну радуйся, ирод, моему унижению! Похохочи над влюбленной дурой.

— Я бы, Фима, похохотал, — Зорин цветок аккуратно отложил и бестрепетно потянул мою сорочку, снимая ее через голову, — только перед собою ее не вижу. Это я некоей барышне в любви признавался, а она, кроме страсти, ничего мне предложить не хотела.

Я лежала на постели по пояс обнаженная и желала немедленно провалиться сквозь землю от стыда.

— Теперь молчи, — попросил чародей и положил ладони мне на живот.

Тело пронзило такой острой неожиданной болью, что мир превратился в раскаленный белый свет, в высокий звук, в варенье, в бобра. И я заорала высоко и раскаленно, а когда закончила, Иван лег рядышком и спросил:

— Почему бобер?

— Потому что ты болван. — Я повернула голову и нашла губами его губы. — А я тебя люблю.

Ощущать прикосновения мужских рук обнаженной кожей было приятно и очень остро, груди терлись о ткань мундира, напрягались, становясь еще чувствительнее. Я со стоном отстранилась:

— Продолжение получишь после свадьбы.

— После чьей?

— После нашей, — сокрушенно покачала я головой. — Или ты думаешь, я тебя теперь Наталье Наумовне уступлю?

Иван Иванович закинул руки за голову, уставился в потолок:

— Не уступай, она меня быстро умучит. С тобою, конечно, тоже спокойной жизни мне не светит, но она хоть в удовольствии будет.

Это «хоть» мне вообще не понравилось. От обиды я быстро натянула через голову сорочку.

— Иди сюда. — Зорин потянул меня за руку и повалил на подушку. — Давай рассказывай.

Смотря на потолочную лепнину, я рассказала ему все, от моих первых подозрений до сегодняшней встречи с Маняшей во дворе церкви.

— Понятно, — выслушав, сказал Иван.

— Что тебе понятно?

— В кого ты нынче столько силы вкачала.

— В кого?

— В навь, которая нянькой твоей притворилась. Можно, конечно, продолжить, чтоб выяснить, сколько в нее вообще поместиться может, но я бы не рисковал. Испортишь тело, некуда Маняшу возвращать будет.

Тут в дверь тихонько постучали, и Зорин отправился ее отпирать. Я, пользуясь случаем, осмотрела комнату, оказавшуюся отельным номером не самой высокой категории.

Коридорный вкатил столик с тарелками, сервировать даже не пытался, получил от Ивана денежку и сбежал, бросив на меня горячий взор.

— Может, она не хочет в свое тело возвращаться?

Бульон пился вкусно, я заедала его хлебушком и блаженно жмурилась от удовольствия.

— Ты хочешь, чтоб я тебе сейчас чужое тело портить дозволил?

Нет! Я хотела, чтоб он сказал, что Маняша меня любит, и не бросит, и вернется обязательно! Болван!

Не дождавшись ответа, Иван убрал мне от лица волосы, рассматривая щеку, пробежался пальцами по коже, посылая иголочки своей силы.

— Это Аркадий, — пояснила я. — Как с цепи сорвался.

— Наслышан.

— Я его тоже потрепала.

— Знаю.

Скула горела, я знала, что синяк на ней исчезает.

— Думаю, он и на сестру свою руку поднимал.

— Больше не поднимет.

— Не уверена, таких типов только могила исправит.

— Тогда Аркадий Наумович сейчас как раз на пути исправления, — вздохнул Зорин. — Убит вчера вечером. Именно по этому поводу господин Брют и желает с тобою беседовать.

Хлебушек стал в горле комом, я закашлялась, Иван постучал меня по спине:

— Давай, Фима, одеваться. Я помогу.

Бобынина мне было не жалко, то есть абсолютно. А может, просто жалость еще не успела оформиться. Да и, честно говоря, больше тревожила сноровка, с которой Зорин справлялся с крючками платья.

«Ловелас столичный! Даже волосы барышне прибрать в состоянии, вон как ловко шпильки втыкает! Я бы его учительниц в этом деле всех волос лишила!»

— Погоди, — замерла я у зеркала. — Почему канцлер об убийстве Бобынина желает допросить меня? Я под подозрением? Его сожгли?

— Закололи. — Воткнув последнюю шпильку, чародей взял в руки мою шубу, но надевать ее не спешил. — А теперь его высокопревосходительству интересно, кого именно из своих дыхателей вершить правосудие отравила: князя Кошкина или статского советника Зорина.

Пока я пыталась обжиться с этими новостями, Иван Иванович распахнул дверь, предлагая мне пройти. Шубы так и не отдал, вскорости я поняла почему. Аркадия лишили жизни в этом же отеле, только этажом выше.

— Ты покойников ведь не боишься? — с тревогой спросил меня Зорин.

— С Евангелиной Романовной меня перепутал, бубусик? — Фыркнула я и быстро пошла по коридору, туда, где у одной из дверей заметила черные мундиры Тайного приказа.

Аркадий лежал на постели, раскинув руки и задрал к потолку подбородок. Я перекрестилась, шепнула молитву и наконец ощутила ту самую жалость, которой достоин любой, даже самый гадкий, человек.

— Абызова! — кивнул мне канцлер, сидящий в кресле у окна. — Наконец явиться сподобилась.

Вот что на такое отвечать прикажете? Я промолчала.

— Здравствуйте, Серафима Карповна.

Семен Крестовский, прислонившийся к подоконнику, был чуть более вежлив, ему я поклонилась.

Иван, вошедший следом, остановился на пороге, дверь за собою не прикрыл.

Я спокойно осмотрела обстановку дешевого номера, отметила обилие пустых бутылок под кроватью, порошковые разводы на явно снятом со стены, но теперь лежащем на столе зеркале. Свой последний час кузен встретил отнюдь не в трезвом уме.

— Раз ты, Серафима, рыдать не собираешься, — веско и, как мне показалось, с осуждением начал канцлер, — приступим, не медля, к делу.

Видимо, эти слова Брюта послужили сигналом, Крестовский отлип от подоконника и вышел в коридор, прихватив с собою Зорина. Мы с канцлером остались наедине, если не считать покойника.

— Человека этого признаешь?

— Да. Это мой кузен Аркадий Наумович Бобынин, с которым последний раз мы виделись вчера в час, либо в час с четвертью пополудни.

— При каких обстоятельствах?

Я посмотрела на Юлия Францевича. Протокола он явно вести не собирался. Геля третьего дня мне подробно процедуру досмотра живописала, протокол в ней играл роль наиважнейшую. Значит спрашивает не для ответов, а чтоб нервы мне помотать.

— У нас с кузеном, — деловито сообщила я, — произошла скандальная размолвка, о которой вы, ваше высокопревосходительство, я уверена, осведомлены. Аркадий Наумович покинул дом в расстроенных чувствах. Более я его не видела.

— Зажмурившись закальвала?

— Чем? — Я с любопытством приблизилась к кровати, из Аркадия ничего не торчало.

— Вот и мне интересно, чем?

Осторожно приподняв борт расстегнутого мундира, я рассмотрела залитую уже спекшейся кровью

сорочку и небольшую, странной формы дырку в ней.

— Треугольным стилетом? — переспросила я с сомнением.

— Мимо. — Брют смотрел на меня с любопытством.

— Сечение скорее ромбическое. Кортик?

— Точно! Господина Бобынина закололи морским либо парадным кортиком. В тайном мои работнички глубину раны измеряют, да и определяют, каким именно, исходя из длины клинка.

— А при теле оружия не обнаружили?

Канцлер, видно поняв, что увлекся, окоротил меня строгим взглядом:

— Под подозрением ты, Серафима. Оправдывайся!

Вздохнув, я села в свободное кресло:

— Оно вам надо, Юлий Францевич? Время на игры тратить?

Он покачал головой:

— Не понимаю я тебя, барышня Абызова. А то, чего я не понимаю, раздражает меня до чрезвычайности.

— Сновидцы все блаженные, — сообщила я напевно. — Из этого и исходите.

— Я не могу исходить из того, что ты в любой момент можешь что угодно отмочить!

— Ну хорошо, — я сложила руки с видом прилежной школьницы. — Я убить господина Бобынина не могла, так как, во-первых, скорее сожгла бы его к лешему, а во-вторых, провела вчерашний вечер в компании его сиятельства князя Кошкина, надворную советницу Попович и дюжины свидетелей.

— До десяти, — кивнул Брют. — А после?

— Как порядочная девушка, спала в своей постели под присмотром няньки и двух горничных.

— А Зорин твой?

Изобразив раздумья, я радостно воскликнула:

— Он мог! Точно мог! Услышал, что Аркадий на меня руку поднял, да и схватился за кортик! Давайте Ивана Ивановича арестовывать!

— И где он этот кортик взял? Оружие-то морское.

— Купил! Точно. Узнал про побои, сразу в лавку пошел, в аффекте, и Аркадия зарезал из одного не выходя. Арестовывать будем?

— А, к примеру, Анатолий Ефремович не мог за твою честь вступиться?

— Князь? Он पहले прочих мог! Послушайте, да они вдвоем это сделали! Точно! Узнали — и оба в лавку, а потом и Бобынина с двух рук закололи. Давайте обоих запрем, и князя, и советника?

Извергая из себя всю эту чушь, я наслаждалась неведомым мне доселе чувством абсолютной свободы. Это именно то, что пытался втолковать мне Артемидор! «Не играй по их правилам, девочка. Пусть они зовут это безумием, они называют так все, что им недоступно!»

— Ну Зорина, положим, я действительно в любой момент арестовать могу, — сказал канцлер с угрозой.

— И потеряете одну из ниточек, за которую меня дергать можно?

— А знаешь, что еще я могу? Дело о заговоре против императора возобновить. И тогда тебя, Серафима, всех твоих сил по закону лишат. А чародеи после этой операции...

— Становятся безумными! — закончила я с низким гортанным смешком. — Напугали, ваше высокоблагородие!

Брют смотрел на мои кривляния с выражением крайнего отвращения:

— Мне уже жаль того несчастного, которому ты в жены достанешься.

Он постучал в пол тростью, которую все это время держал в руках, и, когда дверь открылась, велел своему подручному:

— Труп скрытно в приказ доставить, Крестовский над ним пусть поколдует, шелкоперов придержать.

— А когда мы сможем кузена похоронить? — спросила я быстро.

— Какого еще кузена? — Канцлер скривился. — Нету тела, нету дела, пусть полежит пока у нас.

— Но позвольте...

— Не позволю! Не позволю тебе семейным трауром прикрываться, когда барышня Абызова должна пред монаршим взором предстать! Все запомнить должны, что именно Брют блаженную Серафиму во благо империи отыскал и приветил.

— А кухне я что скажу?

— Да кто тебя о чем спросит? Ты Бобынина последний раз вчера видела. Так что никому ни гу-гу. Убереешься уже к своему сумасшедшему сновидцу, кузена твоего в какой-нибудь канаве найдут. Подумают, прирезали в драке, да и вся недолга. У отщепенцев, которые зелье навское нюхают, обычное дело.

Я пыталась еще что-то возражать, но канцлер мною пренебрег:

— Ступай, Абызова, и не шали. Чем тебя прижать, я надумаю, так что бойся.

— Замуж за князя меня отдавать уже передумали?

— Все вы в этом, бабы. У тебя вон покойник под боком, а все мысли про замуж! Не передумал! Может, не за этого князя, но...

— Этот чем не подходит? — испуг скрыть не удалось, я предпочитала зло привычное неведомому.

— Не знаю! Я же объяснял уже, ощущения! — Брют пошевелил в воздухе пальцами. — Да и что-то вспылал к тебе Анатолий, на мой взгляд, излишне. Не удивлюсь, если действительно он твоего обидчика порешил. Пока пусть отирается подле объекта страсти, опять же невестою в общество введет, а после я решу.

В номере стало многолюдно, четверо тайных приказных принялись набрасывать на Аркадия плотную мешковину.

— Обождите. — Оставив канцлера, я приблизилась к кровати. — Не по-людски это, хоть попрощаться дайте!

Служивые почтительно замерли, а я опустилась на колени и приложила обе ладони к неподвижной груди кузена.

— Мстить за твою смерть не буду, — пробормотала тихонько, — но и зла более не держу, ступай, братец, свободным от обид. Надеюсь, там, за гранью, когда- и где-нибудь ты постигнешь добро и мудрость. Прощай.

Слезы хлынули из глаз, будто до этого момента их сдерживали заслоны, накапливая соленую влагу.

— Серафима. — Теплые руки Зорина приподняли меня за плечи, сжали, обняв.

— Барышню Абызову выведете черным ходом, — командовал Брют. — Семен Аристархович, сопроводите моих охламонов да поколдуйте там для сохранности. Мороком, что ли, прикрыть? Прокопенко, коридорных всех к нам в холодную да придумай за что. Если хотя бы в одной газете я завтра про убийство в этой гостинице прочту...

Иван увел меня по коридору, мы спустились ободранными лестничными пролетами и оказались во внутреннем дворе.

— Ты как? — Застегивая на мне шубу, чародей заглядывал в лицо.

— Домой не хочу, — тоненько пожаловалась я. — Перед Натальей стыдно.

— Ну не ты же Аркадия...

— А кто? Вот мне теперь очень интересно, как подданной нашей великой империи, что на полицейские службы должна полагаться, кто моего родственника порешил? И кто расследовать сие

преступление станет?

— Разбойный приказ, — пояснил Зорин несколько смущенно.

— Когда через неделю в канаве труп найдется?

Слезы высохли, зато возмущение рвалось наружу. Я топнула ногой, но каблук лишь увяз в снегу, нужного звука не вызвав. Поэтому я толкнула в грудь собеседника:

— Что ты на это скажешь?

Иван даже не пошатнулся, поймал мою руку и поцеловал запястье в разрезе перчатки:

— Вечером все расскажу. Придешь?

Теплое дыхание на запястной жилке запустило во мне привычное любопытство, поэтому руку я выдернула:

— У меня, господин Зорин, все вечера женихом заняты. Да и вы беседовать сегодня не со мной будете, а с Натальей Наумовой.

— Всенепременно. Как раз собирался барышне Бобыниной сообщить, что играть роль ее поклонника более не могу.

— Играть? — В тоне моем сквозило разочарование. — Ты все же с нею играл!

— Скорее подыгрывал. — Иван потащил меня со двора. — Сейчас, когда брат Наталье Наумовне угрозы не представляет...

— Подыгрывал? То есть с ее согласия?

— По ее решению.

— Зорин, — проворковала я, потянув его за рукав, — ты меня сейчас своими односложными ответами из себя выведешь. А я когда не в себе...

— Ты всегда не в себе. — Иван быстро чмокнул меня в нос. — Ты, может, в себе и не бывала ни разу, бешеная. Но на всякий случай многосложно сообщаю тебе, что жениховство с барышней Бобыниной было притворным как с ее, так и с моей стороны, что длиться оно должно было до момента, когда Аркадий Наумович перестал бы угрозу для своей сестры представлять, что она думала, что сей светлый миг настанет после женитьбы брата Аркадия, а я знал, что не позднее сечения Мамаев злодея арестует. Достаточно многосложно?

— И теперь, когда Аркадий мертв... — Я замотала головой. — Не получится. Во-первых, о том, что кузена с нами более нет, мы никому рассказывать не должны, Брют с нас головы снимает. А во-вторых, бросать девицу в такой момент — бесчеловечно.

— Во-первых, я не собираюсь рассказывать Натали об убийстве, во-вторых... Я совсем запутался. Значит, так, Фима. Сейчас я тебе объясню, как все будет. Ты здесь, я тебя люблю и не буду более скрываться.

— Натали опечалится!

— Да почему я должен за ее печаль отвечать?

— Потому что у меня и так все в этой жизни есть, а у нее никогда ничего не было, только брат беспутный, и того убили.

— А я тут при чем? — осторожно спросил Иван. — Ну в этой твоей многослойной повинной комбинации? Чего я у твоей кроткой родственницы отобрал? Я, Фима, не приз драгоценный, а живой человек, со своими желаниями.

— Но мы должны...

— Ничего я барышне Бобыниной не должен, — отрезал Зорин. — А вот ты должна, но не ей, а мне. Прельстила добра молодца, отвечай за это.

В голове у меня происходило нечто, походившее на перекачивание сухого гороха в погремушке, фразы рассыпались бессмысленным треском.

— Совсем ты меня запутал, Ванечка, — полезла я целоваться.

— А ты меня истерзала... Как представлю тебя с другими...

— Чего? — Я отстранилась, сразу осознав, что стою я в захлавленном заднем дворе низкосортной гостиницы, что холодно, что на карнизе дурындой орет зимняя птица. — С какими еще другими?

— По которых твой учитель мне поведал. — Зорин поморщился. — Я пытаюсь с этим свыкнуться, Серафима, памятуя о твоей стихии, которая провоцирует страсть, но пока не особо преуспел.

— Что именно он тебе сказал?

— Что с другими делить придется, что восемь у тебя нынче сожителей, ты среди них девятая.

— А про то, что с одним из тех восьми ты знаком, Гуннар, конечно, упомянуть забыл? Вот ведь, старый... гм... шутник. — Я взяла чародея под руку. — Давай, вези меня домой, Болван Иванович. Голодный он там, наверное, сожитель, с которым ты меня представлял.

— Это не люди? Кошки?

— Сонные коты, — поправила я торжественно. — Я Гуннаров круг открываю, я закрываю. И вообще, сильная и независимая женщина, с восемью-то котами.

Когда мы ехали домой, я велела извозчику заложить крюк, чтоб проехать мимо пешеходного мостика с крылатыми статуями.

— Видишь? — говорила я Ивану. — Их тут на самом деле не четыре, а вдвое больше, потому что отражение в воде зеркально. До весны поверь мне на слово, а как лед сойдет, убедишься сам. Когда пересекаешь реку, у начала моста открываешь, сходя с него — размыкаешь круг или наоборот, потому что, в сущности, не важно, внутрь или вовне направлено движение.

— Твое чародейство особенное, — сказал Зорин. — Оно не похоже на привычные арканы либо нити силы.

— Поэтому сновидцы особняком от прочих стоят, — кивнула я. — А еще потому, что с тонким миром работать могут, а еще... Ах, поскорее бы здесь все закончить, мне столько еще тайн познать предстоит!

После моих слов Иван отчего-то погрузился. До Голубой улицы мы молчали, каждый думал о своем.

Уже переодеваясь в спальне, я заметила, что потеряла где-то мамаевскую звездочку-подвеску, наверное, цепочка соскользнула с шеи, когда Зорин снимал мне через голову сорочку.

Гаврюша поел и опять попросился гулять.

— Умучиться с тобою можно, — вздохнула я, распахивая балконную дверь. — А станет вас больше, хоть швейцара для открываний-закрываний нанимай.

Кот ответил «авром», нисколько мне не сочувствуя.

Велев Мартам подать мне писчие принадлежности, я составила письмо банковскому агенту и отправила обеих отнести послание. Мне нужен дом здесь, в Мокошь-граде. Достаточно большой, чтоб с удобством разместить всех «сожителей», городской, но окраинный, и чтоб прилегало к нему довольно земли, парк либо луг для кошачьих прогулок. Все это я изложила в письме, указав также, что интересуется барышню Абызову Цветочная улица, что на другом берегу Мокоши, и что, ежели какая-нибудь из тамошних вилл сдастся либо торгуется, Серафима Карповна эту возможность с радостью рассмотрит.

Горничные ушли исполнять поручение, и мое удовлетворение собственной деловой хваткой потихоньку сменило беспокойство. Оно еще усилилось, когда из смежной комнаты вышла ко мне фальшивая Маняша. Навья — Луиза Мерло.

— Хворь тебя оставляет? — с преувеличенным дружелюбием спросила я. — Жар спал?

Она повела носом, будто принюхиваясь:

— Это кто ж нас сегодня пользовал? Зорин?

Нянька заколола волосы в высокую непривычную прическу, и от этого вида я никак не могла отрешиться от фальши разговора.

— Наталья Наумовна скучает, наверное, — пробормотала я, бочком продвигаясь к выходу. — Развлеку ее, пожалуй, беседой.

— И я спущусь, — кивнула «Маняша», — разомну конечности.

Натали вышивала, едва кивнув в ответ на приветствие, она показала мне шелковые вензеля, принимая восторги с милой смущенной улыбкой.

Нянька устроилась в уголке, как бы не включая себя в беседу, раскрыла стоящую у кресла рукодельную корзинку, я села подле кузины, но к пальцам не прикоснулась.

— По какой же надобности, Фимочка, тебя сегодня господин Зорин тревожил?

— По служебной, — сухо ответила я.

Беседа грозила иссякнуть, так толком и не начавшись. Канительные «Н.З», расплзающиеся на шелке под руками кузины, нервировали меня чрезвычайно. Пусть уж Иван поскорее ей об окончании притворства сообщит, а то у меня никаких нервов не останется.

Поискав взглядом, чем можно занять руки, кроме ненавистного вышивания, я заметила шкатулку красного дерева, стоящую на столе.

— Памятные вещицы я там храню, — любезно сообщила на мой вопрос Натали. — Если любопытствуешь, изволь, нисколько не возражаю.

Под резной крышкой обнаружился ворох писем, надписанных больше чем одним почерком, увядшие бутоньерки — воспоминания о первых балах, маска черного бархата, стопка фотографических карточек. Последние я и принялась рассматривать. Там были изображены мужчины: бравый офицер с черными усиками, господин во фраке с умным взором и ранними залысинами над высоким лбом, студент в фуражке, огромный детина в холщовой рубахе с мольбертом наперевес.

Про каждого из них Натали рассказывала с томной грустью. Называла имена, род занятий, а также сообщала, чего господа эти сподобились достичь на сегодняшний момент. Все это были ее прошлые воздыхатели, и говорить о них доставляло кузине удовольствие. Я же боролась с зевотой. Наталья Наумовна сняла ленточку с писем, принялась зачитывать мне пассажи из переписок, касаемые изображенных кавалеров.

— Понимаю, Фимочка, что мои скромные победы на полях Амура ни в какое сравнение с твоими не идут.

— Да разве это соревнование? — Широко и фальшиво улыбнувшись, я взяла следующую карточку. — Этот бравый морской офицер тоже пал жертвою твоих чар?

Сызнова зашуршали письма, дно шкатулки обнажилось, я обрадовалась, что тема амурных побед скоро иссякнет.

Бедная моя кузина, бедная. Ежедневно сидеть в гостиной в одиночестве да реликвии перебирать, довольно грустное времяпровождение. Ну а чем еще заниматься? У берендийских аристократок занятий в жизни не особо положено. По молодости все живее происходит, красивой надо быть, приятной, привлекательной, в обществе появляться. Все для того, чтоб замуж удачно взяли. После, выйдя замуж, домом занимаешься. Если супруг не беден, слуг у тебя будет довольно, вот ими и командуешь. Но Натали одинока, время балов и флирта прошло, из слуг одна кухарка, но Акулина сама кем хочешь покомандует. А налаженный более-менее быт особых забот не требует. Вот и сидит голубица, вспоминает...

Рукою я нырнула в шкатулку, чтоб точно убедиться в ее пустоте. Пальцы нащупали что-то, и я извлекла на свет бумажную розу. Ворсинки на сгибах сообщали о преклонном возрасте поделки. Роза для розы. Именно таким образом складывал свои письма мне князь Кошкин. Роза для розы!

Я подняла на кузину ошарашенный взгляд.

— Рано или поздно, Фимочка, ты об этом бы узнала, — проговорила Натали со вздохом. — Анатолий и я...

— Позволишь? — Я держала розу в раскрытых ладонях, будто новорожденного цыпленка.

— Полюбопытствуй. Это уже такая древняя история...

Истории было лет десять, я взглянула на дату внизу, но высчитывать точный возраст поленилась. В записке оказалась всего пара строк: радость от скорой встречи и обещание блаженств, превосходящих прошлые. Зачем я это читаю?

— Мы были так молоды, — прошептала Натали. — Моя неопытность и наивность сыграли злую шутку тогда.

— У тебя с князем был роман?

— Рано или поздно ты об этом бы узнала.

Что ж она одно и то же произносит? Можно подумать, князевы романы должны меня в неистовство приводить.

— Погоди, милая, — проговорила я торопливо. — Ты меня про Анатоля упреждала, что-де гадкий он человек, чтоб не прикипала я к нему сердцем. Князь обидел тебя?

— Обидел, — кивнула кузина, промокнув платочком тихие слезы. — Я была молода, Фимочка, и влюблена. А он...

— Что он?

— Девушкам о таком даже думать неприлично.

Она замолчала с видом оскорбленной добродетели.

Думать, значит, неприлично, а подсовывать улики ничего не подозревающей мне в самый раз?

— Почему он на тебе не женился? — спросила я деловым тоном. — В записке обещались повторные блаженства, значит, самые первые он от тебя уже получил?

— Старая княгиня вмешалась, — скривилась Натали. — Меня чуть не поганой метлой погнали.

— Ужасно. — В прихожей мне послышался шум, видимо, вернулись горничные. — Надеюсь, за десять лет Анатоля от бабушкиной опеки избавился.

И, закончив беседу сим оптимистичным предположением, я отправилась к Мартам. Вот не зря я не люблю с Натальей Наумовной время проводить, каждый раз умудряется кузина мне какую-нибудь неприятность озвучить. И жалко ее, и гадко, и не представляется, что мне по поводу этих неприятностей делать прикажете. Розовобумажный Анатоля!

Единственное, что меня обрадовало, то, что нянька осталась в гостинной.

Мамаев толкнул дверь с такою силой, что створка грохотнула о стену.

— Серафима?

Женщина повернулась от окна, ее высокая тонкая фигура нисколько на Серафимину не походила. Подробности облика скрывал яркий дневной свет из-за спины.

— Эльдар-р, — она тянула гласные и гортанное «р» также получилось длинным, — прибежал на зов, быстро явился.

— Имею честь быть с вами знакомым?

— Счастье, Эльдар. Ты имеешь счастье. — Женщина развела руки, с левой ладони свисала серебряная цепочка с кулоном-звездочкой. — Дверь-то закрой, холодно.

— Где барышня Абызова?

— Абызова? — Женщина тряхнула подвеской. — Бар-р-рышня Абыз-з-зова...

Длинными медленными шагами она пересекла комнату, до Мамаева донесся пряный запах духов, и сама захлопнула дверь.

— Садись, Эльдар, в ногах правды нет. С барышней твоей, ах, прости, к твоему сожалению, не твоей, все в порядке. Где именно она сейчас, не знаю, но уверена, что ничего блаженной Серафиме не грозит.

— Тогда откуда у вас?..

И тут Мамаев вспомнил, где видел раньше незнакомку. Она как раз повернулась от двери, глядя на чародея черными блестящими глазами. Глаза он помнил, а еще помнил, что волосы у нее, сейчас смоляными локонами обрамляющие скуластое личико, тогда были рыжими, задорно кудрявыми.

— Маша?

Она улыбнулась, и улыбка ее была такой же медленно тягучей, как и прочие движения.

— Меня зовут Сикера. — Пряный запах усилился, женщина шагнула, оказавшись лицом к лицу с

чародеем. — Я навь и в притворствах чудо как хороша.

Что-то в ней было, в этой навье, возбуждающе-ужасное, смешанное в столь идеальной пропорции, что в голове Мамаева застучали кровавые молоточки.

— Огонь, — крылья точеного носика дрогнули, — слишком много, слишком ярко.

— Оберег верни, — велел Эльдар хриплым от желания голосом.

— Изволь. — Она вложила подвеску в его ладонь, их пальцы соприкоснулись, и Мамаев почувствовал ледяную сухость навьей кожи. — Потеряла его твоя Серафима, не уберегла.

Сикера отошла к окну и села в кресло, по-мужски закинув ногу на ногу.

— Подозреваю, что и не берегла особо, а еще... — Она вновь будто принялась, и указала подбородком на разоренную постель. — На ложе этом отнюдь не в одиночестве почивала. Полюбопытствуй, если твоя воля, уверена, отыщешь волосы на подушке. Светлый да темный.

Любопытствовать Мамаев не стал, шутовски поклонился и присел напротив навьи.

— Спасибо, добрая женщина, за оповещение. Теперь я уверен, что с Серафимой Карповной беды не приключится, Ваня любимую в обиду не даст.

Сикера покачала головой:

— Болит сердечко-то? Признайся, милый, мне можно.

— А ежели болит, то ты мне его залечишь, милая?

Навья потянулась по-кошачьи:

— Проста слишком для меня твоя, чародей, сила, нет в ней тонкого изящества, к которому я привыкла.

— Иногда и черный хлебушек жевать полезно.

Сикера рассмеялась:

— После пожую, если аппетит появится, сначала дело. Или ты думаешь, я в эту дыру тебя поблудить позвала?

Мамаев был уже рядом с ней, горячими пальцами гладил основание шеи, отбрасывал волосы, зарываясь в них лицом:

— Аппетит я тебе разбужу, а дела... после.

— Навьи-то у тебя никогда не было? — жадно отвечая на поцелуй, спросила Сикера.

— Не было, — просто ответил Эльдар.

Он расстегивал крючки платья, стягивал его, обнажая гладкую кремовую женскую плоть.

— Какая честь огненного чародея невинности лишить! — хихикнула Сикера и увлекла Эльдара на постель.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в коей дни утекают водою сквозь пальцы, но не уходят разбойники из рук бравых сыскарей

Женщина согласна не слыть красавицей, съ условіемъ, чтобы ее называли утонченной; многие люди готовы сознаться въ томъ, что они ни богаты, ни знатны, зная, что ихъ утонченность вполнѣ замѣняетъ золото и гербы; наконецъ, и уму, и таланту утонченность необходима точно так же, какъ она необходима красоте, богатству и знатности. Поэтому, кто желаетъ навеѣрняка быть утонченнымъ, тотъ долженъ соблюдать самую изысканную вѣжливость въ своихъ свѣтскихъ отношеніяхъ...

Толпа посетителей в заведении «Жарю-парю» схлынула часам к девяти вечера. Уставшие половые довольно пересчитывали денежку, оставленную «на чай», и без довольства поглядывали на двоих сыскных чиновников, что сидели за столом у стеночки и харчевню покидать не собирались. Заказывали, правда, преизрядно, не съестное, а хмельное, и поначалу казалось, закидаются быстренько, да и пойдут с богом, пошатываясь на нетвердых ногах и не забыв на прощанье денежкой обслугу одарить. Но то лишь показалось. Тот, что пониже ростом, востроглазый, порывистый, Тришку-полового серьезно так упредил:

— Что хочешь себе, человеце, придумывай, а мешать нам не смей.

Сам-то, рожа басурманская, зелена вина и не пригубил даже, квасом с приятелем чокался, зато второму все, что в сухую землю, шло. Оно и понятно, мужик здоровый, косая сажень, ему чтоб оглушиться, ведра два выхлебать надобно. Басурманин и подливал, чтоб чарка не пустовала, и так на Тришку зыркнул, когда заметил, что тот ушки наострил, чтоб разговор, значит, подслушать, что половой убрался подобру-поздорову. Хозяину, правда, пожаловался. Время-де позднее, а чиновники все заседают. Хозяин в зал сходил, а вернувшись, строго так Тришке велел, чтоб никаких вольностей с теми господами парень себе не позволял и чтоб прислуживал, сколько потребуется, хоть до рассвета. Уже и с кухни последняя судомойка ушла, а Тришка-страдалец все подносил к дальнему столику шкалики да квашенину на закуску.

Эльдар отхлебнул квасу, поморщился, эдак скоро сам забродит от питья обилия, но Ваньке сейчас необходим собутыльник, и он роль эту исполнит. Эх, Семена бы сейчас сюда, чтоб втроем посидеть, как встарь. Семка захмелел бы быстро, куражиться начал, а Иван качал бы головой по-отечески, но расслабился бы, перестал все в себе держать. А теперь что? Молчит как сыч, только вздыхает да крикает, когда отравя горло дерет.

— Может, в кафе-шантан отправимся? — спросил Мамаев. — Девицы веселые, да и Жозефина про тебя третьего дня интересовалась.

— Точно! — обрадовался Зорин. — Клин клином! Пошли!

А сам подхватил с тарелки квашеный грибок и зажевал бессчетную уже чарочку.

— Прямо вот сейчас и пойдём. А чего? Что нас остановит?

— Меня ничто, — кивнул Эльдар. — А тебя не что, а кто. Барышня Абызова тебе живо рожу расцарапает.

— Она не сможет царапаться, у нее свидание.

— Ты поэтому не в себе? Ревнуешь?

— Ревную, — кивнул Иван. — Только не к Кошкину.

Мамаев посмотрел в несчастные глаза друга:

— Ко мне?

Зорин опять кивнул:

— Поначалу мне казалось, что ты Серафиму по привычке своей многолетней вниманием одариваешь, тогда не ревновал. Ты же у нас натура огненная, искристая, что твой фейерверк. Букашечкой направо, букашечкой налево. Ах, Серафима, позвольте вашей силы зачерпнуть!

— Так не убыло от нее.

— Так и тебе оно было без надобности! Ты узнать ее хотел, попробовать.

— Хотел. — Мамаев смотрел в свою кружку, будто там не постылый квас плескался, а

прелюбопытную фильму показывали про полонянок неглиже. — Ну прости, не сдержался. Огонь очень редко женскому полу достается, интересно стало.

— Врешь. То есть что хотел, это правда, а про любопытство... Эльдар...

Иван запнулся, продолжил, будто преодолевая преграду:

— Ты ее любишь, Серафиму мою блаженную. И, кажется, для тебя это впервые. И вы так подходите друг другу, что я почувствовал себя злодеем, который мешает воссоединению. Вот какая у меня ревность.

Эльдар в этот момент испытал невероятное облегчение, не зря угрюмый половой шкалики к ним на стол таскал, попустило Ваньку.

— Зорин, дружище, ну что ж теперь, отдашь мне свою сновидицу по дружбе, чтоб мое разбитое сердце подлатать? Нет, знаю, что нет. И она того не захочет. Ну люблю, и что? Она мне вроде путеводной звезды в ночном небе — недостижимая, священная. Потерпишь, пока время меня излечит. И с детишками не затягивайте, дамы, которые в тягости, никогда меня не привлекали.

— Детишки, — мечтательно повторил Иван. — Пока мне в приданое упряжку сонных котов посулили, а про детишек сослались на изыскания бриттских ученых умов, кои указывают на затруднения в производстве потомства чародеев меж собою.

Мамаев посмотрел на друга и рассмеялся:

— Посуливший немного не представляет границы твоих сил.

— Он, то есть она, мечтает к учителю поскорее возвратиться, чтоб все тайны постичь.

— Хитрый старец озаботился, чтоб мечтательность поддержать. Не запри он ее сил, никуда бы барышня Абызова не возвратилась. Тайн и в столице хоть лопатой гребь.

— Это да. — Зорин, высказав то, что жгло его изнутри, интерес к зеленому вину утратил, отодвинул чарку, щелкнул сам себя по кончику носа, сложив пальцы щепотью, и подозвал полового: — Трифон, человеке, отыщи-ка нам на кухне нормальной еды, мы покушаем, да и пойдем с богом, тебя более не тревожа.

В пустую чарку Иван Иванович положил парочку ассигнаций, приятность своих слов подкрепляя. И Тришка через недолгое время метнул чиновникам на стол разогретую тушенину в глиняных горшочках, половинку хлебушка и шмат вяленого мяса, которого в пост вроде не полагалось, но половой решил, что басурманину все едино будет.

— Мы ведь раньше даже предположить не могли, что навь могут помещать свою сущность в человеческие тела, — говорил Зорин, с аппетитом откусывая.

— Ну, мы знали, что их магия, в отличие от нашей, направлена на манипуляции с сознанием.

— Теперь надо выяснить, как эта мифическая навья снасть выглядит, чтоб была возможность простым осмотром...

— Никак, — перебил Мамаев с едва уловимым оттенком хвастовства. — Простым осмотром она не определяется, непростым, впрочем, тоже.

— Ты хочешь сказать... — Иван Иванович замер, не донеся ложки ко рту.

— Именно хочу! Раз вопросы любви мы, ко взаимному облегчению, обсудили, я очень хочу сказать о... не о любви.

Эльдар приосанился:

— Да жуй ты, не тормози. Я где угодно говорить могу, а Тришка наш скоро мышьяку тебе в тарелку сыпанет. Слушай! Помнишь, слухи ходили, что у Юлия Францевича в доме родственница дальняя проживает? Племянница?

— Яматайка?

— Папатайка! — Мамаев фыркнул. — Жуй! А помнишь, когда мы паука-давителя в гостинице брали, там девица нетяжелого поведения с нами страдала, андалузская прелестница Машенька?

— Это она племянница и есть?

— Точно. Только она не Машенька и не племянница. Сикера ее зовут, и она, представь себе, навь.

Тришка прислушивался изо всех сил, но без успеха. Басурманин тархтел вполголоса, да еще на стол навалился, чтоб ближе к собеседнику быть. А тот, будто по волшебству протрезвевший, только глаза пучил да время от времени головой качал.

Через три четверти часа чиновники наконец засобирались, сунули половому денежку за груди, оделись. И последнюю фразу, сказанную у самого порога, Тришка услышал доподлинно.

— Эльдар, ты мне одно скажи, у нее там точно хвоста не было?

Вчера я посетила концерт, третьего дня побывала в театре, сегодня собиралась нанести визит княгине Кошкиной, бабушке Анатоля.

— Эти, пожалуй. — Ткнула я пальчиком в пару лайковых перчаток. — С меховой оторочкой я также возьму, и вон те, замшевые, упакуйте.

Зеленые глаза Евангелины Романовны прожгли во мне Дыру.

— Ежели меня за взятку, полученную в классе, понизят, вся вина на тебе, Серафима будет.

— Это если бы ты в обмен на презент услугу мне оказала, тогда да, тогда я бы первая на тебя доносить принялась. Но у нас презенты отдельно, а услуги отдельно, и никак они меж собою не связаны.

— Схоластика!

— Нет! Всего лишь три несчастные пары перчаток. Я, может, не умею иначе расположение показать, я, может, нелюдима и замкнута.

— Такая ты и есть, — ответила чиновница, а продавцу сказала: — Покупку я оплачу.

Погода стояла прекрасная, выйдя на улицу, я прищурилась от яркого зимнего солнышка. Время было обеденное, именно поэтому Геля смогла составить мне компанию по дороге к модисткам. Конечно, мастериц и на дом было возможно вызывать, но обстановка бобынинского родового гнезда настолько меня тяготила, что я пользовалась любым поводом из него ускользнуть.

— Тебе абсолютно необходимо в приказ возвратиться?

— Абсолютно. Но вечером я тебя не оставлю.

Попович поклонилась какому-то встречному господину. Из того, что поприветствовала она его первой, я заключила, что господин тот в чине выше надворного советника служит.

— Девица Мерло сегодня сызнава церковь Святого Демьяна посещала, — сказала Геля. — Ни дня не пропускает.

— Со стариком?

— Да.

Личность сего старца Евангелина выяснила еще третьего дня, расспросив Сухова. Бравый ротмистр исполнял при Анатоле ту же роль, что изображала при мне рыжая сыскарка, он был кем-то вроде дуэньи. Поэтому наши с князем свидания происходили вчетвером, и, пока я выслушивала пошлейшие комплименты либо пикировалась с кавалером, Павел Андреевич подвергался неявному, но тщательному допросу. Фамилия старца была Савицкий. Но его ни по фамилии, ни даже по имени-отчеству никто не называет. Говорят: старый пан. Геля предположила, что пан сей из Жечи произошел, отсюда и обращение. Годков ему преизрядно, может, сто, последние десять состоит обычным приживалом. За какие заслуги, Попович выяснить не удалось. Но, видимо, заслуги эти существовали в прошлом, потому что девицу Мерло определили старцу в сиделки. Лулу живет с ним в одной из гостевых пристроек и практически ни на минуту с ним не разлучается. Сухов рассказал, что с появлением бойкой гризетки старый пан своих покоев предпочитавший ранее не покидать, стал совершать долгие пешие прогулки в компании сиделки.

Услышав об этом, я испытала такую всепоглощающую ревность, что даже устыдилась. Что же эдакого рассмотрела моя ведьма в этой развалине? Чем он меня лучше? Так ее и спрошу при встрече. Именно этими словами.

Но скорой встречи не получилось. Караулить в церковном дворике Попович мне запретила, так что пришлось возложить надежды на визит в княжеский терем, то есть в резиденцию или дворец.

Может, он чародей, Савицкий этот? Но Геля, просмотревшая списки всех столичных чародеев,

заверила меня, что нет, абсолютно рядовой обыватель.

Мы поравнялись с моей коляской, в которой нас дожидались горничные, прогулка заканчивалась, Евангелина собиралась вернуться на службу, а меня ждала примерка.

— До вечера, Серафима.

— Погоди. — Я придержала ее за рукав шинели. — У меня один вопрос имеется, который я тебе как бы и не задам.

— Про Зорина?

Пожав плечами, я горестно вздохнула:

— Как проводил меня третьего дня после... после всего этого ужаса, так и носа не кажет. Может, я обидела его чем?

Зеленые глаза Гели погрузнели:

— Вернется, этот вопрос ему адресуй. Нет его сейчас в городе, они с шефом на Руян отправились. Зачем, не спрашивай. Я попросту не знаю, меня, к прискорбию, сызнова из круга осведомленных удалили.

— А Эльдар Давидович?

— Предатель, — припечатала девушка. — Он-то вызнал что-то, красуется теперь, букашечками фонтанирует. Ладно, барышня Абызова, у меня дела, пойду... И главное, в отсутствие начальства себя главою приказа определил, а мы с ним и в классе и звании равны, но командует все равно Эльдар. А знаешь почему?

— Потому что мужчина и чародей?

— Слово в слово!

Геля досадливо топнула ногой:

— У меня своих дел по горло, я гризетку твою веду, так теперь еще убийство Ар... — Она быстро взглянула на ждущих неподалеку Март. — Ну ты знаешь, о чем речь.

Я быстро потянула чиновницу за руку, отводя подальше:

— Следствие все-таки ведется? Вы его так не оставили?

— Как можно? Не по закону это было бы, не по правде. Эльдар своих продавцов продолжает дергать, а про убийство поручил мне разобраться.

Я улыбнулась. Какой же все-таки молодец этот мужчина и чародей Мамаев, что меня вольным агентом в приказ определил. Иначе Геля ничего бы мне не рассказала и я продолжала бы взращивать свое разочарование всей берендийской сыскной системой.

— Далеко продвинулась?

— Изрядно, но теперь в стену уперлась, мне кузину твою надобно допросить. Но как я это сделаю, если о самом факте убийства сообщать ей не должна? Следствие-то тайное.

— Мы что-нибудь придумаем. — пообещала я. — Ступай, а то твой строгий временный начальник заругает. После службы домой не заезжай, время не трать, сразу ко мне.

— Думаю, старую княгиню удар хватит, ежели к ней в мундире сыскная чиновница явится.

— Моя гардеробная к твоим услугам будет. Не спорь. Это не подарки вовсе! А пока мы будем тебе достойный наряд подбирать, о делах потолкуем.

— Нянька?

— Я ее каждый день силою накачиваю, она редко в себя приходит.

— Жестоко, — решила Геля, — но действительно.

Она чмокнула меня в щеку, помахала горничным на прощанье и почти бегом отправилась в направлении приказа.

Платье ждало меня у модисток. Ткань, из которой кроилось и сшивалось это обманчиво простенькое

одеяние, была драгоценнейшим паутинно-тонким шелком. От любого неловкого движения шелк грозил порваться, зато облегал тело прихотливым ажурным мерцанием.

Раздумывая о том, какая обувка достойна сего чуда, я наконец исполнила свою давнишнюю мечту о хрустальных туфельках. Разумеется, обычные сапожники либо обувщики мой заказ исполнить не могли, а приказчик чародейской лавки сообщил с почтением, что мастеров, которые смогут изогнуть хрусталь по размеру, он не знает. У него я приобрела изгибной аркан и семифунтовый кристалл, который, исходя из пыльного его вида, стоял в лавке с момента ее основания, лекала получила у сапожника. А после совместила все три компонента, влив в аркан толику огненной силы под восторженное аханье модисток и горничных.

Хрустальные туфельки стояли теперь, дожидаясь своего часа, в ногах платяного манекена.

Примерка заняла три четверти часа. Она была последней. Завтра наряд упакуют и доставят на Голубую улицу, с ним придёт и платье Натали. Кузина выбрала себе салатный цвет, а подол велела украсить салатными же розочками. На мой вкус, выглядели зеленые розы точь-в-точь кочанчиками капусты. Но Наталья Наумовна настолько извела меня за прошедшие дни беседами о романах своих беспрецедентных, что я разрешила себе эту крошечную месть.

— Ах, Фима, — томно тянула она. — Какая это была страсть!

Я уже зачем-то знала, что слева от пупка его сиятельства есть родинка в форме полумесяца, а спать он предпочитает на животе.

Не пригодится! Пупок! Слово-то какое потешное!

— Ах, Фима, как счастлива могла бы я стать! Какое блаженство могла бы дарить этому человеку, оказавшемуся столь слабым и ничтожным...

Пупок!

Князем Кошкиным беседы не ограничивались, шкатулка была просмотрена до дыр, я уже, кажется, помнила назубок все имена-фамилии Натальиных кавалеров, все звания и даже прозвища. Рассказы ее в процессе несколько видоизменились. Кроме светлой грусти воспоминаний стали проскальзывать нотки мстительные. Наталья Наумовна, оказывается, обид не прощала. К примеру, господину Курицину, тому самому, с залысинами, она расстроила свадьбу с молоденькой купчихой, встретившись с нею в антракте оперного спектакля и открыв глаза на ветреность избранника. Вскоре выяснилось, что ни один из поклонников кузины воздаяния не избежал. Кто-то в любви пострадал, кто-то в делах — Наталья Наумовна, искусница, и это умела.

Самое для меня ужасное заключалось в невозможности избавиться от общества Натали. Газеты будто с цепи сорвались, живописуя мои похождения, и Геля потребовала от меня затаиться. Последней каплей стала заметка в зловерном «Чижике-пыжике», в которой развязно сообщалось, что барышня А. была замечена в компании жениха барышни Б., в номере гостиницы, название которой сокращениями не скрыли.

Наталья Наумовна эту заметку тщательно в мой альбом наклеила и зловеще ее черными чернилами обвела. А после, пользуясь моим невольным заточением, принялась тянуть жилы амурными воспоминаниями. Не прощала она обид. До того меня довела, что свидания с князем я ждала с нетерпением.

Как же не хотелось мне возвращаться на Голубую улицу! Я бы велела кучеру ехать самой длинной дорогой, но горничных требовалось отпустить с поручениями. Агенты уже подыскали мне дом в столице, даже предложив несколько вариантов, и я хотела, чтоб Марты нынче же осмотрели предложенное.

Натали вышивала в гостиной. Подняв голову от пялец при моем появлении, она кивнула на свободное кресло:

— Как прошла примерка?

— Чудесно! Я поднимусь к себе, Маняшу проведаю.

— Оставь, — сказала кузина с нажимом. — Я навещала ее недавно, и получаса не прошло. И, Фимочка, не в обиду, мне отчего-то кажется, что твое общество на Марию Анисьевну не лучшим образом действует.

«Конечно, не лучшим, — могла бы я сказать, — примерно как навское зелье на твоего покойного брата действовало. Все время ей, притворщице, все больше и больше моей силы хочется. Силы-то мне не жаль, я лишь, памятуя предупреждения Ивана, опасаясь Маняшино тело повредить».

— Неужели? — удивилась я фальшиво, устраиваясь в предложенное кресло. — Ну раз ты так считаешь, поберегу я ее, пожалуй. Или, может, лучше Маняшу подальше от меня переселить? Марты в ее комнату переедут, а она на первом этаже расположится?

— Маняша слаба и не сможет здесь мне помочь. Я вот о чем с тобою поговорить хочу, Фимочка...

И в словах простых и строгих Наталья Наумовна сообщила мне, что моя дружба с сыскной чиновницей ее печалит, что участвовать в развлечениях с князем Кошкиным должна вовсе не эта простолюдника, а аристократичная моя родственница.

— Как возможно, Наташенька? — всплеснула я руками. — После того ужаса, которому тебя Анатолий подверг, я не смею тебя даже просить находиться в его обществе!

Тут выяснилось, что ужас был не столь уж ужасным, что прошлое осталось в прошлом и что она, Наталья Наумовна, зла на князя не держит.

Я осторожно поинтересовалась, почему и какого рода воздаяние остудило девичий гнев.

Натали возразила, что добра, аки лань кроткая. Но любопытство мое уже пробудилось, поэтому, не сказав ни «да» ни «нет», оставив тем самым ей надежду, я продолжила расспросы.

Кузина принялась что-то лепетать невнятное. Чтоб подстегнуть ее красноречие, я потянулась к шкатулке, но скатерть скользнула, ларец упал со стола, крышка хрустнула, слетела с петелек и разломалась.

— Прости! — присела я собирать реликвии. — Завтра же новый тебе у столяров закажу, видела на главной улице мастерскую.

Мои оправдания прервал звонок телефонного аппарата, и Натали отправилась к нему, оставив меня прибираться.

Меж шелковой обивкой и дощечкой крышки лежала еще одна карточка. Мужчина был высоким и очень худым, он стоял, глядя прямо в объектив, слегка опираясь на трость. Я смотрела на него, пытаюсь понять, где могла его видеть, а когда слышала шаги возвращающейся ко мне кузины, спрятала карточку за широкую ленту пояса.

— Павел Андреевич телефонирует, — сказала Натали. — Через четверть часа он заедет за нами.

— Мы ведь на восемь уговаривались! На вечер.

— Обстоятельства изменились.

— Я горничных отпустила! Даже платье сменить не смогу.

— В этом поедешь. Княгиня слаба совсем, его сиятельство опасается, что вечером принять тебя она не сможет.

— А Гаврюша?

— Он дома останется. — Кузина была непреклонна. — Хоть малость уважения к княгине Кошкиной проявить ты обязана.

— Что ж, — возражений достойных в голову не приходило, — тогда мне надобно его успокоить перед отъездом.

Взбежав дробно на второй этаж, не бросилась я вовсе к дремлющему на кровати коту, а выдвинула ящик с писчими принадлежностями. Уж не знаю, что за срочная надобность, но предупредить нужно Евангелину Романовну. На скрип пера по бумаге наложился другой скрип — дверной. Из смежной комнаты вышла нянька.

— Кому строчишь?

Я смотрела на нее с ужасом. Фальшивая Маняша была облачена в шелковое черное платье самого барского фасона, на непокрытой голове высилась башенка прихотливой прически, запястья украшали браслеты, грудь — камей на атласной ленте. Навья перестала притворяться — тревожный сигнал.

— Куда собралась? — Я сложила записку.

— Барышень сопровождать. Вишь, как вырядилась?

Она покрутилась, будто чтоб я наряд ее сызнала рассмотрела.

— Чудесно! — кисло одобрила я. — А позволь мне лоб твой потрогать? Жар-то спал?

— В порядке все, — отпрыгнула нянька.

Снизу раздался дверной звонок и звук распахивающихся дверей.

— Гаврюша, — сказала я строго, — просыпайся, разбойник.

— Куда? — «Маняша» растопырила руки. — Не велено монстру с собою брать.

— Что ж я, совсем без политесных понятий? Выпущу его, пусть погуляет до моего возвращения.

— Долго же ему мерзнуть придется, — гнусно хихикнула нянька.

Сей смех я проигнорировала, хотя табун мурашек проскакал по позвоночнику.

— Фимочка! — позвала кузина снизу. — Мария Анисьевна!

— Ступай, — махнула я рукой. — Выпущу Гавра, поспешу следом.

— Только после барыни.

Ну что ж... Я почесала кота за ушком. Предупредить Евангелину Романовну не получится. Ну и ладно, сама справлюсь.

Распахнув балконную дверь, шлепнула котейку по мохнатому крупу.

— Гулять!

— Даже записку с ним передать не попыталась? — удивилась нянька.

— Ты, милая, видно, меж котами и почтовыми голубями разницы не уловила?

Я показала ей на ладошке скомканную записку, подожгла ее и сдула с пальцев пепел. Вот так! Знай, есть у меня супротив вашей шайки силы.

Ребячество, конечно, но мне как-то поуверенней, что ли, стало.

Ротмистр Сухов щелкнул каблуками при нашем появлении, а «Маняшу» прожег недовольным взглядом.

— Ах, какое волнение! — Натали щебетала, пока адъютант помогал мне одеться. — Столь ответственный визит!

В зеркало я видела, что ротмистр с навью многозначительно переглядываются.

— А Бобынина с нами зачем? — будто бы спрашивал мужчина.

— А что я, по-твоему, должна была ей сказать?

Примерно так расшифровала этот безмолвный диалог.

Мы уселись в запряженные тройкой сани, Натали рядом со мной, нянька напротив, спиной к вознице, тронулись.

— Ах, как все быстро происходит! — щебетала кузина. — Невероятно, нечеловечески, волшебнo быстро.

«Маняша» крикнула, будто упреждая. Наталья Наумовна этого не заметила, продолжая восторги:

— Иван локти кусать будет, когда...

— Закутайтесь, барыня. — Нянька наклонилась, запахивая воротник кузиной шубки. — Мороз!

Помолчали, полюбовались на проносящиеся мимо дома и лавки.

Мне было страшно. Днем, на людной улице мне было страшно просто до обморока. Я не понимала толком, куда и зачем меня везут. А еще тревожило, что прочие о цели визита, кажется, знали больше моего.

У ворот резиденции стояли караульные, и еще один отряд у подъезда, к которому привела нас расчищенная от снега дорожка.

— Корсарка моя! — Анатолий был с непокрытой головой, но в гусарском мундире и даже с саблей на

боку. — Серафима Карповна.

— Здорова ли ее сиятельство? — спросила я кротко. — Может, визит мой не ко времени?

— Она мечтает с вами побеседовать, — заверил меня князь.

Кузина зашебетала приветствия, но князь едва на нее взглянул. Челядинцев было много, даже слишком, на мой скромный взгляд. Лакеи в напудренных париках, девицы с кружевными наколками в прическах, военные, штатские, всякие. Подумалось, что мое скромное дневное платьице обстановке княжих хором не соответствует, но внимание, коим одаривал мою будничную персону его сиятельство, мысль эту изгнало.

— Обождите, моя огненная Серафима, — сказал князь, когда нас сопроводили в нарядную гостиную, мебель в которой была обтянута голубым атласом, а по мраморным стенам змеилась позолота. — Я предупрежу бабушку.

— Ах, Фимочка, — пальчики кузины пробежались по краю резной столешницы, — какое великолепиие!

Лакей, стоящий в дверях, смотрел на Наталью Наумовну с едва скрываемым неодобрением. А няньку нашу, кажется, ничто восхитить здесь не могло. Она уселась в ближайшее голубое кресло и замерла.

Анатолий вернулся быстро:

— Серафима Карповна, княгиня желает видеть только вас.

Сам он тоже сопровождать меня не стал. Я прошла за лакеем, миновала две или три смежных комнаты и вошла в большие белоснежные двери, которые с мягким стуком закрылись за моей спиной.

Это была спальня, огромная и полутемная. Дневной свет скрадывали плотные оконные гардины, шаги заглушал густой ворсистый ковер. В нос ударил запах болезни и старости, который не мог скрыть даже чад ароматических свечей, густо расставленных на всех горизонтальных поверхностях. В огромной кровати под балдахином лежала старушка, по самый подбородок накрытая атласным одеялом. Из этого постельного сугроба торчала лишь голова в чепце с лентами.

Дойдя до центра ковра, я присела в реверансе.

— Купчиха? — спросила старушка неожиданно густым басом. — Абызова?

— К услугам вашим.

— Распрямись!

Я послушалась.

— Мелкая какая!

Очень политесно! И что мне на это отвечать прикажете?

— Сюда иди, — велела княгиня, избавив тем самым от раздумий. — Рядом сядь да морщиться не смей!

— Как можно, ваше сиятельство, — пролепетала я, преодолевая ступеньки к ложу.

— Чародейка? — Схватив за руку с неожиданной силой, старушка усадила меня на край постели. — Какая из стихий?

— Огонь.

— Разочаровалась я в вашем брате.

— Нет у меня братьев, ваше сиятельство, одна я у батюшки.

— Конечно, одна, — хохотнула старуха. — Будь у Абызова детишек поболее, делиться бы капиталами пришлось, а тогда бы ты этот куш у судьбы не сорвала. Я Анатолия подразумеваю.

— Я поняла, — кротко кивнула я. — Но предпочитаю считать, что его сиятельство мои душевные качества привлекли.

— Ну да, ну да, именно они. — Руки моей она не отпустила, тонкими паучьими пальцами гладила ладонь. — Любой мужик, на эдакую штучку глядячи, первым делом о ее душевных качествах

подумает.

Ладонь кольнуло, я ахнула, попыталась отдернуть руку.

— Отвечай как на духу. Любишь его или на титул позарилась?

Боль ушла, но что-то в мякоти ладони осталось, я ощущала это как занозу.

— Не люблю... — Пришлось закусить губы, чтоб не дать сорваться с них словам, но это не помогло. — И на титул уже не претендую. Могла бы сделать так, чтоб внука вашего более не видеть, сделала бы с превеликим удовольствием.

— Уже? Стало быть, зарилась?

— Вы меня чарами пользуете?

— Не отвлекайся! Не поможет время протянуть. Так что?

— Зарилась, — ответила я честно. — Меня подлые люди научили, что через аффирмацию можно силу свою изгнать, а я, по глупости, очень этого тогда желала.

И я, путаясь в бесконечных «ваше сиятельство» выложила старой княгине всю свою подноготную.

— Понятно, — сказала та, отпуская мою руку. — Значит, теперь тебя Брют за жабры ухватил.

С ужасом поглядела я на свою истерзанную ладонь, из глубоких проколов на ней сочилась зеленоватая субстанция.

— Вытрись, — велела княгиня. — Графин вон возьми, на столике, да мокрой тряпицей почисти.

— Это яд?

Слизь оттиралась обычной водой, оставляя глубокие, будто от булавки, проколы.

— Буду я на тебя, девчонку, еще яд тратить. Так, колдовство мелкое, немощным старушкам в помощь. Мой, Серафима, покойный супруг канцлером берендийским был, много разных штучек после него осталось. Сильнейшие мира сего не могут лишь на штыки полагаться, особенно когда в империи столько вашего брата развелось. Ну чего разнюнилась? Царапину зарастить не можешь?

— Я, ваше сиятельство, огнем призвана, не по лекарской части.

— Глупости, — сказала княгиня по-французски. — Первоэлемент указывает лишь на источник силы, а не на приложение оной. Скорее ты, мадемуазель, неуч.

На правду я не обиделась.

— А теперешний канцлер тоже разных штучек в своем распоряжении имеет преизрядно?

— Хорошее произношение. Выговор арадский?

— В тамошнем пансионе обучалась, к сожалению, не чародейству.

— Это и понятно. Женщины в этом мире редко одаряемы силами, потому и учить их не берутся. А на вопрос свой ответ и сама знаешь. Его высокопревосходительство обладает всеми возможностями любому чародею противостоять, а уж темпераментная недоучка ему вообще не соперник.

Она бросила быстрый взгляд мне за спину и перешла на берендийский:

— Анатолий, внучок мой драгоценный.

Обернувшись, я узрела сквозь клубы чадных ароматов фигуру князя Кошкина.

— Вы не утомились, гранд-мама?

— Утомилась. — Старушка откинулась на подушки. — Отпущу, пожалуй, твою суженую. Эх, молодо-зелено, не все вам при развалине древней сидеть, вам и поворковать охота. Про невесту твою одно скажу: хорошая девочка, чистая. По нраву она мне пришлась. Знаешь что, внучок, подарок я ей сделать желаю. Подойди к шкафчику да подай мне серебряную шкатулку.

Князь на цыпочках пересек комнату, скрипнул дверцами и поднес к кровати ларец. Княгиня открыла шкатулку крошечным ключом, который висел у нее на шее, и достала оттуда хрупкий, свернутый в трубочку лист.

— Это береста, милая Серафима, на ней начертана аффирмация сего отрока.

Отрок на «отрока» поморщился, но почтительно вытянул шею, рассматривая документ.

— И с этой минуты, Серафима Карповна, я вручаю вам судьбу и будущность моего внука Анатолия Ефремовича Кошкина.

Я молчала, не зная, что ответить, на ощупь береста была гладкой и скользкой.

— Гранд-мама, — сказал Анатолий со слезами в голосе, — я и Серафима, мы оба благодарим вас за сей драгоценный дар, за доверие, коим вы удостоили наш союз, за ваше благословение...

Он запнулся, будто не в силах справиться с чувствами.

— Ступайте, дети, — прошелестела княгиня. — С Богом.

Жаль, что в комплекте с аффирмацией шкатулка не шла, неудобство хрустящего подарка я ощутила, оказавшись за дверью спальни.

— Желаете сохранить фамильный артефакт у себя? — спросила я князя.

— Как залог нашей любви?

Мы шли по коридору, и чтоб схватить меня за руку, ему не пришлось даже придвигаться.

— Хотя бы наедине оставьте притворство!

— Я искренен с вами, Серафима. Что бы ни мешало нам в прошлом, поверьте...

Избежать объятий с последующим лобзанием, мне помогла берестяная грамотка. Она хрустнула, я взвизгнула, лакей, шедший шагах в пяти, обернулся на звук, князь, приняв невинный вид, улыбнулся и прошептал:

— Моя будешь, шелковая, покорная... Скоро...

Уж не знаю, чего ожидала Наталья Наумовна, но, когда я, вернувшись в голубую гостиную, сообщила, что желаю немедленно отправиться домой, личико ее выразило удивленное раздражение. Князь же изъявил мне благодарность за визит и откладывать его окончание не стал.

Обратная дорога прошла в молчании. Нянька, не помогая никому раздеться, ушла к себе.

— Что ж, прикажете ужин готовить? — спросила Акулина, появляясь из кухни.

— Готовь, — всхлипнула кузина, бросая шубу на пол.

— Барышня!

— Барыня!

Сбежавшие на первый этаж горничные, приняли мою одежду, подняли и отряхнули кузиныны меха.

— Неплохо бы вздремнуть, — сообщила я в пространство.

Аффирмацию я положила в ящик комода и легла на постель. Навья шурудела в своей комнате, будто что-то переставляя.

Марты присели у меня в ногах и принялись отчитываться. Домов осмотрели всего три, но первые два находятся в черте города, зато последний — на той самой Цветочной улице, на которой обитает Евангелина Романовна, только в самом конце, понравился им чрезвычайно. Особняк в два этажа, большой сад, пруд, который зимою переоборудовался в каток, а летом мог использоваться как для лодочных прогулок, так и для купаний.

— Вам бы самой, барышня, посмотреть.

— Ремонт требуется, крыша протекает, да и полы на втором этаже менять придется.

— Там последний год не жил никто.

— Разруха и запустение.

— Ну мы это агенту говорили, чтоб, значит, цену сбить...

— Посмотрю, — пообещала я.

Они еще успели посетить столярную мастерскую, где выяснили расценки на паркетный набор, и узнать адрес кровельщика, который работал с черепицей. Кажется, мои служанки решение уже приняли и будут меня к нему же подталкивать.

— Посмотрю...

Я, видимо, задремала, потому что, когда открыла глаза, рядом сидела уже «Маняша». Она держала меня за руки:

— Снилось что-нибудь, дитяtko?

Я пустила с кончиков пальцев силу:

— Ничего.

— Может, давай вместе попробуем, как раньше?

Она попыталась пристроиться на мою подушку, ее шпильки оцарапали мне щеку. Я вскрикнула, рассыпав на одеяло ворох искр.

— Барышня Попович пожаловала. — Стоящая на пороге Марта-толстушка, рассмотрев подпалины, всплеснула руками. — Сейчас все приборем, Серафима Карповна.

Оставив служанок прибираться, я спустилась к подруге.

— Безобразничаешь? — спросила Геля, чмокнув меня в щеку.

— От советов отбиваюсь.

— От плохих или от хороших?

Пожав плечами, я вдруг подумала, что нельзя пренебрегать советом плохого человека только от того, что совет исходит от него. Потому что совет как раз может быть хорошим.

— У меня, представь, свободный вечер образовался, — пригласила я Евангелину в гостиную. — Визит к гранд-мамуле пришлось на пораньше перенести.

К счастью, кухня была у себя, так что комната оказалась в нашем полном распоряжении.

— И как тебе показалась княгиня Кошкина?

— Старая, как горы, и такая же непостижимая.

Пересказывая подробности нашей беседы, я улыбалась.

— Это у них семейное, аффирмациями разбрасываться? — задумчиво пробормотала Геля, а потом прижала ладонь к груди. — Эльдар.

— Он тебя вызывает?

— Ты не чувствуешь? Где твой оберег?

— Потеряла.

Вспомнив, при каких обстоятельствах лишилась мамаевской подвески-звездочки, я отчаянно покраснела.

— Мне надо идти, — засобиралась чиновница. — Прости, служба.

— С тобой отправлюсь, вдруг твой начальник и меня зовет.

Геля не возражала. Быстро одевшись, мы выскользнули из дома, успев предупредить горничных. Гаврюша выпрыгнул из-за кустов, не успели мы отойти от ворот.

— Разбойник.

— Не отсылай его, будет тебе охранник, если Эльдар Давидович прогонит, а я проводить не смогу.

— Ав-р...

Кот взлетел, теряясь в затянутом тучами вечернем небе. Геля шла быстро, как будто видела перед глазами неразличимую для прочих путеводную нить.

— Может, на извозчике? — споткнувшись и чуть не упав, спросила я.

— Пожалуй.

Вознице было велено ехать прямо, через некоторое время Геля сказала:

— Поворачивай налево.

Приличный квартал закончился, коляска подпрыгивала на рытвинах узких трущобных улочек.

— Здесь сойдем. — Геля заплатила, взяла меня под руку. — Ни на шаг не отходи, опасное место.

С нами возжелал познакомиться местный забулдыга, испугаться я не успела, надворная советница отправила кавалера в недолгий полет, закончившийся в сугробе.

— Геля! — Из низкого подвального входа в кабак поднялся Эльдар Давидович в обличье мастерового, в картузе на голове. — Зачем ты Серафиму притащила?

— Добрый вечер, дражайший господин Мамаев, — карамельно молвила я. — И я невероятно рада вас видеть.

Чародей посмотрел на меня с укором:

— Тебе игрушки, а нам с Попович теперь придется еще на твою безопасность отвлекаться.

— Так не отвлекайся, — разрешила я. — А еще силу огненную черпай, если до драки дойдет. Я к твоим услугам.

Эльдар вздохнул:

— Иди сюда, блаженная. — Он достал из кармана цепочку, застегнул ее на моей шее и опустил за воротник подвес — ку-звездочку.

Покраснела я так, что, наверное, осветила ланитами всю улицу. Он знает про меня и Ивана! Знает, что мы делали. Стыдобушка!

Мамаев моих терзаний не заметил. Он уже обернулся к Геле:

— Никого из приказных звать нельзя, самим справляться придется.

— Сколько их?

Я слушала их разговор, ничего не понимая.

— В том-то и дело, что семеро или вообще десяток. Я хотел дождаться, пока он на двор выйдет, но меня здесь уже срисовали, боюсь, упредят. Если он выскользнет, здесь искать его до морковкина заговенья будем.

— Идем внутрь?

— Выхода три. Этот, черный ход через двор и лаз. В идеале надо все три перекрыть да шугануть, чтоб они наружу посыпали.

— Кого ловим? — спросила я быстро. — Нас трое, по одному на каждый выход. Укажите место и кого ловить.

— Умница, — сказал Эльдар. — Ты тогда здесь стой, я шугану... Геля, во двор.

Он повернулся бежать, но я ухватила его за рукав:

— Как я его узнаю?

— Да Пьер это, лакей бобынинский.

Чародей растворился в сумраке. Через несколько минут громынуло, звякнули стекла в тех окнах, где они еще были, подвальная дверь слетела с петель и на улицу выскочил детина, сбивающий пламя с рукава рубахи.

Я отступила в тень, мужик был мне незнаком. На улицу выползал, набухая, хвост дыма.

— Экую фифу в наши края занесло, — воскликнул погорелец, закончив тушить рукав. — Не меня ждешь, милая?

— Не тебя.

Вдалеке заорали, треснуло дерево, а может, чья-то кость.

— А вот он я!

Мужик прыгнул, от неожиданности я ойкнула.

— Испужалась?

На ступеньках в дыму кто-то кашлял, поэтому, присев, я засеменила на звук, пытаюсь рассмотреть человека.

— Врешь, не уйдешь, — приставала тоже присел.

От дыма слезились глаза, за спиной слышалось кряхтение, сменившееся рычанием и повизгиванием.

— Ветер подними, разбойник, — попросила я.

И Гавр, распахнув крылья, разогнал по закоулочкам смрадное облако.

Распростертое на земле тело было мужским, но настолько закопченным, что опознанию не поддавалось. Опустившись на четвереньки, я перевернула его на спину и, зачерпнув пригоршню снега, принялась оттирать лицо.

— Христом-Богом, госпожа чародейка... — скулил первый погорелец.

Второй же захрипел и принялся плевать снегом, случайно попавшим ему в рог. Тем временем вокруг нас уже собиралась толпа. Я игнорировала ее, лишь посматривая на двери кабака, чтоб никого оттуда не пропустить.

— Не убивайте, госпожа чародейка! — надрывался детина.

— Кишки ему выпустите, — предложили из толпы. — И горгулья ваша тоже пусть не стесняется.

— Авр-р?..

Я стала тереть активнее, прижав коленом живот второго погорельца, чтоб не трепыхался.

— Обряд, стал быть, — сказал кто-то знающий. — Сейчас натрет его до блеска, заклинанием зафарширует и горгулье скормит. Бабы, они свирепые, особенно когда чародейки.

— Милая-а! — Громкий пьяный возглас перекрыл разговоры. — Не там ищешь! Обозналась. Вот он я, живой-здоровый!

Эльдар, покачиваясь, расталкивал толпу:

— Женка моя. Ревнивая — страсть. Каждый вечер по кабакам меня ищет.

— Горгулья у ней!

— Какая еще гогулья? — подхватил Мамаев рычащую собачечку. — Песик это ейный, Гаврюшечка, салонной породы. Вам почудилось, люди добрые. У Мартына в кабаке котел с зельем дурманным рванул, вот вы того дурманища и нанюхались. Женка! Ходь сюды!

Я поднялась на ноги.

— Ты его поколоти, — посоветовал кто-то. — Сковородой по хребтине али ухватом. А то, злыдень, повадился такую ладную молодку на зелено вино менять.

— Не буду! — Эльдар обнял меня за талию. — Никогда ее впредь не покину.

Он положил голову мне на плечо:

— Взяли сокола, Геля его уже в приказ потащила.

Мнения толпы меж тем разделились. Часть собравшихся выступала за экзекуцию, причем немедленную, но другая половина, в основном женская, предлагала решить дело поцелуями.

Я отвесила Мамаеву затрещину:

— Чтоб неповадно.

А он, выпустив Гаврюшу, обнял меня и с громким чмоком поцеловал в губы.

— У-у-у, — донеслось, будто издалека, разочарованное мужское и умиленное женское.

Потом нам покричали горько и считали, сколько длился поцелуй, а потом я поняла, что толпа разошлась, погорельцы уковыляли.

Мамаев отодвинулся, придерживая меня за плечи, в глазах его прыгали хитрые искорки:

— Ну что, домой тебя отвезти или в допросе желаешь участвовать?

— Допрос, — сказала я азартно. — Только Гаврюшу обратно преврати.

— Ав-р...

— Слишком ты приметный, дружище, — подхватил собачечку на руки чародей. — Я бы погодил.

— Ав-р!

— Ну давай, сам обернешься, когда совсем уж необходимость возникнет?

— В смысле? — перебила я этот странный диалог. — То есть ты меня этому фокусу не обучишь, оставив возможность перевоплощения этому разбойнику?

— Вот такой я тиран. — Эльдар предложил мне локоть. — Поспешим, Серафима Карповна, допрос не месть, его горячим подают.

Возражать смысла не имело, тем более что за поворотом нас поджидала коляска, в которую усадили меня с Гаврюшей, Мамаев занял место возницы.

В чародейском приказе раньше бывать мне не приходилось. Мимо ходила и проезжала, а когда Эльдар провел меня мимо дежурного в полутемный подвал, то узнала топчан и решетчатую стену, которую видела, когда на Руяне Зорин связывался с коллегами магическим образом.

В конце подвального коридора была дверь, за которой в небольшой комнатке за письменным столом ожидала нас Евангелина Романовна Попович. Перед чиновницей урчал портативный самописец, а на стуле в углу сидел, закинув ногу на ногу лакей Пьер.

То есть какое счастье, что он не через главный выход из кабака выбегал, я бы его не узнала. Куда только подевались его набриолиненная челка, усики стрелочками и подбритые бакенбарды? Стрижен он был коротко и выбрит, одет в добротный кафтан, штаны заправил в блестящие сапоги бутылками. Типичный берендийский купчик не средней, пониже, руки.

— Петр Иванов, кличка Барин, двадцати пяти лет, местный уроженец, — перечислила Геля то, что успела записать.

— Барин? — Эльдар выдвинул мне табурет, снял грязную, воняющую дымом шубу. — Стало быть, благородные жилища обчищал?

Я погладила Гаврюшу, уже свернувшегося у меня на коленях подремать.

Пьер сплюнул сквозь зубы:

— Нет у вас на меня ничего, сыскари.

— Мы и не обвиняем, — добродушно сказал Мамаев и присел на краешек стола. — Чем именно ты промышляешь, дело твое, не пойман — не вор.

— Ну как же не пойман? — неприятным голосом осведомилась Попович. — У Бобынина в номере крупная сумма была, а этот... Петр Иванов Бобынина ножиком пырнул и денежки присвоил.

— Не было этого!

— Ну как же не было? Коридорный, — Геля взглянула в бумаги, — Шемендюк показал, что поселялись вы с Бобыниным вместе, никуда не отлучались, только наутро Бобынина мертвым нашли, а тебя не нашли и денег тоже.

Пьер отпирался, Попович поджимала, мне стало скучно, Гаврюша уютно урчал на коленях, я зевнула, прислонилась спиной к стене.

— Нет у меня ножа, — бубнил арестант. — Вышел в лавку, вина прикупить, вернулся через три четверти часа, коридорного на месте не было, Бобынин мертвый лежит, саквояж с деньгами нет, я и сбежал от греха.

— С бутылками?

— Их оставил!

— Не было там полных бутылок. А сбег ты через окно, по пожарной лесенке, а саквояж на веревочке перед этим спустил.

— Нож тогда куда делся? А?

— Его зовут Ефим, — вдруг сказала я замогильным голосом, — подельника твоего. Вы втроем в номере развлекались. Ефим соседний снял, и вы его для компании пригласили. Вы играли в карты, долго, пили, еще что-то... Нюхали? Не вижу. Ты ушел за вином. Ты не убивал. Ты испугался очень. Ефим... Форма морская парадная, плохая, потешная, с чужого плеча, кортик... Они подрались. Ты пришел, когда все было кончено... Глупо. Как же глупо. Ты мог большего от Аркадия добиться, Ефим тебе все планы поломал. Ты оставил ему саквояж и сбежал, а тот спокойно наутро из гостиницы съехал.

— Где теперь подельник? — Быстрый мужской баритон спрашивает негромко, будто опасаясь спугнуть.

— Здесь. — Я кивнула некрасивому мужчине в парадной офицерской форме. — Зол на Петрушку очень, у грани ждет, чтоб поквитаться. Нет?

Я прислушалась, потом поправилась:

— Нет, он не того ждет, не мести, он хочет, чтоб тело земле предали по обряду, отойти без того не сможет. Что ж ты, ирод, даже прикопать его нормально не смог? Мало того что убил, как собаку мусором закидал поверху... На берегу... причал еще старый... две ивы... Он сейчас в лицо тебе смотрит.

— Нет!

Я дернула головой, стукнувшись затылком о стену.

Лакей Пьер бился в падучей, пытаюсь смахнуть с лица призрачные пальцы, которые даже я уже не видела.

— Попить бы, — попросила бледную Гелю.

— Давай, букашечка.

О зубы стукнулся металл фляги, и горло обожгло.

— Это ее остаточной магией накрыло, — бормотал Мамаев Геле. — Зорин убьет нас всех.

Чародей, оставив меня, склонился над арестантом, стал вливать в раскрытый рот коньяк.

— Авр-р? — собачечка зевнул сладко.

Младшие чины, появившиеся в допросной, выносили арестанта, тот обзывал меня ведьмою, а после принялся орать песню.

— Что это было? — спросила Евангелина Романовна.

— Я же объяснял: остаточная магия. Представь, сколько чар в этом подвале ежедневно твои коллеги творят, вот и пропитались стены.

Коньяк расплзлся в желудке горячей медузой, голова отяжелела.

— Ослабли запоры Артемидоровы, — пробормотала я хрипло. — Иначе никакие ваши, Эльдар, ошметки, видений бы не вызвали.

— Дашь посмотреть? — В голосе Мамаева звучал азарт. — Я запоры имею в виду.

— Ребятушки, — нежно сказала Геля, — а мое присутствие для ваших смотрин очень уж необходимо? Дела у меня образовались, в книгу постояльцев гостиничных взглянуть хочется, а она в кабинете, ну и сыскную команду к причалу организовать. Тебе призрак этот про то, где саквояж с деньгами, поведать не успел?

— Мертвым деньги неинтересны, — пожала я плечами.

— Оно и понятно. Можешь почившего Ефима заверить, что уже до рассвета... Ах нет, осмотр же еще! Завтра после полудня по обряду его сопроводим.

Попович говорила громко и будто бы не мне, а тому самому покойнику, а еще теребила нервно пуговицу на мундире, из чего я заключила, что надворная советница пребывает в панике.

— Как она с такими нервами в приказе служит? — спросила я Эльдара, когда за нею закрылась дверь.

— Перфектно! — ответил чародей. — Давай, девица, показывай.

— Авр-р?

— Погулять не хочешь? — Эльдар протянул собачечке печенье, достав из кармана.

Гулять Гаврюша не хотел, он и с коленей моих не сполз бы, если бы Мамаев не подхватил его под пузико и не поставил на пол. Гавр фыркнул, протопал к картузу, который валялся забытым у стены, и мгновенно в нем устроился.

— Показать не сложно. — Я улыбнулась, очень уж мило моя кракозябра в головном уборе смотрелась. — А вот сможешь ли ты увидеть, Эльдар Давидович?

— Не жеманься, — поторопил тот. — Не попробуем, не узнаем.

Я поднялась со стула, раскинула в стороны руки, закрыла глаза:

— Глади!

Поначалу он молчал, после забормотал что-то неприличное, что-де в одежде эдакие штуки затруднительны, а вот ежели бы барышня Абызова разоблачиться согласилась... Окончание тирады перебил пронзительный присвист:

— Невероятно! Немыслимо! Не шевелись, не дыши даже! Это не аркан, не рунное плетение... Твой Артемидор вообще человек?

— На что это похоже? — Глаз я не открывала.

— На кирасу, — ответил он неуверенно, — только не внешнюю, а внутреннюю, будто сначала доспех, а поверху тело. Ты сама видеть не можешь?

— Могла бы, не спрашивала. Повреждения ищи.

Он молчал довольно долго.

— Просветы вижу, и борозды, навроде царапин, только они не там, где просветы. Есть идеи, кто скреб?

— Навья моя приближенная, — ответила я. — Некому больше. Она желает запоры снять, только о причинах говорить мне не хочет.

— Когда?

— По ночам, когда Гавр гулять уходит. Иногда мне сквозь тьму слышится, что бормочет кто-то у постели.

— Ты, что ли, вовсе ее не боишься?

Я открыла глаза и встретила серьезный взгляд стоящего очень близко чародея.

— Нет. — Молчание стало многозначительным, воздух меж нами мерцал искорками силы. — Она несчастное существо, навья эта, ее не бояться, жалеть впору. Ей холодно, бедняжке, она к огню моему льнет, а он ее убивает. Была бы ее воля, она бы меня при себе до самой смерти грелкою держала, но не может.

— Почему?

— Потому. — Я отвернулась, прошла к столу и уселась на краешек, вытянув ноги перед собой. — Ты много о навах знаешь, Эльдар?

— Видимо, меньше твоего.

Я кивнула:

— Гнездами они живут, как осы. «Маняша» моя — просто рабочий солдатик, исполняет, что велено.

Мамаев опустил на стул, который прежде занимала я:

— Откуда ты это знаешь, Серафима? Или сновидцы могут в Навь проникнуть, туда, где нога человека не ступала прежде?

— Отчего же не ступала? Неужто не хаживали люди за Мокшанские болота и не возвращались даже?

— Ты ушла от ответа!

— Потому что он не важен, — сказала я горячо. — А важно другое: как нам осиное гнездо разорить, то, которое прямо в столице завелось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в коей приличное общество собирается встретить Новогодье

Знать свое мѣсто — вотъ что трудно! Что вышло бы, если бы служащій не признавалъ бы главенства своего начальника, солдатъ — офицера, ребенокъ — родителей? Пусть каждый займетъ свое мѣсто, и общественныя отношенія перестанутъ запутываться и портиться завистью, ревностью, тщеславіемъ и самолюбіемъ.

Тридцать первого груденя чародейскій приказъ работалъ въ обычномъ своемъ режимѣ. Эльдаръ Давидовичъ полюбовался стопкой закрытыхъ делъ:

— Хорошо годъ закончили, Гелюшка, начальство насъ всенепременно хвалить будетъ.

— Это самое начальство скоро возвращаться собирается? — спросила Поповичъ съ грустью. — А то засели на своемъ Руяне, даже весточки никакой не прислали.

— Не больше твоего знаю, — сказалъ Мамаевъ съ хитрецей, отчего собеседнице стало понятно, что весточки у него имелись. — Скоро.

Онъ отодвинулся вместе съ кресломъ и, поднявшись, подошелъ къ окну:

— Новогодье... Славный какой праздникъ. Къ Бобынинымъ встречать пойдешь?

— Конечно. Не хватало еще Серафиму гиенамъ этимъ на растерзаніе бросить.

— Такъ ужъ гиенамъ?

— Вотъ объясни мнѣ, Мамаевъ, Наталья Наумовна — гадкая лживая особа, отчего Серафима разобратъся съ нею по-простому не желаетъ, отчего лебезитъ и заискиваетъ?

— По-родственному. Институтъ семьи въ нашемъ съ тобой, Евангелина, отечестве на всепрощеніи и взаимной поддержкѣ строится, и рушить его не смей.

— Взаимной! — Геля подняла вверхъ пальчикъ. — Здѣсь же у насъ поддержка въ одну сторону происходитъ.

Что на это ответить, чародей не зналъ, посему пожалъ плечами и отвернулся къ окну.

— Непокойно у меня на сердцѣ, — Поповичъ тоже подошла и уперлась локтями въ высокій подоконникъ.

— Кончится все скоро, — утѣшилъ девушку Эльдаръ. — Выкуримъ нашихъ осъ навскихъ, сызнова въ рутину погрузимся. Вотъ Семенъ съ Иваномъ вернутся...

— Ты ничего не боишься?

— Кроме того, чтобъ чей-нибудь не тотъ сиятельный хвостъ прижать? Ничего. Эхъ, не потеряй я Бобынина столь нелепымъ образомъ, сейчасъ ниточка какъ разъ до самыхъ верховъ меня привела. Теперь вместе придется навалиться.

— В силахъ своихъ уверенъ?

— Конечно, букашечка, ты себе немножко нашихъ съ ребятами силъ не представляешь!

— Перфектно! — Геля оттолкнулась отъ подоконника. — И ты, и Семенъ, и Серафима, вы все только на свое чародейство рассчитываете. Кто супротивъ насъ можетъ? Эта дурища каждую ночь пить себя навѣе позволяетъ, ей, дурище, не жалко! Ты арканы по пятьсотъ разъ на дню раскладываешь, чтобъ половчее ихъ въ бою доставать. Чемъ тамъ Крестовскій съ Зоринымъ занимаются, я даже представить не берусь.

— Обида тебя гложетъ, — грустно сказалъ Мамаевъ. — Потому что сама не чародейка и въ нашихъ...

— Это не обида! — Геля топнула ногой. — И не завидно мнѣ нисколечко, мнѣ бы просто дела распутывать, преступниковъ арестовывать довольно было бы.

— Ну такъ и шла бы въ разбойный приказъ служить.

— Можетъ, и пойду! Не об этомъ сейчасъ. Глаза вамъ ваша сила заститъ, слишкомъ вы на нее полагаетесь.

— Не только на нее, еще на сборъ информации.

— Знаю я, у кого ты ее собираешь, — Геля многозначительно постучала себя по кончику носа, — каждое утро мускус источаешь, круги вон под глазами от недосыпа.

— Самое время, букашечка, вспомнить, что ты барышня, — строго сказал Мамаев.

— А давай лучше забудем, давай только сыскную мою ипостась в расчет принимать. Кому ты по ночам огонь свой пить позволяешь? Информатору? Тебе тоже не жалко?

— В отличие от нашей с тобою подруги я благотворительностью не занимаюсь, отдачу получаю сполна. — Эльдар смущенно хмыкнул, осознав двусмысленность фразы. — Все, что от тебя требуется, компанию барышне Абызовой составлять в ее с князем многофигурном флирте. Прочее оставь тем, кто под это дело заточен.

— Я Юлию Францевичу вас сдам, — вдруг сказала Геля. — Сей же час в тайный приказ отправлюсь да про все доложу: и про гнезда осиные, и про князя, которым навь управляют, и про возможность перемены тел.

— Думаешь, он про это не знает? — Мамаев посмотрел на девушку с жалостью. — Сколько сотен лет уже бок о бок с Навью живем, и воюем, и миримся, и даже посольство их государево принимаем, а всесильный канцлер не у дел?

Он вернулся к своему столу и сел, будто приступая к работе с документами.

— Просто его высокопревосходительство на что-то может закрыть глаза, а на другое не желает. Это конкретное гнездо он нам на разорение отдал. Справимся — молодцы, нет — нас не жалко. Думаешь, это случайность, что именно нас на Руян с заданием отправили?

— А как же миллионщик Абызов и его супротив империи заговор?

— Понимаешь, букашечка, хорошая интрига, она как капустный кочан: пока до кочерыжки доберешься, с десятков листов снять придется, и листы-то тоже ничего, есть можно, особенно квашеные, но самое вкусное — именно кочерыжка.

— И что же в самой середине кроется? Серафима?

— Она, конечно, листик лакомый. Великую чародейку Берендия получила, ее как раз разменной пешкой никто ставить не собирается.

— Так отчего ее в самое гнездо отправили?

— Переверни ситуацию. Это не ее отправили, а гнездо разоряют, потому что они на государеву сновидицу покусились. Зачем она навам понадобилась, вопрос отдельный. Уверен, барышня Абызова с нами всеми своими знаниями не делится, хоть и эффектно ворохом секретных сведений нас снабдила.

— Нашел интриганку.

— Не я, Геля, к сожалению, не я... — Мамаев вздохнул, но быстро вернул лицу обычное веселое выражение. — Своя у Серафимы Карповны игра, она в лепешку расшибется, но няньку свою от лихих людишек спасет, а после... Я бы мог сказать, что после полюбуюсь, как дело обернется, но опасаясь, что сам где-то в центре бури в результате окажусь.

— Не желает нянька спасения, — сказала Геля смущенно. — Я нынче утром у церкви ее подкараулила, да и спросила прямо.

— А она?

— Любит она его и оставлять не желает.

— Кого?

— Старого пана, Савицкого этого, Сигизмунд который, леший его дери, Кшиштович. Пользует его, лечит в меру сил, смерть отгоняет. Желая, говорит, покоя, чтоб оставили их без внимания и позволили из столицы уехать. Я ей: «Серафима страдает в разлуке». А она: «Пострадает да бросит, не до меня ей будет, барышне Абызовой новая жизнь открывается».

— Экая внезапная страсть.

— Да какая страсть с развалиной... то есть со старцем! Любовь это, Эльдар, верная и жертвенная. Поэтому и ходит ежеутренне к святому Демьяну, у мужа покойного прощения да благословения испрашивать. И не внезапная нисколько, больше четырех лет уже. Они во сне познакомились. Ну, ты знаешь, Серафима ей свои сны отдавала, а Маняша и пользовалась. Говорит, в том тонком мире

поначалу мужа хотела повстречать, потому и искала его прилежно, но повстречался ей Сигизмунд. Подружились со старцем, он в поисках ей помогал. Маняша и не заметила, как дружба в нежность превратилась.

— А что за дела у пана Сигизмунда с Кошкиным?

— Про это она рассказывать отказалась, а с ним вообще говорить запретила. Только просила препятствий в отъезде им не чинить.

— Когда отбудут?

— Первого числа, то есть завтра.

— Куда?

— Из империи подальше. Старцу солнышко да тепло показано.

— Экий прыткий старикан. — Мамаев даже поцокал языком. — И солнышко ему, и девицу-молодицу, ведьму при этом.

Порывшись в ящике стола, он достал фотографическую карточку.

— В молодости он, конечно, орлом смотрелся.

Геля взглянула:

— И Наталью Наумовну очаровать умудрился. Это же из ее запасов портрет?

— Именно. Мне его Серафима в тот день, когда мы Петра Иванова раскололи, отдала.

— Раскололи! Сеанс спиритизма в приказе устроили.

— Недовольство вашего, Евангелина Романовна, тона мы спишем на вашу чародейскую несостоятельность. А также упомянем нелепую боязнь покойников.

— Не будем мы ее упоминать! Я борюсь, аки львица сражаюсь, на вскрытие вчера присутствовать напросилась.

— И четыре с половиной минуты лицезрела, после в обморок брякнулась, мне доложили. На четыре минуты свой предыдущий рекорд превзошла.

В дверь постучали, вошел нижний чин с перевязанным ленточками пакетом вошеной бумаги:

— Евангелине Романовне передали.

Геля поблагодарила и дождалась, пока служащий удалится.

— Спорим, это Серафима мне платье к вечеру прислала?

— Спорим! — Мамаев азартно зашуршал бумагой. — Ты проиграла.

Из вороха обертки показался плетеный ящик, наполненный яркими экзотическими фруктами.

— Надо же, и фиги есть!

— Это от Юлия Францевича нам фиги, — отбросила сопроводительную карточку Геля. — Подарок в канун Новогодья.

— Как символично. А давай ему в ответ тоже что-нибудь символичное пошлем?

— У нас, Мамаев, на достойный ответ ни денег, ни фантазии не хватит.

С этим чародей с неохотой согласился.

Гавр поднял лапку у фонарного столба и замер, будто совершая некое сакральное действие. Разбойник эти дни пребывал в облике собачечки и менять его решительно не собирался. На уговоры ворчал умильно и просился на ручки. Пришлось посылать Март в лавку за смешной собачьей сбруей, шерстяными попонками и даже крошечными ботиночками, без которых эта кривоногая нелепица могла запросто обморозить лапки.

Домашние единогласно решили, что Бубусик, так я мстительно обозвала эту Гаврову ипостась, подарок Гели, а пропажа огромного крылатого кота вообще никого не удивила. Ну улетел и улетел. Девица Фюллинг только спросила осторожно, но ответом: «Болтается где-то, нагуляется —

вернется», — полностью удовлетворилась.

Зато у меня появился повод выходить из дома. Бубусик жрал за семерых и совершать действия обратные желал регулярно. В прогулках нас сопровождала до отвращения бодрая «Маняша». Здоровье ее меня своим улучшением тревожило, я постоянно пыталась прикоснуться к ней, поделиться силой, иногда это получалось, но к привычным последствиям не приводило. Навья сменила гардероб, презрев вдовьи одеяния няньки, и теперь вышагивала рядом в пристойных высоких сапожках, подметая снег подолом шубы, в руке ее болталась корзинка, куда собачечка запрыгнул, утомявшись моционом.

Мы прогулялись бульваром, свернули к набережной. Традиционно подарки у нас вручаются на Рождество, но праздник Новогодья также требовал небольших презентов. Поэтому мы заходили во все попадающиеся по дороге лавки и скупали всякую приятную дребедень. Я купила несколько пар перчаток Геле, новый ларец кухне, вместительней и богаче прежнего, пудры и духов руянским девицам, няньке, слегка с намеком, чеканную грелку.

Остановившись перед витриной, в которой был выставлен мужской манекен, я кивнула:

— Сюда.

— Его сиятельству желаешь что-то подобрать? — скривилась «Маняша». — Или других кавалеров одаривать примешься?

Смутившись, я потащила ее в другую сторону, где за стеклом блестели боками оранжерейные цитрусы и бледно-зеленые груши. В лавке оказалось жарко и пахло так, что Бубусик расчихался.

— На улице обожди, — велела я няньке.

Та фыркнула, но приказ исполнила.

— Какая приятная встреча, — поклонился, сняв с головы цилиндр, Юлий Францевич Брют, стоящий у прилавка, — Серафима Карповна.

Вернув поклон и поздоровавшись, я с любопытством посмотрела на плетеный ящик, который, следуя указаниям канцлера, заполнял приказчик.

— Фиг побольше, голубчик, — хихикал будто над только ему понятной шуткой Брют, а потом понизил голос: — Говорят, ты с княгиней Кошкиной знакомство свела?

— Аудиенции удостоилась.

— И как она тебе?

— Не представляю, — осторожно начала я, — какого ответа вы от меня ждете.

— Именно такого, — подмигнул канцлер. — Твое мнение о ней волнует меня мало. Ты-то ей по нраву пришлась?

— Пожалуй, да.

— Интересно с чего? С твоим появлением у нее планы на династический брак с сопредельным правящим домом порушились.

— Ее сиятельство мне аффирмацию Анатоля подарила, — сказала я с обидой. — Это ли не свидетельство расположения?

— Или того, что это пустая бумажка? — хихикнул Брют и быстро спросил: — Чародею нормальному ты аффирмацию показывала? Настоящая?

Показывала? Да я эту бересту сама не рассматривала, как положила в ящик, так и не доставала.

Я смущенно покачала головой:

— Если это подделка, тогда смысл подарка мне непонятен.

— А если нет, понятен?

— Я, Юлий Францевич, — проговорила я с достоинством, — девушка простая, мне экивоки ваши тревожны и невразумительны.

Упаковка закончилась. Канцлер наклонился над столом, надписывая сопроводительную карточку, а разогнувшись, проворчал:

— Твоя незамутненность, конечно, мила и все такое, но... — Он придвинулся, зашептан на ухо: — Все высокомерные чародеи рано или поздно были повержены чародеями более сильными, а последние — вовсе людьми без способностей. Не привыкай на силу полагаться, если выжить хочешь.

Он поклонился, надел шляпу, велел приказчику доставить пакет по адресу и был таков. А я четверть часа выбирала фрукты к праздничному столу и размышляла. Кажется, я только что получила хороший совет от человека нехорошего.

Расслабилась ты, Серафима, страх потеряла. Плывешь по течению да на солнышко жмуришься, а от цели своей, как и прежде, далека. Думаешь, приказные сыскари за тебя работу сделают? Нет, они-то сдюжат, только так, что Маняшу ты не спасешь. Их задача — навье логово разорить, а твоя — Марию Анисьевну оттуда прежде выдернуть.

Меня тревожило, что подруга, кажется, остается с этими нелюдьми по доброй воле. Я знала, что иерархия в навьем гнезде — кажется, оно зовется семья — строится вокруг хозяйки, госпожи, или, если следовать осиной тематике — матки. На эту роль никто из окружения Кошкина не подходил. Старая княгиня? Кто-нибудь из прислуги, ну, то есть, притворяющийся ею? Сомнительно. Скорее хозяйку никто и никогда не видит, ну, кроме особ приближенных и посвященных. В тени она скрывается, под защитой. Неужели придется с нею в схватку вступить за Маняшу мою драгоценную?

Чародейские силы навов-воинов я представляла. А что может хозяйка? И зачем меня в гнездо тащат? Ну не сновидческих же моих сомнительных способностей ради, правда? Грелкой семейной служить? Тогда отчего именно меня, мало ли в мире огненных чародеев?

Вопросы, вопросы, вопросы, и ни одного ответа. Тактика выжидания не действовала абсолютно. Геля с Мамаевым по крупинке информацию добывают, потому как сферы властные задействованы, к ним на кривой козе не подъедешь. А время идет.

По большому счету если бы не приказ Брюта рождественского бала дожидаться, я могла бы покинуть Мокошь-град хоть сегодня. Уверена, чародейский приказ и без меня бы разобрался. Тем более что сведениями о навах я снабдила их щедро. Интересно, за эту болтливость канцлер меня накажет? Под каким там особо секретным грифом все хранится? Ах, пустое. Сновидцы — блаженные, а блаженные болтливы. А еще они порывисты и непредсказуемы. И раз тактика выжидания меня подвела, пора свою порывистость проявить.

Корзины с фруктами, тщательно обернутые в упаковочную бумагу, я велела доставить в дом Бобыниных.

— Ав-р! — встретило меня за дверью.

— Бубусик замерз! — возмутилась «Маняша». — Давай уже возвращаться.

— И не подумаю. — Я решительно дернула ручку корзинки. — В отеле сейчас же поселюсь, а на Голубую улицу больше не пойду!

— И оскандалишься на весь свет?

— Пусть! Не желаю в ваши игры более играть.

Навья ручку не отпустила, дернула в ответ:

— Послушай, блаженная, ты, конечно, можешь сейчас характер свой проявить, скандал на пустом месте устроить, и он тебе с рук сойдет, князь и не то стерпит, лишь бы своего добиться...

— Чего именно? — Рывок, и вот уже знакомые Маняшины глаза с незнакомым злобным блеском у моего лица. — Чего он от меня хочет?

— Сам расскажет! И расскажет, и покажет. — Ухмылка навьи двусмысленна и скабрзна. — Но ты о другом подумай. Неелова твоя, в отличие от тебя, никому не нужна. Фортель выкинешь, мы на ней отыграемся.

— Как?

— Поверь...

Я выдернула корзину, развернулась на каблуках и бросила через плечо:

— Многозначительные недомолвки работают лишь до какого-то предела. Только что мы его достигли. Не собираюсь додумывать, что вы сделаете с Маняшей и кто именно эти «мы». Или ты мне...

Каблук скользнул на припорошенном снегом ледяном пяточке, и я позорно плюхнулась на спину, взмахнув корзиной. Бубусик вылетел из нее по дуге, приземлившись, счастью, в сугроб.

— Дитятко! — картинно завопила навья. — На помощь! Барышне Абызовой плохо!

Меня подняли прохожие, кто-то откопал собачечку и угостил обиженного страдальца сахарком.

— Спасибо, люди добрые, — кланялась «Маняша». — Хозяйка у меня на голову слаба, нервический припадок у ней приключился. Мы вот на извозчике домой отправимся. А чего она там болтает, вы не слушайте.

Я сжала кулаки, ощущая, как осыпаются пеплом перчатки, но навья обняла меня за плечи и огонь ушел, я бессильно царапала кожу ладоней. Высокая статная женщина обхватила меня без усилий, повела к коляске, просила помочь прохожих установить в ногах корзину, повторяла чушь про нервы, припадки и про то, что дома мне полегчает, что не в первый раз такое приключается.

Подбежал дующий в свисток городской, толпа разбавилась мундирами.

— Какое счастье, ваш бродь! На Голубую улицу нам, в дом Бобыниных. Кузина это ихняя, чародейка из-за гор, может, в газетах читали. Да-да, та самая огненная Серафима, барышня А.

Позор! Я зажмурилась, чтоб не видеть этих сочувствующих и любопытных лиц. Ах, отчего я не могла заткнуть уши, чтоб еще и не слышать?

Городской поехал с нами и понес корзину с Гавром, когда коляска остановилась у крыльца.

— Извозчику заплатите, — командовала нянька горничными. — Вы, ваш бродь, в гостиную проходите, там Наталья Наумовна все вам обскажет про горести наши семейные да дни многотрудные.

Меня потащили по лестнице, в спальне я начала брыкаться, пытаюсь вырваться из объятий.

— Пусти!

— Всенепременно, — навья сделала подножку, мы упали на кровать.

Бороться с человеком, превосходящим тебя в росте и весе, да еще и в умениях, было делом безнадежным. Но я старалась изо всех сил. Нянька навалилась на меня, прижимая к постели, придержала, свободной рукой скользнув себе за ворот и этой же рукой стукнула меня по горлу.

От крика моего задрожали оконные стекла.

— Будешь дергаться, я тебе ее под кожу вобью, — прошипела навья. — Лежи, дитятко, сейчас все кончится.

Шею сдавило, будто на ней затягивалась удавка, я захрипела, сжатие ослабло, сменившись покалыванием.

— Все. — Навья, тяжело дыша, сползла с меня и распрямилась, поправляя растрепавшуюся прическу.

— Что... — прикрыла ладонями горло, ощутив там плоскую твердую ленту и какой-то медальон. — Что ты со мной сделала?

— Обезопасила, — «Маняша» подошла к зеркалу. — Можешь и ты полюбоваться.

Я приблизилась, меня шатало, со всех сторон давила непривычная ледяная тяжесть. Зеркало отразило мои безумные глаза и камею на атласной ленте, плотно обхватившей шею.

— Так ты этим кулоном пользовалась, чтоб силу мою нейтрализовать?

Пальцем я попыталась скользнуть под удавку, но атлас будто прирос к коже, с камеей была та же история, вокруг нее набухали капельки моей крови.

Навья хмыкнула и промокнула влагу носовым платком:

— Переусердствовала. Но ты потерпишь. Гордись, дитятко, под тебя артефакт создавался, немало усилий для этого приложили.

— И что теперь? — Руки бессильно опустились вдоль тела.

— Да ничего. Щелкоперы столичные уже по газеткам своим разбежались, заметочки про твои нервические припадки строчить. А ты дома затаишься, по обыкновению. Вечером князь Новогодье

праздновать явится, и про это в газетах тоже напишут что-то вроде: «Демонстрация силы вечной любви».

Вошла Марта-худышка, присела в книксене и молча приступила к уборке. На шее девушки я заметила темную плотную бархотку.

— Этот артефакт уже заурядный, — проследила нянька мой взгляд. — Надоели сарматки твои до одури, усмирять пришлось.

Горничная на слова не реагировала, двигалась сомнамбулически. Я пошевелила руками, прошлась по комнате. Кажется, мой ошейник лишь сдерживал силу огня, а не подавлял волю.

Да уж, Серафима, ежели ты эдак хотела врага спровоцировать, лучше бы не начинала.

В дверь постучали, и Марта-толстушка тихонько и хрипло сказала, появившись на пороге:

— Наталья Наумовна с городовым беседу окончила, теперь вас к себе требует.

— Меня?

— Марию Анисьевну. Немедленно.

Девушка, закончив говорить, стояла столбом, вперив в пространство невидящий взгляд.

— Ну чего еще? — Чтобы выйти, няньке пришлось отодвинуть девицу Фюллинг плечом.

— Бедняжки! — прошептала я и прислушалась.

Из гостиной доносились громкие женские голоса, кажется, назревал скандал.

Осмотрев бархотку на пухлой шейке, я сорвала ее одним резким движением.

— Барышня!

Повторив процедуру с девицею Царт, я засунула оба артефакта под подушку на постели.

— Времени нет! Марта, быстро отыщи похожие ленты!

Пока девушки закрепляли поддельные бархотки, я напористо бормотала:

— Делайте вид, что под действием чар находитесь. И ни словечка, ни косога взгляда. Покорность и послушание. Только возможность появится, хватайте Бубусика, это важно, и бегите. Только тихо и тайно.

— Куда? На помощь звать?

— Да кто тут поможет? Возьмите извозчика и на Цветочную улицу направляйтесь.

— В новом доме вас, барышня, ждать прикажете?

— Если не вернусь... Ах, вы сами со всем разберетесь.

— Вы — великая чародейка, барышня. — Толстушка доверчиво заглянула мне в лицо. — Вы всех злодеев дотла сожжете.

Я обняла горничных, чтоб они не видели моих влажных глаз. Пусть хоть Гавра мне сберегут, он ведь слаб совсем стал, раз в кота обернуться не может, ему кроме гроз и вихрей сны еще надобны для здоровья.

Навья с такой силой распахнула дверь, что она стукнулась о стену:

— Прочь! — велела девушкам.

Те, помня мои наставления, приняли вид полусонный и медленно удалились. Нянька явно пребывала в раздражении.

— Как же мне все надоело! — Она повернулась к зеркалу, оперлась о него ладонями. — Твои любопытные горничные, твоя жирная собака, твоя кухня...

Я смотрела на нее отраженную, на себя за ее плечом.

— Почивать ступай! — Маняшины губы искривились. — Да не бойся, не буду нынче твои запоры сонные на прочность проверять, не до тебя.

— Не хочется что-то.

Снизу послышался голос Натали, она распоряжалась слугами.

— Готовится голубица, — сообщила мне навья. — Торопится, суетится. Сейчас она всех из дома отправит, хотя к ужину ничего не готово. А знаешь, что твоя родственница сделать удумала?

— Понятия не имею.

Шею сдавило, поэтому голос получался хриплым. В голове от недостатка воздуха шумело, взгляд затуманился.

— То, чего больше всего на свете желает. — Нянька под руку подвела меня к постели. — Ложись, дитятко, пережди. А мечтает твоя Наталья о жизни, удовольствий полной, безбедной и веселой.

Затылок утопился в пуховой подушке, навья набросила на меня одеяло.

— То есть о той жизни, которая есть у тебя.

Она присела рядом, будто рассказывая сказку перед сном.

— У каждого человека, Серафима, какое-нибудь чувство над прочими главенствует. У Натальи Бобыниной это зависть. Не лучшее из чувств.

— Ерунда, — прохрипела я.

— Ох, — навья погладила мое горло, ослабляя удавку, — опять перестаралась. И не ерунда нисколько. Наташеньке давненько мечталось, как ладно было бы Абызова Карпа Сильча в отцы себе заполучить, чтоб все плюшки только ей доставались. А то что получается? Тебе и молодость, и красота, и капиталы батюшкины, и кавалеры с букетами, и заграницы. Она же на Зорина твоего набросилась, только чтоб нос тебе, дурочке, утереть. Иван Иванович не нужен ей был нисколько, так, очередная игрушка похоть потешить.

— Он бы не стал...

— Тсс... Будешь болтать, тебя опять слегка придушить придется. Поэтому молчи и засыпай, или что ты там вместо сна теперь делаешь. Не стал он, не стал, успокойся. Устоял его высокородие пред чарами девичьими. Только от этой его стойкости Наталья Наумовна чуть на стену не лезла. Так о чем это я? Мечтала твоя кузина, мечтала, пока не придумала, как своего добиться. Ты слушаешь? Ну вот...

У навов это называлось «менять кожу» или «поместить себя в новый сосуд». Лулу, как ее тогда звали, без помощи обойтись не могла. Кто-то должен был наблюдать обряд, особенно в сам момент переноса, когда оба тела лишались владельцев и становились беззащитными. В ту ночь в обряде захвата тела Маняши Нееловой ассистировала гризетке Лулу именно Наталья.

— Нянька-то твоя та еще дурочка. Записки ей от милого дружка хватило, чтоб она в одиночестве в холмах бродить отправилась.

Дальше проще простого. Навья воспользовалась одним из амулетов из своего арсенала и вдвоем с Бобыниной перетащила безвольное тело Маняши в одну из руянских пещер.

В ту же ночь обмен произвести не удалось, нянька была еще полна моими снами и ускользнула от хватчицы в складки тонкого мира. Они оставили ее там, безвольную, опоенную навскими снадобьями, под присмотром Крампуса. Когда я говорила с подругой в своем видении, ее тело было спрятано неподалеку.

— Не сходится, — прошептала я негромко. — Эффектное свое изгнание и отказ от места ты уже после той ночи разыграла.

— Не я, дитятко. — Мой вопрос собеседницу, по счастью, не разозлил. — Это все твоя сестричка-лисичка надумала. Хитрая лживая тварь! Пока я за твоей нянькой по иным пределам скакала, Наташка мою сферу умыкнула, артефакт, с помощью которого перенос происходит. Опасалась, вишь, что я без нее теперь справлюсь, когда у меня и тело новое есть, и демон на посылках.

— Зря опасалась?

— Не зря, — хихикнула навья. — Были у меня такие мысли. Мне твоя кузина к тому времени настолько опостылела, что собиралась ее из игры удалить, наврать, чтоб еще ночь переждать придется, да и обстряпать дело самостоятельно. Но она...

— Упредила? И от места тебе отказала, чтоб ты ту сферу в ее отсутствие не смогла в номере

отыскать?

— Точно! А пока скандал и изгнание изображала, успела шепнуть, что встретимся в пещере и что она с собой артефакт принесет.

— Он большой?

— Не особо, но на теле не спрячешь, размером, — она порыскала взглядом по комнате, — ну, как светильник твой ночной, только без подставки.

Я кивнула, а навья поджала губы:

— Что-то ты, дитяtko, излишне оживилась...

Испугавшись, я зевнула, прикрыв рот ладошкой:

— Почти сплю, рассказывай дальше.

— Все сделали, как она решила. Встретились, Мария Анисьевна ослабла к тому времени изрядно, трепыхаться перестала, выскользнула из тела, как косточка из вишни, а я...

Навья помолчала.

— Потом, что потом?

— А потом оказалось, что не на ту персону в изъятии моей сферы я понадеялась, что дурак этот старый милку свою заграбастает, а взамен мой артефакт Наталье Наумовне отдаст. Когда я в себя пришла, выяснилось, что сфера у Бобыниной, нянька у Сигизмунда, а я... тоже, получается, у Бобыниной во власти, так как беззащитна. И теперь, дитяtko, сестричка твоя желает тот перенос уже с другими участниками повторить, твое тело занять.

— Ты говорила, это невозможно, потому что я чародейка.

— Наташка об этом не знает, — подмигнула собеседница, — или, скорее, желает думать, что бога за бороду схватила. Сейчас она готовится, слуг, наверное, отослать успела и сферу мою из тайника извлекает. Ох уж я ей наколдую, бессовестной, уж потешусь. Увидишь, тебе тоже роль, хоть и небольшая, в фильме этой прописана. Мне бы только свое в руки получить.

— Почему тебе именно Маняшино тело понадобилась? — Я уже забыла, что должна спать, села на постели, опершись спиной о подушки. — Потому что она ведьма?

— Да мало ли ведьм в вашей богоспасаемой империи? В какую не совсем пропащую бабу ни ткни. — Она шелкнула пальцами. — Просто время кожу менять пришло, а тут девка нестарая, не особо страшная, да еще и с тобою близка. Если бы не зависть Наташкина, все в семье бы и осталось. Ты бы подмены не заметила, уж я бы постаралась, вышла бы замуж, а уж у сиятельной княгини жизнь началась бы совсем другая.

— Получается, на мне вина за Маняшины злключения?

— Добрая ты, Серафима, — с отвращением сказала навья, — и высокомерная, сверх положенного на себя берешь. Если бы твоя Неелова простой жизнью жила, на деньги не позарилась, старела бы себе за горами тихонько и злключений бы избежала. А ты при чем?

— Ну, ваша шайка именно меня хороводит, — обиженно протянула я. — Огоньку захотелось?

— Твой огонь для нас, — отвращения стало еще больше, — что-то навроде дурманного зелья для человеков, не особо приличная страсть. Будь ты просто чародейкой, даже великой, тебя бы давно надкусили да выбросили, может, даже Крампусу на потеху отдали, низшие демоны до подачек охочи.

— Значит...

— Значит, сейчас мы сыграем для Натальи Наумовны чудесное представление, а после твоими сонными запорами займемся. Хозяин, когда понял, что ты сновидица...

— А хозяйка?

— Что? — Навья настороженно на меня посмотрела.

— Когда он узнал? — быстро вбросила я следующий вопрос. — Вы специально меня на Руян отвезли?

— Не сразу узнал... — Она говорила неторопливо, будто в раздумьях. — Поначалу он только жар осязал, шутил еще по-всякому. А вот когда ты на речовки не среагировала...

— Какие еще речовки?

— Ну такие... для барышень и человечков. Роза для розы? Так он тебя подманивал?

Припомнив странные от князя записки, я кивнула:

— Да, я еще подумала, что за чушь?

— А должна была томление ощутить и прибежать на зов.

Подумав, я спросила:

— Это что-то вроде аффирмации?

Навья пожала плечами:

— Чего не знаю, того не знаю. Мне колдовство речей неподвластно.

— А что подвластно?

— Запоры снимем, я тебе покажу.

Я поежилась, будто от холода, но все же решилась:

— Когда вы князя подменили и почему никто не заметил?

Удавка резко затянулась на горле.

— Много воли себе взяла? — зашипела навья. — Решила, мы с тобою подружки? Вызнала все, лисица, вынюхала. Притворщица! Кокетка! Думаешь сама супротив нас выстоять? Не выйдет! Мы везде проникли, во все сферы, отовсюду защищены. Сыскари твои зубы об нас первые обломают, даже чародеи. И Зорин твой первый пострадает. Иванушка... Тьфу! Я его себе после заберу, у него сила мягкая, не чета огню.

В голове шумело, я хрипела, силясь вдохнуть, забилась на постели, раскинув руки. Камея, казалось, болталась уже в горле на манер колокольного язычка.

Эх, Серафима, перестаралась ты. Интересно, а призраков в сновидцы пускают? Примет тебя Артемидор обратно без телесности? Вот и попробуешь, недолго уже.

Воздух ворвался в легкие с громким всхлипом и пронзил виски болью. Я закашлялась, разбрызгивая слюну.

— Перестаралась? — ласково спросила навья. — Ну ничего, впредь, дитяtko, осторожнее будешь.

Она пружинисто поднялась, разгладила подол платья:

— Лежи тут пока, я погляжу, что там Наталья Наумовна наготовила.

Дверь она за собой не прикрыла, и створка моталась из стороны в сторону, будто не в силах выбрать только одну. Право, лево, право...

Сигизмунд. Маняшу забрал себе нав Сигизмунд, которого называют старый пан, Савицкий. Он один из тех лихих людишек, про которых говорила нянька.

Его я убью. Правда, я еще никого не лишала жизни, но зло должно быть наказано.

Нет, если бы не он, Маняша была бы уже мертва. Навья этого не говорила, но они явно собирались избавиться от ненужного им тела гризетки, и от Маняши в нем заодно.

Значит, не убью, значит, судить Сигизмунда Кшиштовича надобно.

Я улыбнулась, вспомнив, как мы с Гелей потешались над многотрудным именем старика.

Что еще удалось узнать? Вроде и немало, только полезного с гулькин нос. Князь вовсе не князь, а нав в сиятельной шкуре. Ну, это я и раньше подозревала. Лулу на мой прямой вопрос разозлилась, но не возразила. Везде у них свои человечки... Мамаев говорил, что сеть распространителей дурманных зелий и запрещенных артефактов в столице разветвлена и обширна и что, исходя из этого, покрывают торговлю в заоблачных властных верхах. Эльдар подозревал, что князь Кошкин в преступлениях замешан, но прямых доказательств не имел, ниточка оборвалась убийством Аркадия

Бобынина. Кузен был связан с князем, напрямую связан, наверное, от него и гризетку для Наталии получил. Когда Лулу в доме появилась? Лет пять назад, наверное? Натали что-то такое рассказывала.

Эх, Наталья... Даже и не знаю, каким словом тебя обозвать. Да попроси ты меня о чем угодно, я бы отдала, сделала. Ну да. То-то ты, Серафима, ее один на один с братом оставила, на поругание. Помогла? Поэтому осуждать Наташку не смей.

Осознав, что мой внутренний монолог превратился в диалог, я слегка испугалась, что действительно лишаюсь разума. Одно дело сновидческую экспрессию миру являть, а другое — с внутренними голосами беседовать.

Однако, может, я и блаженная, но отнюдь не глупа. За последний час я узнала больше, чем за все прошедшие дни. Значит, тактика скандала оказалась действеннее выжидания.

Надеюсь, горничные восприняли указания Натальи Наумовны правильно, то есть сбежали.

Ну чего они там внизу застряли? Меньше часа до ужина, между прочим. Ко мне кроме князя с Суховым еще и Евангелина Романовна придет, в семейном узком кругу Новогодье встретить. А у нас не готово ничего, потому что слуги отосланы, а кухня с подельницей обряд какой-то человекопротивный собираются совершать. И ладно бы делали уже, так нет, тянут чего-то.

Прикрыв глаза, я, кажется, задремала, потому что Аркадий Наумович с ликом спокойным и кротким прошел сквозь стену и завис в аршине над постелью.

— Чего не удалишься? — недовольно спросила я. — Ждешь, пока тело земле предадут?

Он покачал головой, пошевелил беззвучно губами.

— Не слышу, кузен, я тебя не слышу. — Я повернулась на бок и накрыла голову подушкой. — Ступай...

В углу комнаты сидел незнакомый старик с бородою столь длинной, что она укрывала его колени и спадала до самого пола седым водопадом.

— И вы, дедушка, ступайте!

Из-под кровати показалось бледное лицо какой-то дамы, судя по цвету и припухлостям, утопленницы. Я бросила в нее подушкой:

— Прочь! Все убирайтесь. За ваши пути я не отвечаю.

— Что это с ней? — визгливо спросила появившаяся в дверях Натали. — Приступ?

— Обряда страшится. — Навья заглядывала ей через плечо, лучась злорадством. — Я же, барыня, о том, что ее ожидает, рассказала, не удержалась.

Они захихикали, будто подружки, замыслившие шалость.

— Ну и что делать будешь? — спросила меня Наталья.

Удавка дрогнула, впиваясь в кожу.

— Не сможет вам Серафима Карповна отвечать, — пропела навья. — Бархотка сия речи ее лишила.

— Не забудь снять это уродство, — велела кухня, — с меня уже снять.

— Как прикажете.

Внизу раздался дверной звонок, и нянька сбежала по ступенькам, узнать, кто и за какой надобностью.

— Ах, Фимочка, — Натали провела ручкой по моим волосам, — какая же ты неряха, право слово, растрепа неумытая. Я этим телом лучше распорядюсь и наряжать его буду краше, и причесывать иначе. Надеюсь, Карп Силыч за границами подольше побудет, пока я обустроюсь, чтоб некоторым переменам в доченьке не удивлялся особо.

— Покупки доставили. — Нянька запыхалась, торопясь вернуться. — Там презенты малые, что мы с барышней Абызовой выбирали, и фрукты экзотические к столу.

— Прекрасно, — сказала Натали. — Я телефонировала в резиденцию Кошкиных, что ужин перенесен на час позже, так что нам хватит времени его приготовить.

— Во сколько вы велели вернуться слугам?

— Времени хватит, — повторила Натали с нажимом. — Я прекрасно помню, сколько длится обряд, наблюдала его не единожды.

Не единожды? Я, наверное, дернулась на этих словах, потому что навья заставила ленту еще сильнее затянуться.

— Ну что ж, — сказала Наталья радостно, — приступим.

— Отведем ее в гостиную?

— Незачем. — Она торжественно распахнула двери моего гардеробного шкапа и, потянувшись, достала из недр его шляпную картонку. — Все сделаем здесь.

Навья шагнула к ней.

— Стой, где стоишь, — процедила кузина. — Верю я тебе не более, чем прежде.

Она толкнула меня на постель, коробку поставила на столик, откинула крышку. Сначала на свет появились парные железные кольца, соединенные цепями. Натали позвенела ключами на поясе, выбирая нужный, и одно за другим открыла все четыре кольца.

— Изволь, верная слуга, себя прежде по рукам и ногам заковать.

Навья отступила, но Бобынина щелкнула железом у ее запястий.

— Это раз, — она наклонилась и повторила операцию со щиколотками, — это два...

Верхнюю и нижнюю пару кандалов соединяла цепочка, от которой тянулась цепь подлиннее, эту, самую длинную, Натали пристегнула к железному каминному крюку, затем, подергав, отодвинула стол почти к самой двери, туда, куда навья не могла дотянуться.

С кровати я наблюдала за Натальей Наумовной, восхитившись мимоходом ее недюжинной силой.

— Итак. — Она пошуршала упаковочной бумагой и наконец извлекла из шляпной картонки хрустальный шар, сбросила на пол картонку и бумагу, установила сферу на столешницу. — Чуть не забыла!

Натали подбежала к навье, пошарила у нее в декольте, та хихикнула от щекотки, но обожгла хозяйку ненавидящим взглядом.

— Нет тебе доверия, милочка, — щебетала кузина, рассматривая крошечную серебряную пудреницу, оказавшуюся в ее руках. — Тебя мне за долги отдали, для услуг и покорности, ты землю целовать должна, по которой я ступаю.

— Все эти годы я была покорна и услужлива.

— Пожалуй, была, — немного удивленно сказала Натали. — Но отчего-то я не склонна себя твоей воле вручить. Будь так же хороша, когда я в новое тело поселюсь.

Она открыла пудреницу, полную разноцветных шариков:

— Лиловые — дурманные, — тонкий пальчик передвинул несколько пилюль, — зеленые — сонные, красные...

Натали подошла к тумбочке, плеснула из графина в два стакана, в левый бросила две зеленых пилюли, в правый — зеленую, красную и лиловую. Правый протянула мне:

— До дна, Фимочка, — и кивнула навье.

Пока та играла удавкой, вынуждая меня выпить снадобье, кузина опрокинула в себя порцию. Я свой стакан разбила.

— Заставь ее! — взвизгнула кузина.

— Если вы, госпожа, хоть на минуточку разомкнете кандалы...

Бобынина повалила меня на кровать и втокнула в рот лиловый шарик. Он был скользким, с травяным вкусом и слишком быстро стал растворяться слюной. Плеваться не помогло, вкус чувствовался даже в носу. Лиловый, дурманный? Точно. Перед глазами довольно скоро замельтешили лиловые снежинки, тело отяжелело, рот безвольно приоткрылся. В него мне и сыпанули горсть красных, как рябина, пилюль. Над кроватью парил Аркадий под ручку с

утопленницей, в свободной руке та держала кончик бороды, на которой, как ветряной змей на веревочке, у самого потолка трепыхался старичок.

С усилием отведя взгляд от привидений, я увидела Наталью Наумовну, возложившую руки на источающую ярко-белый свет хрустальную сферу.

— Я получу все, чего достойна! Получу!

Навья сидела на полу, низким голосом пела иноземную песнь, без ритма, без рифмы, похожую на завывания ветра или крики ночных птиц, заметив, что я на нее смотрю, подмигнула. Кузина все бормотала, призраки исчезли, то ли ушли, то ли я просто перестала их видеть.

— Еще немножко, — пропела навья по-берендийски, — три... два... все!

Наталья Наумовна упала на ковер. Сфера потухла.

— Что случилось? — подскочила я с кровати и подбежала к родственнице.

— Ключи у нее от пояса отцепи.

— Отвечай!

Лицо Натали было бледным, изо рта текла дорожка пенной зеленой слюны.

— Отравилась твоя сестричка, — хихикнула навья. — И на твоем месте я бы ее не жалела. Она же уверена была, что красные пилюли — смертельный яд!

— А на самом деле? — Я уже схватила графин и теперь направляла струйку воды в раскрытый рот кузины.

— Красные — противоядие, а отравлены как раз зеленые. Это тебя она жизни лишить хотела! Поняла?

— Да поняла я, — надавив кузине на живот, я перевернула ее боком и засунула в рот пальцы, чтоб нажатием на основание языка вызвать рвоту.

Пока Наталью Наумовну рвало, я поискала на ковре и, найдя несколько красных шариков, растворила их прямо в графине, там воды оставалось на доньшке, поэтому жидкость приобрела кровавый цвет, а кузина, когда я влила в нее противоядие, стала походить на кровопийцу.

— Экие у вас увеселения любопытные. — Радостный голос Евангелины Романовны заставил мою руку дрогнуть. — В фанты играете или...

Девушка была румяной с мороза, на шапочке и плечах шубы блестели капельки таящих снежинок. Она не договорила, развела руки в стороны, будто обнимая открывшееся ей зрелище.

— Добрый вечерочек, — улыбнулась я. — Обожди минуту, мне убедиться надобно, что Наталья Наумовна к сонму здешних призраков не присоединилась.

Прикованная навья выкрикивала просьбы и угрозы, но ее никто не слушал. Натали дышала глубоко и спокойно. Оставив ее на полу, я поднялась с коленей:

— Давай, Гелюшка, кухню посетим, у меня аппетит разыгрался нешуточный.

— Серафима!

Требовательно сжалась бархотка, на пороге я споткнулась.

— Посиди пока так, — обернулась я через плечо. — Правда этот противный вкус зажевать хочу. Или давай обменяемся. Ты с меня этот артефакт снимешь, а я ключ тебе оставляю.

— Не в моей власти, — грустно сказала навья. — А тот, кто ею облечен, вскорости тебя посетит. Ежели ты, дитяtko, моим положением жалким с ним торговаться надумаешь, сразу передумай. Не того я ранга персона.

Попович терпеливо ждала у лестницы. Я подумала минуточку. Торговля, конечно, вариант любопытный. Только мне эта навья нужнее, чем князю, мне ее еще с Маняшей местами менять предстоит.

Поэтому я вернулась к кузине, сняла с ее пояса связку ключей и бросила ее в руки узницы:

— Приберись, — велела спокойно и рассудочно, — и в кровать барышню Бобынину уложи.

В прихожей я помогла Евангелине снять шубку.

— Что это вообще было? — возбужденно прошептала девушка.

А после охала и ахала, выслушивая мой сбивчивый рассказ. Мы переместились в кухню, где я принялась жевать все, что попадалось под руку.

— То есть тебе теперь нужно будет в одной точке эту «Маняшу» с той свести и чтоб сфера с вами была?

Как настоящий сыскарь, Геля выхватила из всего вороха фактов самый главный.

— Да. — Я запила пирожок фруктовым пуншем и сыто вздохнула.

— Тогда времени у тебя до завтра. Я утром с мадемуазель Мерло у церквушки повстречалась...

Пока она говорила, все съеденные пирожки в моем животе превратились в камень.

— Ничего не получится. — Я почувствовала, что плачу бессильными слезами.

— Не реви. Не уедет твоя Маняша.

— Как?

— Так. Это князя Кошкина я с бухты барахты арестовать не смогу, а скромную девицу Мерло — запросто. Она у меня свидетельницей по делу проходит, так что...

Я, всхлипнув, обняла чиновницу.

— Только, Серафима, сегодня тебе без меня справляться придется. Я сей же час должна бежать, слежку да надзор осуществить. Если что, зови Эльдара на помощь. Пока я извозчика искать буду, он к тебе по жилам земляным прилетит, как у вас, чародеев, принято.

И она убежала, а я посмотрела на свое отражение в настенном зеркале и понеслась наверх, мыться, причесываться и переодеваться.

Сикера потянулась со вздохом:

— Эльдар-р...

Мамаев смотрел в потолок, откинув голову на подушку и заложив руки за затылок. Был за ним такой грешок: быстро остывал горячий кавалер, когда дело заканчивалось. И вроде следует в этот момент предаться беседам да нежностям, но ни того ни другого ему не хотелось, на мгновение ставший звеняще-пустым разум заполнялся вихрем мыслей, вихрь быстро структурировался, и гораздо интереснее было этим порядком любоваться, чем нежничать.

Берендийская народная мудрость упреждала, что, как встретишь Новогодье, так последующий год и проведешь. Если мудрости этой верить, год надворному советнику предстоял горячий и томный.

— Эльдар!

Чародей выпростал руку из-за головы и, натянув простыню на обнаженное женское тело, погладил шелк белья.

— Мыслями далеко витаешь! — Навья обиженно тянула слова, причем долгими у нее получалось и гортанное «р», и все шипящие.

Невзирая на сущность свою нечеловеческую, в страсти Сикера оказалась дамой вполне обычной, обожала понежничать, поболтать, прижавшись холодным телом к мужскому боку.

— Ну что ты, красавица, — сказал чародей ласково, — только о тебе думаю.

Он придвинулся, обнимая обеими руками завернутую в простыню подругу, прижался плотно, ощутив грудью медленное биение ее сердца.

— Вот и ври дальше, тебе несложно, а мне удовольствие. Или расспрашивать начинай. Утомленная баба языку своему не хозяйка, может, и сболтну чего секретного.

— Путаешь ты меня с кем-то, Сикерушка. — Эльдар улыбнулся в ее гладкие волосы. — Ради секретов любиться — последнее дело.

- Ну и дурак.
- Какой есть.
- Поэтому, наверное, я к тебе и прикипела, — сказала навья рассудочно.
- Уж и прикипела...
- Я же многое для тебя сделать могу, тайнами что конфетти осыпать, в карьере поспособствовать.
- Моя карьера, милая, на тонкой ниточке болтается, — он потерся щекой о ее, — да и не занимает она меня особо. А что до секретов, так я и без того, твоими стараниями в том числе, осведомлен.
- Моими? — хмыкнула навья. — Тебе трещотка твоя Абызова всю подноготную в уши льет, а я только и успеваю «да» и «нет» отвечать. Любопытно, кому в голову пришло ее с Гуннармом Артемидором свести?
- Случайность или судьба? — Про рыжую голову, в которую эта мысль пришла, Мамаев знал определенно. — Да и куда Серафиме Карповне было податься? В нашем отечестве днем с огнем сновидцев не сыскать.
- Искать просто по-другому надо. Но Гуннар?
- Что с ним не так?
- Ничей он, сам по себе, и учит Абызову так, как нужным сам считает, ни с кем не советуясь. Думаешь, откуда сия кокетка про навов столько знает? От него, блаженного!
- А он откуда? Во снах мудрости сыскал?
- Почему же во снах? Вполне в своем теле при навском дворе обретался.
- Врешь! — Эльдар возбужденно сел на кровати и повернул подругу к себе лицом. — Давно? Она рассмеялась серебристо и показала чародею язык.
- Ради секретов любиться недостойно! Но ты нынче постарался, награду заслужил. Поэтому отвечу: не вру и давно, после последней войны.
- Пустынной или...
- Не обязана все ваши берендийские войны знать! — фыркнула женщина. — Последней нашей.
- С Навью? Двести лет с нее прошло!
- И что? Гуннара в плен взяли, его и еще парочку свенских чародеев-сновидцев, что оборону в Мокшанских болотах держали. Только те слабыми оказались, не выжил никто. А этот сдюжил, сначала в подземельях ползал, что твоя ухвертка либо червь земляной, после в силу вошел, пакостить по мелочи стал. Его ко двору и допустили.
- За пакости?
- За развлечение, которое он своими трепыханиями доставил. Потешились над ним знатно, специально демонов против человека выпускали, чтоб смотреть, как он с ними сражаться будет.
- А он?
- Дрался, — пожала навья плечами. — И остаточную силу по крупицам собирал. Этого как раз и не замечал никто, пока слишком поздно не стало. В какой-то момент потешный человечек, вместо того чтоб очередного демона порешить, оседлал его и в складки тонкого мира направил. Знаешь, что самое забавное? В Нави, наверное, до сих пор уверены, что там, между мирами, сновидец и сгинул, верхом на крылатом когтистом чудовище. Как я хохотала, когда Юлий мне про пиратского капитана на черной шхуне рассказывал! Даже лавку книжную после посетила, толковник Артемидора приобрела.
- Зачем?
- Подписать попрошу при личной встрече. — На бледных щеках нави появился смущенный румянец. — Однако беседа наша затянулась...
- Она навалилась на Эльдара, сдвигая простыню:
- До Новогодья остались считанные минуты, и чтоб сечень стал нам сладким...

— Погоди! — Мамаев отодвинулся и схватил в ладони нательный оберег. — Прости, милая. Кажется, мой сечень станет суматошным.

Он быстро расцеловал навью.

— Абыз-зова, — протянула та, наблюдая, как чародей поспешно одевается. — Никуда от нее не деться.

— Не ревнуй, это служебная надобность.

— Не хватало еще тревожиться! Ступай, блаженная Серафима тебе сердечко расцарапает, а лечиться все равно ко мне придешь.

— Обожаю умных женщин!

Прощальный поцелуй вышел долгим и довольно страстным. Четверть часа ушло на то, чтоб определить направление и найти подходящую жилу. Когда над Мокошь-градом с двенадцатым ударом главных столичных часов взвились разноцветные хвосты праздничных фейерверков, Мамаев ворвался в спальню на втором этаже бобынинского дома.

— Серафима?

Девушка бросилась ему на грудь с протяжным воплем. В комнате она была одна и, судя по ее тонкой ночной сорочке, готовилась отойти ко сну.

— Иван! Эльдар, я видела Ивана.

— Где? Когда?

— За гранью. Он умер! Понимаешь, мой Болван Иванович умер!

Она заметалась, широкий ворот скользнул с плеча, Мамаев заметил плотную черную ленту, охватившую девичью шею.

— Почему ты одна? Где слуги?

Серафима смотрела сквозь него:

— Все умерли? — Быстрое прикосновение горячих сухих пальцев обожгло мамаевскую щеку. — Ты жив! Ты настоящий! Ах, какое счастье... — Взгляд карих глаз метнулся по комнате. — Зачем ты здесь?

— Серафима! Успокойся, милая, ты не в себе. Сейчас мы все поправим... — Эльдар обнял девушку за плечи, повел к кровати. — Очень правильно, что ты меня позвала.

Серафима с силою его оттолкнула, прижала ладонь к груди:

— Беги! Это не мой зов!

Она схватилась за горло, будто в приступе удушья.

— Конечно, не ты...

Мамаев резко обернулся к двери в смежную комнату, на пороге стоял князь Кошкин.

— С Новогодьем, дражайший Эльдар Давидович, — продолжил он, глядя, впрочем, на девушку. — Не буду разыгрывать комедию с вопросами, по какому праву вы, надворный советник, оказались ночью в спальне моей невесты. Арканы-то свои чародейские не теребите, сударь. Только попытаетесь, шейка Серафимы Карповны...

Князь шевельнул пальцами, девушка рухнула на пол, Мамаев подавил желание метнуться к ней.

— Ослабьте удавку, ваше сиятельство. Мертвая невеста вам без надобности.

— Прискорбная ваша уверенность, ваше высокоблагородие, проистекает от невежества. Жива ли, мертва ли сновидица, таланты ее останутся с нею и могут быть мною использованы. А что до возможности осязать рядом ее горячее тело, я вполне могу ею пожертвовать ради... да ради чего угодно.

Серафима всхлипнула и хрипло задышала, удавку, видимо, ослабили.

— Держите. — Князь бросил чародею подвеску, которую тот ловить не стал, и цепочка упала к его ногам на ковер. — Вы сейчас просчитываете, успеете ли нанести мне первый сокрушительный удар,

прежде чем я убью барышню Абызову. Успеете, Эльдар Давидович, ваши силы превосходят те, что могу вам противопоставить я. Но артефакт, который сдерживает сейчас огненную силу моей нареченной, заберет ее жизнь вослед моей.

— Анатолий, — жалобно проговорила Серафима, — обещаю быть самым послушным в мире существом, сделаю все, чего вы пожелаете, но отпустите господина Мамаева.

— Ни в коем случае, милая. — Князь неторопливо приблизился к девушке, обнял ее нежно, погладил заплетенную ко сну косу, что змеилась на спине. — Господин чародей останется у нас погостить. Не зря ведь мчался сквозь ночь к тебе. Приляг, милая, мы с Эльдаром Давидовичем потолкуем.

Серафима добрела к постели, но ложиться не стала, села на краешек, сложив на коленях ладони.

— Итак? — обернулся Кошкин. — Что выбираете, господин чародей? Драку или беседу?

Он присел рядом с девушкой и, взяв ее руку, сплел свои пальцы с ее.

Эльдар стоял абсолютно неподвижно, он лихорадочно прощупывал пространство на предмет навьего поганого колдовства, пытался изучить артефакт, ленту с продолговатой камеей. Князь не солгал. На самом деле он не затягивал удавку на шее Серафимы, а постоянно сдерживал сжатие. Как только его контроль ослабнет, черный атлас задушит девушку, даже не задушит, а моментально перебьет шейные позвонки и гортань.

— Я выбираю беседу, ваше сиятельство.

— Какие у тебя верные друзья, милая. — Кошкин поднес к губам Серафимину ручку и поцеловал костяшки пальцев.

— Убей его к лешему, Эльдар, — попросила барышня Абызова, передернувшись от отвращения. — Сил уже никаких не осталось это терпеть.

Рука князя сжалась так сильно, что хрустнули суставы, Серафима вскрикнула от боли.

— Помолчи, когда мужчины говорят.

— Не желаю жить! Понял, ирод? Желаю в тонкие пределы удалиться, с любимым моим в райских куцах...

Кошкин мазнул рукой ей по лицу, девушка смолкла и упала на спину.

— Простите, Эльдар Давидович, этот нервический припадок моей невесты. — Князь пружинисто поднялся. — Расстроенные чувства, дамские фанаберии, все в таком роде... Да вы присаживайтесь, в ногах правды нет.

Он повел рукой, приглашая Мамаева к столу.

— Разумеется, попрошу вас надеть кое-какие обереги, чтоб сковать вашу, сударь, силу.

— Вынужден отказаться, ваше сиятельство.

— Ну бросьте торговаться. — Кошкин присел к столу и придвинул к себе стоящий на нем ларец. — Обещаю вас не убивать и не калечить...

Его взгляд скользнул по Эльдару сверху вниз.

— К тому же без этих оберегов вы останетесь заточенным в двухаршинном пространстве до того счастливого момента, когда какой-нибудь сильный чародей разрушит печать, в центре которой вы сейчас стоите.

Мамаев посмотрел вниз, начертания скрывались под ковром, но сквозь ворс чувствовались мощные колдовские вибрации.

— Согласитесь, изящно, — хихикнул князь. — Будь печать активна изначально, вы бы ее почуяли. А знаете, на чем я ее замкнул? На вашем безвкусном обереге, который вы посмели подарить чужой невесте! Как только эта пошлейшая звездочка коснулась линий... Вуа-ля!

Трепыхаться Эльдар не стал, сколь мог незаметно попытался выйти из невидимого круга, не преуспел и звонко хлопнул в ладоши. Ковер моментально вспыхнул, на мгновение стало жарко, но пламя быстро прогорело. Мамаев шаркнул ногой, под пеплом на паркете обнаружилась плотная рунная вязь. За пределы рун огонь не распространился.

— Изящно. — Чародей изобразил поклон. — Быстро с этим мне не управиться.

— Вам? — Кошкин рассмеялся. — Да уж будьте покойны, вам с этим не управиться никогда. Будете переминаться с ноги на ногу, пока не явится к вам на выручку кто-нибудь менее огненный. Кто бы это мог быть? Господин Зорин? Ах, моя невеста заверила нас, что сие уже невозможно. К прискорбию, привидения вашего третьего приятеля, господина Крестовского, Серафима Карповна в своем бреду не рассмотрела, но, думаю, он также не жилец.

Князь извлек из шкатулки пару широких металлических браслетов:

— Соглашайтесь. Не то чтобы мне требовалось ваше согласие, но не хочется затевать мальчишескую возню в спальне приличной барышни. Или не соглашайтесь. Тогда я просто оставлю вас здесь, а Серафиму Карповну тайно перевезу в свою резиденцию. Те дни, что остаются до официального представления, пролетят быстро, наполненные всяческими утехами. В них-то я сдерживать себя не собираюсь.

— Избавьте меня от подробностей, ваше сиятельство, — сказал Эльдар. — Давайте ваши побрякушки.

— Вот и славно, — опасно приблизившись, Кошкин надел на запястья чародея браслеты, которые, будто обладая собственной злой волей, прижались к коже со всех сторон.

Мамаев вышел из круга и сел у стола.

— Теперь наконец вы изволите сообщить мне, для чего затеяли эту авантюру?

— Именно эту? — весело переспросил князь. — Извольте. Моя, сударь, драгоценная невеста, как вы уже осведомлены, сновидица и именно в этом качестве интересуется меня более прочего. Мне нужно, чтоб вы, Эльдар Давидович, уговорили ее снять запреты Артемидора.

— Я?

— У вас с нею много общего: одна стихия, общие друзья...

— И вы желаете, чтоб она справилась с запорами, будучи лишенной стихийных сил?

— Не вижу связи. Сновидчество лишь питается огнем, но не исходит от него.

— Питается!

— Ах, вы сызнава торгуетесь, господин Мамаев. Если бы я не собрал на вас полного досье, решил бы, что вы, сударь, — гнум, либо купец. Серафима безо всяких чародейских штучек видит призраков, что напрямую свидетельствует о том, что огонь тут вовсе ни при чем.

Хлопнула входная дверь внизу, дом наполнился громкими голосами.

— Какой великолепный фейерверк! — высоким голосом восхищалась женщина. — Павел Андреевич, я в восторге!

Кошкин поморщился:

— Хозяйка вернулась, время сменить диспозицию. Помогите Серафиме Карповне одеться, она сверхъестественно быстро умудрилась лишиться всей прислуги. — Он пошел к выходу. — И не вздумайте безобразничать. Вы оба, горячие мои, в полной моей власти. И не шалите, я ревнив.

Дробно сбежав по лестнице — Эльдар слышал его топот, Анатолий рассыпался в комплиментах барышне Бобыниной, принялся отдавать распоряжения. Народу там было преизрядно, мужские и женские голоса сливались веселым праздничным хором.

— Сорок девять, — сказала Серафима, будто в бреду.

Мамаев вздохнул и раздвинул дверцы гардероба. В то, что Ванька погиб, он не поверил ни на секунду. А с прочим они разберутся, сдюжат, не впервой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в коей Серафима знакомится со старым паном, а надворная советница Попович способствует берендийскому саморазвитию

Получить оскорбление от старика и не подумать о мести ему не значить унизиться; ему прощают ради его возраста и сдѣинь; точно так же, склоняясь подь благословениемъ епископа или передь маршалскимъ титуломъ.

Вернувшись в спальню, я застала навью за оживленной беседой с Натальей Наумовной. Они обе смолкли при моем появлении, синхронно ко мне обернувшись.

— Что бы она ни говорила тебе, Натали, — начала я, — это ложь. Ты не сможешь...

— Сызнова бредит! — завопила нянька. — Что ж такое, люди добрые?

Дыхание перехватило от сжатия ленты.

— Отчего же не подействовало зелье? — У кузины на подбородке виднелся след засохшей рвоты. — Или, может, обряд?

— Хозяин все исправит, — успокоила навья. — Уж будьте покойны. Ради вас, барышня, он и не на такое способен.

— Ну да. — Наталья, пошатываясь, подошла ко мне, дернула за руку, бросила на изгвазданные простыни. — Скажи спасибо, Фимка, что твое тело мне целехоньким надобно. А то...

Она замахнулась, щеку ожгло ударом.

— Ну-ну, барышня... Серафимочка наша Карповна послушной девочкой будет, полежит в спаленке тише мышки, покамест вы с хозяином беседовать будете. Наталья Наумовна, голубушка, охолоньтеся.

— А если она права и ты мне врешь? — взвизгнула кузина и отвесила затрещину уже навье.

Та зашипела от боли, но покорно опустила глаза в пол:

— Никак не возможно, благодетельница, хозяин велел вас холить и лелеять, и охранять от слов либо действий враждебных. За все время, что вам служу...

— Оставь свой простецкий тон! Незачем более притворяться. Ступай вниз, распорядись, чтоб ужин накрывали.

Оставлять меня наедине с кузиной навья не собиралась.

— Слугам хозяйское слово надобно, — твердо сказала она. — Вы их великолепно вышколили, всем на зависть, только вас они слушают и вам преданы. Мое дело маленькое, наряд для барышни Бобыниной поавантажнее подобрать. Уж побалуйте это тело напоследок, после ему только в рубище хаживать.

И она, гнусно захихикав, раздвинула двери моего гардеробного шкапа. И кузина, купившись на эту немудренную лесть, гордо вскинув голову и расправив плечи, отправилась нести хозяйское слово подданным.

— Постельное белье смердит, — сказала я, когда смогла говорить.

— Потерпишь, — шелестела шелками моих платьев навья. — После-то, конечно, на грязном тебя никто спать заставлять не будет, а пока потерпишь.

Она расправила на спинке кресла бежевую юбку вечернего наряда.

— А чего ты с нею миндальничаешь? — После паузы, поняв, что тему «после» продолжать не желают, спросила я дружелюбно. — Я имею в виду, почему на Наталью Наумовну удавки своей навской не накинешь?

— Не могу. — Вздох был полон сожаления. — Хозяин к этой дуре благоволит.

— Он едва взглянул на нее, когда на Руяне встретил.

— Да не так благоволит, — махнула навья рукой. — Кроме прочего, он ей за услугу признателен, ей и этому вертопраху Бобынину.

— Он тоже услугу оказал? — Я посмотрела на Аркадия, который болтался в углу комнаты на манер воздушного змея.

Кузен прикрыл лицо ладонями, будто от стыда.

— Что-то ты любопытна сверх меры, — прищелкнула пальцами мучительница. — Надоела.

— Сферу-то свою отобрать успела?

Навья вытащила из кармашка коробочку и шурудила в ней пальцами, выбирая пилюлю.

— Успела. Только мне от того успеха выгода малая. Змеюка Наташка нажалуется хозяину, будьте уверены. — Она поискала глазами графин, убедилась, что он пуст и склонилась ко мне. — Глотай. Зелье безвредное, сонное, даже не дурман, подремлешь с часик, пока хозяин решит, что с вами, барышнями, дальше делать.

Мои слабое сопротивление было придавлено отнюдь не фигурально, язык защипало мятным холодком. Ненавижу мяту.

— Ну-ну, огненная наша, успокойся. После сможешь на мне отыграться, недолго уже ждать осталось.

— До бала? — слова вылетали морозными облачками.

— Никто до вашего смешного Рождества ждать не будет, — такая родная Маняшина рука погладила мои волосы, — сегодня или завтра станешь ты, Серафимушка, настоящей сновидицей и нашей хозяйкой.

Крик получился беззвучным, он застыл у лица туманом, завихрился инеем.

— Моя прелестная кузина, — любезно проговорил Аркадий, — желаешь совершить променад?

Рука его была склизкой, будто рыба тревуха.

— Никуда с тобой не пойду. — Я брезгливо отерла ладонь о свой доломан.

— Гусарский костюм тебе к лицу.

— Желаешь это лицо еще и синяками украсить?

Я попыталась топнуть ногой, но лишь лягнула воздух. Парила я у потолка своей же спальни и сверху могла видеть кровать и возлежащую на ней себя.

— Серафима, — грустно сказал кузен, — я был гадким человеком и за то, что творил с тобою и с другими, прощения не заслуживаю.

— Это не тебе решать.

— О том знаю.

— Тогда чего от меня хочешь?

— Суда, Серафима, суда и покаяния.

— Бог судья.

Что-то я бледненькая какая-то. Совсем с лица спала.

Спланировав к самой постели, я осмотрела мраморно-белую кожу и губы того же болезненного цвета. Измучили меня навьи злокозненные, того и гляди, уморят.

— Серафима!

— Ну чего еще?

Раздраженно обернувшись, я увидела, что к Аркадию присоединилась знакомая уже утопленница и три либо четыре едва различимые туманные фигуры.

— Проводи нас.

Утопленница энергично кивала его словам, но говорить, видимо, не могла.

— Мы знаем, ты это можешь, отвести неприкаянную душу туда, где она получит суд и искупление.

Туманных теней становилось все больше, воздух от них темнел и густел, будто кисель. Я заметила небольшой детский силуэт и сморгнула призрачные слезы.

— Попытаюсь. Все собирайтесь, толпой пойдем, — и уточнила сквозь мерцающую мглу: — Не в доме, вас много слишком. К церкви Святого Демьяна ступайте, там встретимся.

На склизкое прикосновение кузена я попыталась не морщиться.

— Можно мне рядом с тобой немного побыть? — спросил жалобно Аркадий.

Не ответив, но и не прогнав призрак, я скользнула сквозь пол, оказавшись на первом этаже. Там проходило чинное новогоднее застолье. В убранной еловыми ветвями и блестящей мишурой столовой выпивало и закусывало десятка полтора гостей. Во главе стола сидела Наталья Наумовна в премиллом бежевом наряде, по правую ее руку заседал князь Кошкин.

— Сызнова его сиятельство сестрицу облапошил, — грустно сообщил кузен. — Всегда одно и то же.

Беседа за столом касалась тем общих и меня не заинтересовала, поэтому я увлекла кузена на двор и направила наше неторопливое движение к Мокоши.

— Аркадий, — попросила я, — расскажи мне все без утайки. Хотя бы в благодарность за проводы.

— Нечего мне теперь таиться. О чем именно узнать желаешь? О князе или о планах Натальи на твой счет?

— Обо всем с самого начала.

— Я был очень плохим человеком, то, что я творил...

— Не повторяйся! Ты был гадким, злобным, ты избивал сестру и торговал запрещенными зельями.

— Это не одновременно произошло. Злонравие, конечно, было со мною изначально. Бог весть отчего, скорее совпали нездоровые наклонности и семейное воспитание. У нас, Бобыниных, женщин всегда в ежовых рукавицах держали. Наталья тоже притеснений не избежала, потому что баба и такая у ней доля. А зелье... Проигрался я тогда подчистую. Это, кстати, тоже наследственное. Ты знала, что батюшка мой наш дом в карты проиграл и что Карп Силыч, твой родитель, его выкупил еще при жизни нашего папеньки?

Я не знала, поэтому только головой качнула.

— Так вот, проигрался я тогда знатно, злился как черт, Наташка куролесила, мама не горюй. Она, чего бы представить ни пыталась, себя не блюла нисколько, кавалеры менялись с дивной скоростью, только никто надолго не задерживался. Наташке рука твердая нужна, сантименты она слабостью мнит. Попался бы кто покрепче... Ах, пустое. Тогда все и началось.

— Что?

— Зелья навские поганые. Человек, которому я проигрался, предложил должок отработать да посулил, что в прибыли останусь. Дело оказалось легким, знакомств среди золотой нашей столичной молодежи у меня всегда было изрядно, а за чарочкой либо за карточным столом предложить партнеру нюхнуть чего возбуждающего в порядке вещей. И, знаешь, деньги в руки пошли сразу. Но надолго не задержались, потому что сам я к зелью пристрастился. Савицкий меня в этом поощрял, говорил, в любой момент бросить смогу. Но я не смог.

— Савицкий? Сигизмунд Кшиштович?

— Так он назывался. Еще пан или хозяин. Однажды, когда мне совсем худо было, денег ни полушки, зелья ни крупинки, попросил меня Савицкий с князем Кошкиным его свести. Мы с Анатолом не так чтоб накоротке были, он за Наташкой волочился, поэтому общались, но неблизко. Сестрица, курица тупая, навооброжала себе всякого, как сиятельной княгиней станет, как в княжьем тереме усядется. Только старуха быстро ей крылышки обломала, пригласила на аудиенцию да выложила по пунктам все Наташкины амурные победы с датами. Невозможно, сказала, чтоб эдакая кокотка в семью Кошкиных проникла. Анатолий, который на той встрече присутствовал, только глазами хлопал, о приключениях предмета страсти узнавая. Но это уже чуть погодя было. Сначала я за карточным столом Анатоля с паном свел. Дружбы там не получилось, я уже потом понял, что это что-то навроде смотрин было. Савицкий князем удовлетворился, а последний вряд ли случайного партнера запомнил. После афронта с Кошкиными Наташка горевала недолго, Сигизмунд вовремя плечо свое мужское подставил. Я от зелья совсем одурел, слова супротив не сказал.

Аркадий заскрипел призрачными зубами.

— Знаешь, Серафима, что в смерти хорошего? Излечивает от пагубной страсти к дурману

моментально.

— Дальше-то что? — поторопила я, потому что вдаль показался колокольный церковный шпиль.

— Савицкий принялся Наташке патоку с елеем в уши лить. Она же мстительная, страсть. «Ах, Натали, надобно вашего неверного Анатоля наказать. И бабуку его старуху тем паче, да так, чтоб содрогнулись».

— А когда ты узнал, что Савицкий нав?

— Не помню, но довольно скоро. Мне это решительно безразлично было, настолько зелье держало, что я его и от черта, и от дьявола, и от нава получать готов был. А сестрица, слабость мою узнав, совсем страх потеряла. Так и жили, то я ее бью, то она меня за понюшку малую по полу на коленях ползать заставляет.

Мы были почти у церкви, воздух вокруг нее туманно клубился. Однако сколько в Мокошь-граде неупокоенных душ!

— Я поняла, Аркадий, — зависла я, остановив движение. — Савицкий захватил тело князя, а ты и Наталья ему в этом помогли.

— Сестрица князя как бы на прощальное свидание нежное зазвала, там они Анатоля и обработали. Только Наташка похитрее меня оказалась, обещаний да клятв с Сигизмунда требовала столько, что на всю жизнь хватит. А использует их потихоньку.

— Теперь она мое тело хочет.

— Про то я не знаю, Серафима. Для них я меньше чем никто — мальчик на посылках, да еще и...

Он навзрыд заплакал страшными кровавыми слезами.

— Ну перестань, — похлопала я по призрачному плечу. — Это еще не конец. У тебя будет возможность все исправить, а уж как ты этой возможностью распорядишься...

— Ты простишь меня?

Подумав меньше мгновения, я кивнула:

— Прощу. Но лишь потому, что ты уже мертв.

— Серафима, сестрица, о Наташке моей непутевой позаботься.

Этого мне обещать не хотелось, поэтому я ускорила, вливая на церковный двор.

— Слушайте все! — Разведя широко руки, я будто обняла ими все пространство перед собой. — Мы сейчас войдем в тонкие пределы, туда, где ткань нашего мира соприкасается с тем, куда вам отправиться предстоит. В последний мне хода нет, но дверцу я вам придержу.

Я взмахнула руками, запрокинула голову, глядя, как от церковного шпиля в ночное небо устремляется чистый луч света. Ах, какое хорошее место! Чистое, светлое, правильное.

— Господи, помоги, — шепнула я, — и прими к себе заблудших сих.

Работенка была не из легких, долгой она была и грустной. Каждый из уходящих задерживался на немножко, что-то говорил или кланялся низко. Я отвечала поклонами. Из-за грани выглядывали яркие разноцветные силуэты. Вот и Аркадий ушел, и его прощальное прикосновение оказалось мягким и приятным.

Я села на камень и вытерла со лба пот рукавом доломана. Место было незнакомым, пустошь на берегу спокойного моря. Издалека донесся звон колокольцев, он приближался, потом появился огонек. Ко мне невидимой тропой шел путник в мешковатом балахоне либо рясе. Огонек горел в навершии деревянного посоха, колокольчики, привязанные к посоху, звенели уже подобно церковным колоколам. Поравнявшись со мною, путник отбросил на плечи капюшон, обнажив голову.

— Иван?

Чародей обернулся на голос, но глаза его не зажглись узнаванием, он меня не увидел.

— Ванечка? Ты где? Что с тобою?

Он водил головой из стороны в сторону, наконец наши глаза встретились.

— Ты умер? — прошептала я с ужасом.

Кивок вместо ответа, заставил меня заорать. Мир взорвался. Я вскочила с постели. За окном взлетали фейерверки, свистели шутихи, народ поздравлял друг друга с наступившим новым годом. В комнате почему-то был Мамаев, а я отчего-то оказалась в одной сорочке, но это меня не заботило. Мой Болван Иванович умер! Как теперь жить?

Ни на день оставить без присмотра нельзя, только отвернулась, он помирать вздумал. Эльдар горячими руками держал меня за плечи, что-то говорил успокаивающе.

Я? Звала? Проведя рукою по груди, я убедилась, что подвески-оберега на ней нет.

Нет, Ваня погибнуть не мог. Я бы почувствовала. Но боль паучьим жалом уже пронзила сердце, и я внутри застыла как отравленная ядом муха.

Кажется, я кричала Мамаеву бежать, кажется, удивилась появлению в своей спальне князя. Странная штука, но все произошедшее потом видела я отстраненно, будто сидела в полутемном зале фильмотеатра, а на белой простыне передо мной двигались две мужские фигуры.

Охолонь, Серафима, не время истерить. Если твой Иван-дурак действительно сей мир покинул, за ним отправишься, как это у вас, баб берендийских положено, и всенепременно любимого отыщешь. Семь пар сапог железных истопчешь, семь хлебов железных изглодаешь. Бывали же случаи, народ врать не будет. Семь на семь — тридцать семь? Вот ты, Серафима, неуч! Ответ неправильный. Если шесть на шесть — тридцать шесть, то семью семь... Сорок девять!

Я вздохнула, но уже не скорбно, а деловито:

— Позволь поинтересоваться, Эльдар Давидович, что тебе в моем гардеробе понадобилось?

Он улыбнулся через плечо:

— Слава богу, в себя пришла. Советуй, барышня Абызова, во что тебя переодевать будем.

Подбородком я указала на серое скромное платье:

— И башмачки к нему легкие, не для улицы.

— Отчего же легкие?

— Ну нас же не пешком конвоировать будут, а там, куда нас отвезут, мне бесшумность шага всенепременно пригодится.

— Все же ты — удивительная женщина. — Чародей выхватил из строя обуви нужную пару. — А платье именно это, потому что застежка у него спереди и тебе не придется моих прикосновений терпеть?

— Ты мне не горничная, — ответила я, смутившись. — Отворачивайся давай!

— Эльдар, — сказала я ему в спину, — зачем ты со мной остался? Ты же понимаешь, что тебя вовсе не для уговоров стропливой сновидицы пленили?

— Понимаю, букашечка, но оставить тебя наедине с этим монстром не мог.

— А бежать мог?

Эльдар пожал плечами:

— Не пытался даже. Тем более его сиятельство так своей победой гордился, рука не поднялась такого милого господина расстраивать.

Я как раз просовывала голову в ворот платья, поэтому хихикнула сдавленно.

— Опять покойников видела? — спросил он осторожно, видно опасаясь моих рыданий.

— В количестве большем, чем обычно.

— И Зорина?

— Во-первых, — проговорила я строго, — прекрати со мной как с яйцом носиться. Я — барышня крепкая, как телом, так и духом. Во-вторых, за припадок истеричный прошу прощения, впредь попытаюсь тебя от них избавить, в-третьих... Зачем Зорин с вашим начальником на Руян отправились?

— Во-первых, — дразнясь начал Мамаев, но махнул рукой. — Ты уверена, что это призрак Ивана был?

— Уверена, что Ивана, но теперь сомневаюсь, что повстречала именно привидение. — Повернувшись к зеркалу, я обернула косу вокруг головы и наскоро заколола ее шпильками. — Тонкие материи так устроены, что их складки изгибаются весьма причудливо. Сонные пределы запросто перетекают в пределы мертвых и граничат с чародейскими путями. Ну то есть нет там границ.

— Любопытно. — Эльдар отобрал у меня шпильки и закрепил их на затылке. — И как он выглядел?

— Путь?

— Иван.

— В мантии такой, — я показала руками струящуюся хламиду, — с капюшоном.

— Меч в руках был?

— Нет, посох он держал, с огоньком и колокольчиками.

— Ну так выдыхай, Серафима, — сказал Мамаев радостно, — Зорин — воин, и на тот свет с оружием в руках отправился бы, так что не придется тебе железный хлеб глотать. Не красней, букашечка, ты вслух размышляла.

Мы присели к столу. Захотелось чаю с ватрушкой.

— Забавно, — улыбнулась я. — У Болвана Ивановича во сне глаза разноцветные, левый — серый, а правый — ярко-синий, как морской камень аквамарин.

— Две стихии нашего Ванечку ведут, вода и ветер, оттого и двойственность облика.

— А у тебя какие глаза? Красные как огонь или чернее угольков?

— Вот придешь ко мне во сне, сама посмотришь.

— А у меня любыми быть могут, — сообщила я хвастливо, — хоть всех цветов радуги, хоть сто штук по всему телу. Эх, будь я сейчас свободна, я бы тебе показала!

— Покажешь, — скривился Мамаев. — Эти нелюди с тебя не слезут, пока сновидческие силы не раскроют. Ты для них сейчас что-то вроде ценного артефакта.

— Ага, они, навы, без артефактов и не могут ничего, для каждого колдовства отдельная цацка требуется. — Я щелкнула пальцем по камее. — Оттого их, видимо, к людским чародеям так тянет.

Эльдар хмыкнул, но, кажется, своим потаенным мыслям.

— Однако, букашечка, ситуация у нас с тобою незавидная. Оба скованы и лишены сил, а те, кто помочь нам могли бы, не в столице нынче. Потянем время, пока...

— Не будем мы ничего тянуть! То есть не сможем. Моя подменная нянька дразнилась, что до Рождества они со мною канителиться не собираются. Положим... Эльдар, я никак в толк не возьму, зачем ты князю понадобился.

— Все просто. Убить меня запросто они не могут, и не потому, что я силы какой-то необычайной, а от того, что тайны их черные дела требуют. Это мы с тобою, в центре бури, весь масштаб происходящего видеть можем, а наружу ничего не просачивается. Навамам в столице жить запрещено, одним своим существованием они законы нарушают. Если оступятся, против них и войска поднимут, наше величество не поморщится. В ситуации, когда их государство с нашим замиричься пытается, шум навамам ни к чему.

— Вот именно. — Князь покачнулся и нетрезво икнул. — Никакого шума и строжайшая тайна. А потом: ба-бах! Много шума!

Он поставил на стол бутылку вина, в которой оставалось на доньшке:

— И никто ничего мне противопоставить не может. В столице из чародеев — только хрено... — он опять икнул, — хироманты да лавочники. Потому что кого-то заковали, — князь развел в стороны руки, — а прочие по чудесным островам бегают, с мелкими демонами сражаются.

Кошкин потянулся к бутылке, но Мамаев попросил:

— Вы бы на хмельное не налегали, ваше сиятельство, сомлеете еще, а Серафиму придушит.

— Болван! — радостно сообщил князь. — Маленький берендийский болванчик. Нешто я эдакой бабенки по глупости лишусь? Она же це-энная, она же мне супругой будет последней, хозяйкой станет.

— В каком таком смысле? — воскликнула я с испугом. — В вашем гнезде хозяйки нету?

— Теперь будет! Ты, милочка, не бойся. Хозяйкой быть хорошо, только и надо, дома сидеть и деток рожать. В принципе, вы, бабы берендийские, для этого и предназначены. А тебе вообще свезло, у тебя не один муж будет, а...

Тело князя содрогнулось, кажется, он собирался блевать. Нет, ковер в моей спальне после огненного круга Эльдара все одно не спасти, но это было уж слишком.

— Не здесь! — закричала я и вытолкала нава за дверь.

— Что это было? — спросил Эльдар.

— Пьяница он, — вздохнула я. — Уж не знаю, личный это его порок или вместе с телом князя Кошкина полученный, но просыхает сей субъект редко.

— Я не о том. Хозяйка?

— Мамаев! Я тебе про ос зачем рассказывала? Хозяйка, матка, королева, как ни назови, женская особь, предназначенная к деторождению. Ты на свиту Князеву посмотри. Он — типичный трутень, фальшивая Маняша — солдат, Сухов — тоже, наверное, трутень... Стой! — Я возбужденно схватила чародея за плечи. — Что он про большой шум болтал?

Эльдар помотал головой:

— Ба-бах?

— Они изгнанники, и гнездо их разоренное, их вообще в рамках ничего не держит. Они в столице обретались только ради прибыли, а теперь ты всю их шайку-лейку к лешему разогнал арестованиями, инкогнито надолго не сохранить, потому что господин канцлер блаженную сновидицу князю на шею подсадил. Что делать? Уходить, громко хлопнув дверью напоследок.

Мамаев качнул головой, но как-то с усилием.

— Что? — испугалась я.

— Кажется, букашечка, меня сейчас самым возмутительным образом калечат.

Он дернулся, закатил глаза, охнул.

— Не волнуйтесь, Серафима Карповна. — Вошедший Сухов был трезв и корректен. — Мы не причиним господину чародею вреда сверх необходимого. Извольте проследовать за мной. Оба.

Пара гусар с оловянными глазами подхватили Эльдара за плечи, адъютант сдернул с его шеи оберег и аккуратно положил на стол. Я с преувеличенной медлительностью достала из комода ридикюль, бросила в него гребень, помаду, носовой платок, аффирмацию князя Кошкина. Сообщила спокойно:

— Я готова.

По рассветным столичным улицам нас провезли в закрытой карете. Нянька сидела с нами, придерживая на коленях ларец со своей драгоценной сферой.

— Наталья Наумовна жива? — самым светским тоном осведомилась я.

— Да что ей сделается? — скривилась нянька. — Жива, здорова, предвкушает, когда ее в резиденцию доставят да обмен телами произведут. Будь моя воля, я бы...

Когда карета остановилась, Мамаев сжав мою руку, шепнул:

— Меня на твоих глазах пытаться будут, букашечка, так ты крепись, мне не впервой.

— Также мне, вестник, — ответила я на пожатие.

Нас вывели наружу, не у парадного, у черного хода, провели через двор. Всю дорогу я ругалась вполголоса:

— Не дал бы на себя этот артефакт нацепить, ничего бы не было. Теперь о тебе еще заботиться прикажете?

Эльдара не отвечал, его сызнава корежило, он брел, едва переставляя ноги, и, кажется, говорить не мог.

Ступеньки оказались столь крутыми, что мне пришлось опереться на руку адъютанта. Мы спустились в классическое подземелье, в котором, я уверена, неплохо смотрелась бы закованная полонянка в обществе томного Ника Беса. Но нынче роль полонянки досталась чародею.

— Ну что за дикость, господа? — воскликнула я, наблюдая, как Мамаева приковывают к стене.

— Приказ хозяина, — ответил оловянноглазый гусар. — При всем почтении, барышня.

— И что теперь? — обратилась я к Сухову.

— Располагайтесь. — Он повел рукой в сторону дощатых нар у противоположной стены, накрытых медвежьей шкурой.

Ощувив давление на горле, я послушно села, куда было велено.

— Дело в следующем. — Адъютант отодвинул шкуру и вытащил на свет стальные браслеты на длинной цепочке. — Ваши кандалы, вмурованные в стену, не позволят вам приблизиться к господину Мамаеву. — Он защелкнул браслеты. — Поэтому вам следует немедленно заснуть и попытаться спасти его сквозь складки тонкого мира.

— Вам именно для этого я понадобилась? Чтоб гнездо ваше таким путем увести?

— Ваш ум, Серафима Карповна, восхищает меня не менее прочих достоинств. — Сухов потянул носом, будто собака обнюхала. — И я непременно выражу свои восторги самым приятным образом, когда вы станете нашей хозяйкой. — Распрямившись, он подошел к сопровождающим. — Саблю.

Один из гусар вытащил из ножен оружие. Я закричала, а адъютант отвел руку с саблей и полоснул Эльдара поперек живота.

— Поторопитесь, Серафима Карповна, — сказал Сухов, вытирая клинок об одежду обмякшего чародея. — Сей молодой человек истечет кровью еще до полудня.

Орала я недолго, но истошно. Когда дверь за мучителями закрылась, принялась звать Эльдара, дергать свои цепи, пытаться расковырять ногтями стенную кладку.

Болван! Как он мог так попасться? А я? Тоже хороша! Два огненных дурака мы с Мамаевым. Два высокомерных чванливых чародея, теперь один из нас через свое высокомерие погибнет, а другой, то есть другая, то есть я...

Я бросилась на шкуру, ушибив затылок.

Спи, дуреха! Это только и можешь сделать. Еще помереть первой можешь, тоже некоторым образом в тонкие пределы попадешь. Только Эльдару этим вряд ли сможешь, нет у привидений особой силы. А еще Зорин дурак, и начальник его рыжий недалеко ушел. Как они могли друга своего бросить? Он не привык в одиночку сражаться!

Где-то капала вода, шуршали в стенах подземные твари. Шум мешал. Я открыла глаза. Не вода это вовсе, кровь. У ног Эльдара на полу образовалась маслянисто поблескивающая лужица.

Помощь. Тебе нужна помощь. Крики не действуют, то ли из подземелья их не слышно, то ли игнорируются. Позвать кого-нибудь можно через сон, либо видение. Например, если здесь есть хоть одна неуспокоенная душа, ты можешь попросить... Нет! Серафима, ты буквально несколько часов назад сопровождала всех городских скитальцев туда, куда они стремились. Оберегов и ты, и Мамаев лишились. У тебя есть только бесполезный гребешок и губная помада...

Я выпрямилась на нарах, посмотрела налево, направо. Ридикюль лежал на полу, почти касаясь кровавой лужи.

На ноги встать получилось, но сделать хотя бы шаг мешали цепи. Усевшись на холодный пол, я вытянула ноги, повернулась боком и носком правого башмачка зацепила ручку ридикюля. Манифик! Или даже перфектно!

Извиваясь по-змеиному, я заползла на нары, чтоб ослабить цепь, схватила аффирмацию и напевно ее зачала, обводя глазами каждую букровку. Слова не значили ничего, были какой-то тарабарщиной. Ничего не почувствовав, я их повторила и присовокупила:

— Анатолий Ефремович, меня зовут Серафима Абызова, явитесь ко мне немедленно... Будьте любезны... Умоляю!

Слезы, что заструились по моим щекам, были беззвучны, именно поэтому мне удалось вскорости услышать за дверью неровные шаркающие шаги и стук трости о камень пола.

— Блаженная Серафима Абызова, — прошелестел старец, распахивая дверь.

— Ваше сиятельство, — шмыгнула я носом, — князь Кошкин настоящий.

— Тсс. — Он подмигнул мне белесым глазом. — Старый пан к услугам вашим.

Он прошаркал к Эльдару, поцокал языком:

— Однако плохи дела.

— Вы можете остановить кровь?

— Поглядим. — Старый пан с усилием разорвал на Мамаеве сорочку, обнажив живот, покрутил набалдашник своей трости и обильно полил рану, судя по донесшемуся до меня запаху, коньяком. — Угощайтесь.

Он протянул мне трость, в которой плескалось еще презрительно. Я, не чинясь, отхлебнула.

— Ваша нянюшка, Серафима, — старец рылся в карманах просторного шлафрока, — то есть, я хотел сказать, моя сиделка мадемуазель Лулу, снабжает меня всякими полезными зельями, думаю, одно из них вполне пригодится.

Он опустился на колени, придерживаясь за стену и ревматически скрипя суставами, раскрыл жестяную коробочку, достал из нее полупрозрачную зеленую пастилку.

Движения старого пана были столь медленны и неуверенны, что я сызнова поднесла к губам трость. Быстрее, господи! Быстрее!

Живот Эльдара пересекала косая алая черта, о глубине раны я могла лишь догадываться. Старец налепил пастилку на рану, провел поверх скрюченным пальцем, чародей застонал.

— Хороший знак, — прошелестел пан и налепил рядом еще одну.

«Хороший тост! За хороший знак!» — подумала я и проглотила очередной огненный шарик коньяка.

Полоса на животе Эльдара стала зеленой после пятой пастилки, старик, кряхтя и держась за стену, поднялся.

— Позвольте, барышня.

Отобрав у меня свой чудо-сосуд, пан запрокинул Мамаеву голову и влил ему в рот изрядную порцию.

— Пусть поспит страдалец. Большого я сделать, к прискорбию, не в состоянии.

Спаситель проковылял ко мне и тяжело опустился на нары.

— Вы и так сделали больше, чем могла я. Благодарю. Позвольте вернуть вам вашу аффирмацию, ваше сиятельство.

Берестяная грамотка скрылась в кармане шлафрока.

— Давайте без титулов, Серафима. Какое я теперь сиятельство...

— Настоящее! Благородный рыцарь! Вы спасли моего друга, вы единственный пришли нам на помощь! Вы...

— Давайте выпьем? — предложил собеседник. — Это то небольшое удовольствие, что нам остается.

Приложившись по очереди к тросточке, мы улыбнулись друг другу.

— Маняша ругается за хмельное? — спросила я доверительно.

— Конечно.

— Ой, — всполошилась я. — Вам же в дорогу собираться надо, а вы с нами возитесь. Только, ваше сиятельство, должна вас предупредить, что отъезда не получится. Маняшу сразу же арестуют и в

чародейский приказ уведут...

Сбивчиво я поведала спасителю о своих и сыскной барышни Попович коварных планах.

— Ладно придумали, девицы, — похвалил тот. — Только отъезда не получится по другой причине. Передумала моя Маняша.

— Как так?

— Так. — Он грустно хмыкнул. — Перед встречей Новогодья я почивал, по стариковскому обычаю, а по пробуждению подруги своей не обнаружил, зато прочел от нее прощальную записку.

Князь порылся в кармане, теперь внутреннем, и протянул мне бумажный лоскуток. «Ушла, — значилось там. — Не поминай лихом, ежели чего. Не забудь кушак из собачьей шерсти повязать. М.»

— Повязали? — спросила я, возвращая записку. — А то она ругаться будет, ежели нет.

Князь улыбнулся и отодвинул полу халата, продемонстрировав мне вязаный пояс.

— Вернется ваша милая, — пообещала я твердо.

В голове шумело от выпитого, живот возмущался тем, что я в него без закуски хмельного залила. Эх, сейчас бы картошечки с жареной рыбой! Но картошечки в подземелье не было, поэтому мы выпили за Новый год. Настоящий Кошкин оказался человеком приятным до чрезвычайности. Мне стало понятно, отчего моя Неелова так к нему прониклась. Князь обладал живым умом, хорошо и складно говорил, с улыбкою воспринимал действительность. Он без экивоков поведал мне грустную историю своей жизни. Вертопрах был, картежник и гуляка, за что и поплатился. На Наталью зла за произошедшее, к удивлению моему, не держал.

— У женщин в нашем отечестве, Серафима, доля незавидная, если она к правильному мужчине не приклеится. Натали всего лишь пыталась выжить и преуспеть по своему разумению. Трещинка у нее в душе была, в эту трещинку навий яд и проник, голову ей заморочил. Думаете, я в прошлом своем качестве хоть сколько Наталье Наумовне сочувствовал? Где там! Гранд-мама немало сил приложила, чтоб в землю втоптать, парию из нее сделать. А я мешать и не думал, во все тяжкие сызнава пустился, чтоб унижение свое скрыть. Стыдно сказать, когда Натали мне свидание назначила, я на него с таким мерзким предвкушением отправился, отыгаться планировал, оскандалить барышню, опорочить...

Князь со вздохом покачал головой.

— Позор, мужчины и дворянина недостойный. Приятелей с собою прихватил, чтоб дождались в засаде и свидетелями в самый пикантный момент оказались. Домик у меня был для жарких встреч, у самого берега Мокоши. Так я в саду целый секрет обустроил, чтобы, значит, на спальню обзор был хороший, а зрители до поры незаметны. Подлый дурак! После, когда на койке больничной в себя пришел, никак поверить метаморфозе не желал. Лекарь говорит: «Богу молись, дедушка, что тебя живым из-под завалов раскопали». А я ему: «Какой я тебе дедушка, холоп? Я сиятельный князь Кошкин!»

— Из-под каких завалов?

— Оказалось, что именно тем вечером оползень произошел, гнездышко мое тайное и сложилось на манер карточного домика. Пьяные друзья, конечно, князя спасать бросились, не меня. Лекарь посмеялся над моим заявлением, но без злобы, подумал, что старичка по голове приложило, вот он и фантазирует. Та ночь, что я в общественной городской больнице провел, многое во мне изменила. Представьте, палата коек на полета, и на каждой страдалец какой-нибудь мается. Публика нечистая, будто с доньшка зачерпнули. Крики, стоны, амбре. И я, сумасшедшая развалина, без друзей и родни, без средств к существованию и без возможности их заработать. И тогда я струсил, Серафима. Сбежал, даже не поблагодарив лекарей, и в резиденцию отправился, а там в ноги новому князю поклонился.

По морщинистой щеке собеседника скатилась слеза, я похлопала его по руке:

— Полноте, ваше сиятельство. И никакая это не трусость, а лишь рассудочность. Не приди вы к наву, что с вами бы случилось? Доживали бы дни в общественной богадельне. Не корите себя, гордыня — грех, вы ее попрали. И грехи свои искупили за прошедшие годы.

Я говорила горячо и искренне, представив ту бездну, что разверзлась тогда перед сиятельным молодым человеком.

— В моем теперешним облике, Серафима, — он улыбнулся, — немалые преимущества таятся.

Дряхлое тело способствует жизни размеренной, лишенной пороков. Дни стариковские длинные, находится время и о душе задуматься, и ум развить. К чтению я пристрастился, библиотеку посещать мне не запрещено.

— Как великодушно со стороны вашего тюремщика, — не удержалась я от сарказма.

— К счастью, я мало его занимаю. Поначалу нужен был, чтоб новый князь впросак в обществе не попал, чтоб знал, как и с кем себя вести положено, как и в каком случае одеваться. Политес нашего сословия наву был в новинку, тут я ему и пригодился.

— А бабушка ваша что же?

— Ее касается один из немногих запретов. Старой княгине на глаза попадаться мне не велено, живу в гостевом домике. — Князь махнул рукою куда-то в сторону. — Домочадцам сообщили, что я бывший его сиятельства гувернер, которому он вспомоществование оказывает. Сразу после обряда выглядел я не в пример моложе, но тело стало дряхлеть с невероятной скоростью. Вскоре стал отзываться на «старый пан» и с участью своей смирился. Резиденция Кошкиных понемногу наполнялась навами, они сменяли прислугу и солдат. Сейчас людей здесь всего несколько осталось, прочие — нелюди, что только хозяину своему служат. Гранд-мама тоже сдала, заперлась в доме, десять лет почти никуда из покоев личных не выходит. Ах, Серафима, если б вы раньше ее увидели! Воительница, тигрица, в железных рукавицах хозяйство да родню держала.

— М-да, — выдавила я сочувственно, вспомнив болезненную старушку в огромной кровати.

Мы помолчали и допили наконец содержимое тросточки. Мне хотелось расспросить князя о Маняше, о том, как они встретились, когда поняли, что их что-то кроме дружбы связывает, но тут проснулся прикованный к стене Мамаев.

— Не хотелось прерывать ваше дружеское застолье, — хрипло сказал он, — но нас в любой момент визитом могут обрадовать.

— Как твой живот?

— Будто не мой, — слегка нетрезво ухмыльнулся чародей. — Спасибо, ваше сиятельство, за лечение.

Князь в ответ чуть наклонил голову. Высокомерный жест, вельможный. Эльдар представился, как положено, и спросил:

— Снаружи как дверь запирается?

— На ключ, но он в скважине торчит.

— Чудесно. Ваше сиятельство, тогда, будьте любезны, нас с барышней Абызовой запереть, а ключ... Не знаю, бросьте где-нибудь по дороге, чтоб его не нашли.

— Я мог бы пробраться в сарай и выкрасть для вас какие-нибудь инструменты.

— Нет, — пробормотал Эльдар. — Вы нам немного времени выиграете, а сами сообщите в чародейский приказ обо всем.

Князь навинтил на трость набалдашник и, опершись на нее, захромал к выходу.

— Поберегите себя, Серафима. — У порога он поклонился, скрипнув спиной. — Иначе Мария Анисьевна себе этого никогда не простит.

Не дожидаясь ответа, он вышел, и до нас донеслось звяканье железа о железо, в замке проворачивался ключ.

— Крепкие двери, — сказала я одобрительно, — ломать их долго придется.

— В любом случае, букашечка, любые петли рано или поздно слетают, и возьмут нас тепленькими.

— Ну не сейчас ведь. Может, старый пан успеет Геле весточку передать, и она с Брютом нас спасет. У канцлера, я знаю, уйма всяческих способов супротив чародеев припасено, думаю они и против навов сработают. А ты не спи, пытайся от артефакта поганого освободиться!

— Слушаюсь и повинуюсь.

Я удивленно на него посмотрела. Чародей пьян? Однако как его с малой толики развезло.

Мамаев замер, сосредоточенно прикрыв глаза, я, чтоб времени не терять, принялась дергать за

цепочку, стараясь выдернуть ее из стены. Рывок, второй, третий... Примерно на восьмом десятке — я уже успела возпрететь от усилий — цепь слегка поддалась. Я вскрикнула и уперлась ногами в стену, до звона натянув звенья. Ну же! Р-раз!

Преобольно стукнувшись спиной о доски, я расхохоталась.

— Молодец, — сказал Эльдар. — Работаем.

Дверь содрогнулась от удара.

— Быстрее, Серафима. У нас минуты две, если они поднесут таран.

— Делать что? — подбежала я к нему.

Я подумала, что поднести-то они поднесут, только в узком коридоре размахнуться не получится, удар по косою пойдет. А вторая мысль была страшной. Князь может меня придушить без дверевыбивания, и Эльдара, и... Эту мысль я додумывать не стала.

Чародей пьяненько мне подмигнул:

— Огоньком меня, барышня, не угостите?

Я воззрилась на нахала, заметила, что вокруг его черных зрачков проявились ярко-алые ободки.

Грохот ударов оглушал, Мамаев перешел на крик:

— Обними меня, блаженная, да так крепко, как только сможешь. Если силы вместе сольем...

Не дослушав, я обвила шею Эльдара, поерзала, перекинула ему через голову свою цепь, чтоб не мешалась, и прижалась всем телом к его.

— Больно?

— Молчи, сосредоточься, войди в огонь.

Не получалось у меня сосредоточиться. Грохот-то какой! Ну, положим, грохотом можно пренебречь, а вот то, что я в такой неприличной близости от мужчины...

Раздраженно скрипнув зубами, я вжалась в чародея изо всех сил. Томность? Любоострастие? Плевать. Если наша огненная страсть делу пригодится, на все плевать.

Запрокинув голову, я посмотрела Эльдару в глаза, отчего-то мне показалось, что полны они не страсти, а любви и тихой грусти. Алые ободки у зрачков расширились, завертели, налились золотистыми отблесками. Я смотрела в них не отрываясь. Неклюды умеют заставлять животных прыгать через горящие кольца на потеху публике. Стану зверем. Притворюсь, воображу, я умею. Мур-р... То есть, ав-р! Серафима, жги! Я прыгнула в круг бушующего пламени.

Дверь слетела с петель и рухнула на пол камеры. Все было кончено.

Если верить народным приметам, год Евангелине Романовне предстоял, во-первых, до крайности суетливый, а во-вторых, полный служебных нарушений. Она встретила Новогодье на площади, где мокошьградская публика собиралась, любовалась салютами и угощалась разнообразными горячительными напитками. Диспозиция позволяла сыскарке одновременно следить как за главными воротами княжеской резиденции, так и за тайной боковой калиткой, выходящей в тупиковый переулок. Слежку предполагалось вести до утра, поэтому девушка запаслась у лоточника дюжиной горячих пирожков, остывших, впрочем, до обидного скоро. Холодное тесто стало невкусным, Геля спрятала пакет с пирожками за пазуху. Голод не тетка, до рассвета еще, глядишь, лакомством покажутся.

Утра ждать не пришлось. Когда фейерверки отгрохотали, а площадь почти опустела, из тупикового переулочка показалась одинокая женская фигурка. Одета мадемуазель Мерло была престранно, в овчинный тулуп и валенки не по размеру, отчего ступала с преувеличенной осторожностью, чтоб не оставить обувку в снегу.

Попович подождала, пока объект пройдет мимо, и пристроилась шагах в десяти, не забывая использовать для прикрытия немногочисленных прохожих, сугробы, афишные тумбы и фонарные столбы. Нянька, слежки, видимо, не опасавшаяся, ни разу не обернулась. Багажа при ней не было, шла налегке, с уверенностью, говорящей как о знании ею местности, так и о цели прогулки.

Миновали площадь, променадную аллею, мерцающую праздничными фонариками, набережную,

оставив справа здание чародейского приказа.

Мост был запружен транспортом, Геля немного сократила расстояние до объекта на случай, если нянька наймет извозчика, но та ванек игнорировала, двигаясь довольно ходко. На пустынной Цветочной улице сыскарке вновь пришлось отстать. Хвостом она работала уже около полутора часов и даже слегка взопрела. Думать ни о чем не думала, разум Попович был устроен столь простецким образом, что размышлять сразу о нескольких вещах не мог, зато основную мысль держал крепко. Сей момент задача была не упустить объект, довести до цели. И эту задачу Евангелина Романовна исполняла перфектно, на свое зеленое крыльцо даже не взглянула.

Ближе к концу улицы снег убирали прескверно, потому что заканчивалась она тупиком, то есть у кованых ворот нежилого двухэтажного особняка. Идти стало труднее, нянька поминутно останавливалась, выдергивая из сугробов свои валенки, а выбравшись на расчищенный у ворот пятачок, энергично затопала.

Геля, скрывшись в тени, поглядела на дом, как оказалось, вполне жилой. В нескольких окнах горел свет, труба над правым крылом дымила, сквозь ажурную ковку ограды виднелись во дворе человеческие следы.

Потоптавшись у ворот, нянька со вниманием их осмотрела и быстро обернулась к улице. Сыскарка ждала, не двинувшись с места. Пусть Нееловой отопрут и впустят ее внутрь, а уж Геля вполне в состоянии найти лазейку, чтоб продолжить наблюдение.

Убедившись, что свидетелей нет, нянька сняла с рук варежки, засунула их за пазуху и голыми ладонями слегка толкнула кованые створки. Те распахнулись, как от мощного удара, подняв в воздух снежные вихри. Сразу же в доме потух свет. Неелова подождала с полминуты, видимо, для эффективности, и пошла к крыльцу, держа спину преувеличенно прямо.

Попович порылась в кармане и нацепила на нос очки с чародейскими стеклами. Рунная вязь мерцала как на воротах, так и по всей ограде, видимо защищая дом от случайных визитеров.

Нянька остановилась, не дойдя до ступеней, парные подъездные фонари освещали ее фигуру в обрамлении античных колонн, придерживающих козырек. Она взмахнула руками, будто крыльями. Раз, другой. Волшбы Геля не увидела, чай не чародейское колдовство, ведьмовское, но запахло странно, не по-зимнему, соленым жарким морем и розовым маслом, густо и приторно.

Дверь распахнулась, на крыльцо вышла женская фигура, в которой моментально опознала девица Фюллиг, двадцати четырех лет, купеческого сословия, горничная Серафимы Абызовой, привезенная с Рюана.

— Сильна ты, сестра, — проговорила она гортанно. — С чем пожаловала? Как тебя звать-величать?

Что ответила нянька, услышать не удалось, но обе женщины после ее ответа скрылись в доме, где вскоре зажегся свет на первом этаже.

Геля прошмыгнула за ворота за мгновение перед тем, как они сами собой захлопнулись, и, избегая освещенных фонарями мест, прошла вдоль стены, обогнула дом. Позади обнаружилась терраса, ступени которой спускались в сад. Видимо, под снегом скрывалась дорожка, в другое время года ведущая к пруду. Пруд сыскарку не интересовал, а вот обзорные окна более чем. За ними было светло, поэтому, почти не таясь, удалось приблизиться к ним вплотную. В зале первого этажа стояли уже три женщины: Неелова, девица Фюллиг и вторая Серафимина горничная по фамилии Царт. Пока Попович раздумывала, как ей подслушать беседу, и обещала себе освоить наконец чтение по губам, так в ее работе потребное, женщины, видно до чего-то договорившись, направились на второй этаж по легкой ажурной лесенке.

Геля быстро осмотрела окна, хмыкнула и, подобрав полы шубы, взобралась по планкам стенного трельяжа, оплетенного голыми ветвями винограда. Поставив колено на широкий подоконник, она засунула дужку очков под оконную раму, со второй попытки зацепила шпингалет и, сдвинув окно, забралась в темную комнату. Перфектно. Помещение было нежилым, кладовка либо чулан, дверь его выходила в коридор. Отряхнув с себя снег, чтоб не следить, Геля отправилась на разведку, ориентируясь на доносившийся звук голосов.

Коридор вывел ее на площадку, с которой симметричными полукругами спускались лестницы. Голоса звучали из-за центральной полуоткрытой двери.

— При всем уважении, Лариса Павловна, — говорила девица Царт, — хотелось бы лично увидеть доказательства.

— Да что тебе еще надо, полоумная? — Этот голос Геле не был знаком, довольно низкий и раскатистый, он, казалось не помещался на втором этаже, полукружиями лестниц стекая на первый. — Ну хорошо, если тебе так угодно, попросим госпожу Неелову нам это доказательство

продемонстрировать.

— Вот еще! Не желаю перед всякими финтифлюшками разоблачаться! Пусть сперва они свои метки покажут!

— И нисколько не трудно!

Попович осторожно заглянула в щель. За нею обнаружилась круглая зала с хрустальной люстрой под потолком, мебель, накрытая полотняными чехлами. В одном из расчехленных кресел сидела корпулентная брюнетка лет сорока на вид, у ее плеча стояла девица Фюллиг, а девица Царт неподалеку скатывала с ноги плотный чулок, нянька ждала, скрестив на груди руки. Шубы на ней уже не было, с валенок натекла на пол лужа.

— Гляди! — Марта ткнула пальцем себе под коленку. — Съела?

Неелова кивнула высокомерно, повела подбородком на другую горничную:

— Теперь ты.

Толстушка приблизилась, закатала рукав платья.

— Мелочь вы пузатая, — вздохнула нянька и принялась расстегивать платье.

До Гели донесся сочувственный шепот горничных.

Платье осело на пол серым сугробом, поверх которого упал тонкий белый лен сорочки. Нянька стояла к двери спиной, поэтому алую извивистую ведьмину метку сначала лицезрела сыскарка, а после — Геля успела отшатнуться от щели, знак продемонстрировали прочим.

В зале воцарилась почтительная тишина. Когда Попович вернулась к подглядыванию, Маняша уже стягивала на груди ворот сорочки.

— А вам, барыня, есть что показать?

— Есть! — хохотнула брюнетка и хлопнула пухлой ладонью по колену. — Только не девицам либо бабам. Не обделила природа прелестями обильными.

Отсмеявшись, она продолжила:

— Меток на мне нет, потому что ни разу не ведьма. Да ты присаживайся, в ногах правды нет. Все расскажу, все обскажу... Девицы-красавицы, чехлы-то с кресел снимайте, гости у вас нынче, а вскорости еще пожалуют.

Странное ощущение, будто голень ее царапают острые когти, посетило Попович, когда в зале шуршали полотна и двигалась мебель. Опустив глаза, Геля встретила жалобный взгляд Бубусика.

— Ав-р.

— Тсс, — попросила девушка, присев на корточки. — Не шуми, ты меня выдашь.

— Ав-р-р?

Собачечка вскарабкался ей на колени, ткнулся мокрым носом в подбородок, заерзал, пробираясь за пазуху.

Пирожки! Стараясь не шуршать пакетом, Геля поставила на пол Бубусика и положила перед ним горку стылого теста:

— Угощайся, только не шуми и не чавкай.

Собачечка вздохнул тихонько, выражая безмерное свое счастье, и приступил к трапезе.

Сыскарка приникла к щели. Марты сидели рядышком и держались за руки. Маняша расположилась в кресле вполоборота к Ларисе Павловне. Говорила последняя:

— Я чего тебя вызвала, именно для этого, Серафиме твоей блаженной помочь.

— Читать обучена, — фыркнула нянька. — Ты, барыня, именно так в послании своем надушенном написала: «Хозяйка твоя Абызова в смертельной опасности, не придешь, беда будет». Так что ты за птица сама?

— Неравнодушная подданная.

— А «ОБС», которым ты подписалась, что за зверь?

— Аббревиатура!

Маняша ответила в рифму и неприлично. Супротив ожиданиям, толстуха рассмеялась:

— Велик наш народ, и соленую шутку может вернуть, и с супостатом поквитаться. «ОБС», остроумная ты моя, это «Общества Берендийского саморазвития», почетным и бессменным председателем которого я, Лариса Шароклякина, являюсь. Целью своею мы процветание империи видим.

Бубусик вздохнул, приступая ко второму пирожку.

— Мы, женщины государства Берендийского, не только носы сопливых отпрысков вытирать способны... — продолжала председатель.

Из дальнейшей ознакомительной речи следовало, что организация сия дамская разветвлена и неоднородна и что лучшие представительницы всех слоев общества в ней состоят.

Попович подумала, что похожие фразы слышала она на заседании столичного клуба суфражисток, и прониклась к Шароклякиной уважением. Нянька же, картинно зевнув, спросила:

— Откуда про перемену тел прознала?

Ответ был не в рифму, но за гранью хорошего тона.

— Не умеешь, не берись, — скривилась Маняша. — Не желаешь источник выдавать, не надо. Про что еще пронюхала?

Пухлые плечи поднялись и опустились.

— Будем считать, что про все. Потому что к тебе у меня вопросов не имеется.

Бубусик дернул за полу шубы, Геля опустила голову. Пирожков на полу не было, но собачечка пытался привлечь ее внимание вовсе не к сему прискорбному факту. Он тянул девушку от двери, к бархатным гардинам, складками укрывающим стенную нишу. Мелодичный перезвон колокольчиков разнесся по дому.

— Вот и гости пожаловали, — возвестила Шароклякина. — Встречайте.

Сыскарка юркнула за гардину до того, как двери залы настезь распахнулись, и замерла в нише, прижимая к груди Бубусика.

— Молодец, — шепнула она в мохнатое ушко.

— Ав-р...

Обе горничные дробно сбежали на первый этаж, а Лариса Павловна продолжала беседу с Маняшей:

— Если навы сновидицу в свое распоряжение получают, беда будет. Серафима наша, конечно, сильна, но молода еще и неопытна, ежели запоры свои поломает, даже подумать страшно. Не перебивай! Если бы сейчас в столице хоть сколько-нибудь сильные чародеи обретались, в услугах ведьм нужды бы не было.

— Да что мы супротив навов можем?

— Поодиночке ничего, но, ежели ведьмин круг составить... Да и не против этой нечисти я тебя на битву призываю. Надо просто у Серафимы сонные силы забрать, те крохи, что имеются, вы же забирать горазды. Ближе тебя к хозяйке никто не подпустит, поэтому круг надобен, чтоб ты издали смогла к ней дотянуться.

— Заранее это планировала? Сарматки ведьмами не случайно оказались?

Внизу снимали шубы и топали ногами пришедшие, поэтому Геле приходилось напрягать слух.

— Ведьмами случайно, а вот в столицу они нарочно приехали. Руянские твои сестры очень сновидицу обожают, вот и снарядили девиц сих для присмотра.

— Слабы девицы.

— Какие есть. Предполагаю, что тамошние сильные уже едва ходить через дряхлость свою могут.

— Ладно, — просто сказала Маняша. — Тем паче, что для круга... Ты скольких сюда призвала?

— Прибыли шестеро. — Лестница уже скрипела под шагами прибывших. — Девять ведьм составят круг, силы свои приумножат, на дело правое направят. У нас в обществе всякой твари по паре, и ведьмы сыскались.

Выглянув осторожно за гардину, Попович пересчитала поднимающихся по лестнице женщин. Кроме горничных их было всего трое. Все скрыли лица под плотными маскарадными масками, но по платью можно было заключить, что принадлежат они к разным сословиям. Рослая шатенка была явно купчихой, с излишним шиком наряженной, дамочка с глубоким декольте и шлейфом дешевых духов — певичкой либо актеркой, а сгорбленная старушка с седыми букольками блеснула ярким светом фамильных бриллиантов на пальцах.

Шароклякина тоже считать умела:

— Где остальные?

— Не смогли. — Старушка проковыляла к свободному креслу и опустилась в него со вздохом облегчения. — Эл... То есть кого-то муж не отпустил, кого-то родители, а последнюю праздничные возлияния подкосили.

Двери залы остались нараспашку, подойти к ним Геля не могла, поэтому подглядывания получались отрывочными.

— Шестерых не хватит? — спросила Лариса Павловна.

— Семерых, — ответила Маняша. — Не хватит. Три да три, да три, девятая отпирает, девятая запирает...

Она подошла к каждой из ведьм, их рассматривая.

— Зря собрались, значит. Ну что ж, сестрички, засим я, пожалуй, откланяюсь.

— Ты же самого интересного не знаешь, — сказала Шароклякина. — Думаешь, отчего сарматские девицы не Серафиму сторожат, а здесь обретаются? Твоей хозяйке на шею удавку накинули, чтоб огонь ее подавить.

Шаги остановились у двери.

— Мы тоже с удавками были, — всхлипнула девица Фюллиг. — Барышня с нас поганые вещи посрывала, велела здесь укрыться. Завсегда про нас думает.

Плач удвоился, девица Царт не отставала от подруги.

Нянька ругнулась.

— Так чего вы молчали? Отобрать? Серафима беззащитна там пред этими тварями! Ведьмы? Чародеи нам надобны! Где эти... как их там? Где Зорин?

— Иван Иванович с начальником на Руян отправились, тамошние навьи схроны потрошить, — грустно сообщила Шароклякина. — А третий великий чародей, басурманин Мамаев, по мои сведениям, в отеле «Лузитания» Новогодье встречать собирался.

— Это далеко? — деловито спросила Маняша. — Надо немедленно...

— Отель-то недалеко, — звонким голоском проговорила девица в маске, — только Эльдара Давидовича там уже нет. Он еще до фейерверков выбежал да в ночи сгинул. Мы с подружками еще удивлялись...

Дверь содрогнулась от удара, Мария Неелова засадила в нее кулаком. Геля прикоснулась к оберегу на шее, послав Мамаеву зов. Подвеска-буковка, вопреки обыкновению, не потеплела, будто на том конце чародейской ниточки никого не было. Что это значит, девушка знала, и это знание ее встревожило.

Маняша колотила в сворку:

— Руян! Да даже пусть остров, даже и через море! Сарматки-то связь с родной землей какую-то сохранили. Найдите мне еще двоих! Любых! Мужики, бабы, все едино, главное, чтоб душа была живая и чтоб размер поболее кошки. Я — ведьма! Я, Мария дочь Анисия, самая сильная ведьма в этом стылом городе, достану нам чародеев, пусть даже это будет последнее, что я в этой жизни совершу! Мы, ведьмы, только забирать горазды, заберем версты, что Мокошь-град от острова отделяют, и всех делов.

— Ав-р?

— Да, разбойник, — кивнула Евангелина Романовна, — только тебе придется сызнова стать сонным котом Гавром, потому что Бубусик размерами великой ведьме Маняше не подойдет.

Собачечка спрыгнул с ее рук, начав трансформацию в полете. Геля ждать ее окончания не стала, вошла в распахнутые двери, кивнула:

— Доброй ночи, дамы. Надворная советница Попович чародейского приказа к вашим услугам.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в коей блаженной Серафиме пригождаются коммерческие уроки господина Абызова

Болтунъ, завистникъ, недоброжелатель, любопытный не только способенъ перессорить лучшихъ друзей, надѣлать величайшихъ бѣдъ, заставить страдать невинныхъ, но не можетъ даже надѣяться имѣть друзей.

Сколько неприятностей и даже несчастій можетъ наделать одно какое-нибудь неосторожное слово, сказанное иногда безъ всякаго злаго умысла!

Наталья Наумовна хлопотала по хозяйству. Хотя утро было ранним, она велела приходящей прислуге приступить к установке праздничной рождественской ели. Мокошьградское общество в вопросе времени установки праздничного дерева во мнениях расходилось. Новомодные правила предлагали и Новогодье встречать при украшенных хвойных ветвях, но барышня Бобынина придерживалась семейных традиций. Первое число сечения, и никак иначе. На второй этаж она поднялась лишь раз, проведив дорогих гостей, осмотрела разгром и прикрыла дверь спальни. Успеется. Да и не ее это дело, о порядке заботиться. После, когда Аркадий вернется в отчий дом, пусть сам наймет людей для уборки и починки. Она в это время будет уже обживать другое, более соответствующее ее статусу, гнездышко. Сигизмунд твердо ей это обещал. Она станет княгиней Серафимой Кошкиной и перво-наперво превратит в ад жизнь ненавистной старухи. Кроме юной внешности, абызовских капиталов и сиятельного супруга приобретет она чародейские способности дурочки-кузины. В последнем у нее до недавнего времени оставались кое-какие сомнения, но алая ведьмина метка на спине фальшивой Маняши Нееловой Наталью убедила. Хозяин велел своей навье нынче ночью заголиться и метку ей показать.

— Видишь, голубка, наша Лулу от загорской крестьянки вместе с телом и силу обрела.

Натали возразила:

— Но Лулу и раньше могла колдовать.

— При помощи артефактов, — хмыкнул князь. — При этом искусно маскируя проклятия и наговоры под чародейские.

— Пусть сейчас мне ведьмовство продемонстрирует, — капризничала барышня.

Хозяин каприз удовлетворил, его гусары доставили к застолью клетку с голубями, и Лулу свернула птицам шеи, не прикасаясь, лишь шепча рифмованные заклинания. Ну да, ведьмы могут лишь забирать, эта забрала жизни. Голубей Наталья велела кухарке запечь, и встретила Новый год в самом радостном расположении духа. Сигизмунд ее не обманет, не посмеет. Держит его Наталья Наумовна крепко. И дело тут не в благодарности за помощь с телом мерзавца Анатоля, не только в ней. Дело-тело, два тела, одно дело.

Барышня Бобынина в предвкушении рассмеялась, отчего работник, внесший в гостиную коробку с елочными украшениями, споткнулся о край ковра. Дверной звонок спас растяпу от выволочки. Наталья выглянула в прихожую, ни один из приходящих слуг, разгильдяев безголовых, не подумал запереть дверь. Звонок прозвучал еще дважды, после в прихожую вошел нелепо одетый мужик, в котором с некоторым усилием Наталья узнала Сонечкиного брата Семена Аристарховича Крестовского.

— Простите за вторжение, Наталья Наумовна. — Чародей снял с головы меховой колпак с длинными ушами. — Мне срочно нужно видеть барышню Абызову.

На ногах у него были чудовищные сапоги из шкур, и меховые штаны над ними, и шуба, перетянутая у пояса железными веригами.

— Фимочка нездорова, — пролепетала Натали, прижав к груди руки. — Она не сможет вас принять.

— Вынужден настаивать, — скучным голосом начал Крестовский.

— Посторонись, Семен. — Иван Иванович отодвинул начальника плечом и протиснулся в прихожую. — Нет времени канителиться.

— Ванечка! — ахнула Натали. — Как я ждала!

Но Зорин, на нее не взглянув, ринулся по лестнице, его монашеская ряса развевалась крыльями диковинной птицы.

Барышня Бобынина лишилась чувств столь стремительно, что Семен Аристархович едва успел ее подхватить.

— Геля! — рывкнул он над ухом сомлевшей так, что та обязательно пришла бы в себя, будь обморок настоящим.

— Шеф? — Рыжая Попович белкой впрыгнула в дом.

Наталью Наумовну внесли в гостиную, уложили на кушетку, Попович хлопотала, Крестовский, велел работнику оставаться на месте, но разрешив коробку все же поставить на пол, отправился следом за Зориным. Но тот уже сбегал ему навстречу.

— Пусто. — Он поднял руку, из которой свисал на цепочке лунный серпик. — Эльдар точно был здесь, на ковре подпалины. И вот еще.

Он разжал другой кулак, на пол упали две черные ленты, на ковре обратившиеся парой змей. Чародей растоптал гадов каблуком.

Натали, наблюдавшая сию сцену сквозь прищуренные веки, крепко зажмурилась.

— Где они, Наталья? Где Серафима и Мамаев?

— Ароматические соли в этих случаях используют, — сказала уверенно Попович. — Пощечины еще помогают, по слухам.

— Вы про барышню Абызову интересуетесь? — вдруг спросил работник. — Так князь ее еще затемно в закрытой карете увез. Я сторожил тама, в пристроечке, дежурил, стало быть, все видел, все слышал. Адъютант распорядился. Вывели их из дома. Барышню, значит, с нянькой евонной, те сами шли, а чародея, который не особо на берендийца похож, под руки держали. Всех троих в карету усадили, адъютант кучеру велел в княжескую резиденцию ехать. Остальные следом верхом отправились. Вот.

— Молодец, — похвалил Крестовский. — Побежали, сыскарики.

— А барышня Бобынина как же? — пискнула Попович, но ответа не получив, ускакала за чародеями.

Наталья Наумовна открыла глаза и медленно села на кушетке. Слуга, перекрестившись, опрометью бросился из дома.

Я прыгнула сквозь огненное кольцо, ощутив первобытный всепоглощающий жар, мгновение растянулось вечностью, между двумя ударами сердца могли вместиться годы, века, тысячелетия. У меня не осталось тела, имени, мыслей, я вся стала огнем. Я смотрела в пульсирующую бездну, бездна смотрела на меня и стала бездною, пульсировала, пылала.

Дверь камеры за спиной рухнула, я повернулась на звук, камешка соскользнула с шеи, расколовшись о камень, звякнули навские браслеты Эльдара, рассыпались бесполезным крошевом. С кончиков моих пальцев сорвался сноп искр. Будем драться!

— Серафима? — В камеру влетел Зорин.

Мамаев дернулся в моих объятиях, рассыпая прахом оковы, и рухнул нам под ноги.

— У него рана в животе! — крикнула я Ивану.

— Сейчас. — Он зачем-то обхватил мне ладонями шею и замер.

Я опустила взгляд вниз, на запястьях Мамаева вовсе не было кожи, будто навские браслеты растворили ее под собою, обнажив мясо. У меня с шеей та же история?

— Сейчас, — шептал Иван и потащил меня в сторону, освобождая дорогу к Эльдару для Крестовского.

Тот волховал на ходу, простер руки, бросил аркан.

Шею щекотно холодило, я хихикнула, дернулась, цепь на руках забренчала.

— Ты пьяна? — спросил Зорин строго.

— И на этот раз я ни при чем, — сообщил Эльдар Давидович, опираясь на плечо Крестовского. — Более того, дружище, я тоже пьян стараниями сей особы. Опоили Эльдарушку коварно и насильно.

— Уходим. — Крестовский потащил чародея к выходу. — Иван, мороком каким прикрой, пока

Попович из револьвера не принялась палить.

Зорин взял мои запястья, отпустил, кандалы упали.

— Идти можешь?

Я гордо кивнула и, прихватив с нар ридикюль, промаршировала к выходу. Охраны наверху не оказалось. Никем не остановленные, мы пересекли внутренний двор, у крайних хозяйственных построек обнаружилась калитка черного хода, за ней в переулке ожидала нас карета с надворной советницей Попович на облучке.

— Не шумели? — строго спросила она Ивана. — Быстрее, это тупик, выезд только на площадь, нам нужно убраться раньше, чем челядь заметит вторжение.

В карете я оказалась рядом с Мамаевым, который устало опустил голову мне на плечо:

— Какое наслаждение, Серафима, я нынче испытал.

— Не дергайся, а то кишки наружу полезут.

— Нет, ты скажи, наслаждение или не наслаждение?

Переиначив сакраментальный вопрос любого пьянчужки: «Ты меня уважаешь?», Эльдар задремал.

Я жалобно посмотрела на сидящего напротив Ивана. Тот отвернулся к окну, но проговорил:

— На место приедем, я его подлатаю. Сейчас к отражению атаки готовым быть нужно, прости.

— Ему саблей живот располосовали, неглубоко, кажется, чтоб он постепенно кровью истек. А я должна была, по навьему замыслу, страдать от его мучений и попытаться сновидчеством спасти. Каково? А после я вспомнила, что зачем-то аффирмацию князя Кошкина с собою прихватила, и вызвала на помощь его сиятельство. А он Мамаеву ведьминскими пастилками рану залепил. Потом мы выпили коньяку, немного, тросточку всего, — развела я руки, будто рыбак, хвастающийся размером улова, — но меня, на голодный желудок, развезло. Тросточка кончилась, и князь ушел, но, перед тем как уйти, нас снаружи запер. И мы с Эльдаром решили огненные силы объединить. И тогда... Когда...

Объяснить, что наслаждение, о котором вещал нетрезвый Мамаев, касалось не объятий, а слияния сил, мне не удалось, мы прибыли на место, о чем сообщил нам спрыгнувший с облучка Крестовский. А Геля вытащила меня из кареты и затормозила в объятиях.

— Меня в ведьмин круг допустили! — восклицала она. — Твои горничные, и еще столичные ведьмы, и гранд-дама прелюбопытная. А ведьмы, представь, тоже за женскую свободу и равноправие радеют!

Зорин потащил Эльдара в дом, Крестовский отводил карету со двора в сторону конюшни. Дом я, разумеется, узнала.

— Где Марты? Гавр?

— Здесь, все здесь. Они с Маняшей наверху...

Не дослушав, я взбежала на крыльцо. В зале Иван колдовал над распростертым на диване Мамаевым, я наблюдать не задержалась, отправилась наверх.

Маняша отыскалась в дальней гостевой спальне, я бросилась к ней, роняя ридикюль, сбрасывая на пол шубу.

— Барышня!

— Барыня!

— Ав-р...

Обе Марты сидели у постели, на которой неподвижно и страшно лежало тело мадемуазель Лулу. Я упала на колени, схватила холодные руки, пытаюсь согреть, поделиться силой.

— Иван Иванович сказал, что чародейскими способами излечить Марию Анисьевну возможным не представляется.

— Потратилась она сильно, больше, чем могла...

— Ав-р...

— Все версты до самого Руяна скрала, схватила обоих мужиков, мигом приволокла...

— Уж сильна была...

— Великая ведьма...

— Величайшая была!

— Сами вы были! — наорала я на Бубусика, виляющего хвостом. — А Маняша есть. Она сдюжит, ко мне вернется. Пошли прочь! Оставьте нас! Живо!

Что ж ты, нянюшка, натворила?

Я погладила ее плечи, волосы, сложила на груди холодные руки, подумала, что как у покойницы получилось, еще пуще зарыдала. Слезы быстро кончились или не быстро, времени я не ощущала, я выла протяжно, раскачиваясь на коленях из стороны в сторону.

А потом щеку обожгло пощечиной, от которой голова мотнулась, вторая пощечина вернула ее на место.

— Прости, барышня Абызова, — сказала Геля, — солей не припасла. Ну, соберись!

Сыскарка сызнава занесла руку.

— Только попробуй. — Слова мои вырвались изо рта огненной стружкой.

Попович отшатнулась, и мне на голову полилась вода. Я заморгала, охнула, вытираясь, Геля поставила на стол кувшин и виновато улыбнулась:

— Исключительные обстоятельства требуют исключительных действий. Прости. После, если захочешь, подеремся.

— Я, Евангелина Романовна, барышня приличная, драться не научена, — капризно протянула я, поднимаясь на ноги. — Будем считать, что ты только что за ночные кошмары рассчиталась.

Геля расцеловала меня в обе горящие щеки и набросила полотенце на плечи:

— Давай, блаженная, вытирайся. Совет держать будем.

Пока я приводила себя в порядок, сыскарка подошла к постели, кончиками пальцев прикоснулась к Маняшиной шее, потрогала жилку на руке:

— Пульс слабенький, но он есть, и вполне ритмичный. Погоди еще няньку свою хоронить.

— Она за гранью сейчас блуждает. — Вытряхнув из волос шпильки, я распустила по спине волосы и высвободила чуточку силы. — Любой сновидец ее вывел бы почти без усилий.

Геля пожала плечами:

— В чардействах ваших понимаю не особо, но уверена, что мы что-нибудь придумаем. Кстати, Серафима Карповна, я и не знала, что ты себе дома в столице покупаешь.

— Не дома, а дом. — От меня шел пар, и я помахала руками, его разгоняя. — Я сюрприз тебе сделать хотела, что соседками станем, потому и не рассказывала.

Мы оставили Маняшу и спустились на первый этаж, в столовую, где Марты уже накрыли стол, на котором пыхтел самовар в унисон с пыхтением жующего Гавра.

— Присаживайтесь, — кивнул Семен Аристархович, избавившийся от железных вериг и меховых одежд, по крайней мере, по пояс.

Теперь выглядел он неким мифическим получеловеком, шерстистым снизу, а сверху облаченным в мешковатую грязную сорочку.

Я присела, повернула веточку самовара, принялась на правах хозяйки разливать чай. На белой скатерти красиво смотрелись плоски с разноцветным вареньем и аршинное блюдо, полное ватрушек.

Геля ахнула, Зорин вздохнул и отобрал у меня чашку, кипяток из которой, оказывается, лился мне на пальцы. Я посмотрела на свою руку, на Ивана, всхлипнула, но слезы сдержала.

— Закуска! — сказал Мамаев умильно и стал закусывать. — Если кому-то вдруг любопытно, то я жив, здоров и готов к драке.

Девушка Фюллиг пододвинула к руке Эльдара вазочку с вареньем и попыталась исчезнуть за моей спиной.

— Ведьма? — спросила я строго, обернувшись, обжигая взглядом Марту Царт. — Обе ведьмы? А кто мне божился, что нет, кто тела свои для осмотра предлагал?

Горничные потупились смущенно.

— Серафима, — сказала Геля, махнув рукой, — посчитай, что удача их при тебе нахождения вранье перекрывает, и прости.

Крестовский кашлянул, собираясь что-то изречь, но я не дала. Это мой дом, я здесь хозяйка, и мне здесь председательствовать.

— Евангелина Романовна, — проговорила я с нажимом. — Для начала мне хотелось бы узнать обо всем, что происходило с того момента, как мы с тобой у Бобыниных расстались.

И лишь потом со значением посмотрела на Семена Аристарховича. Рыжий чародей откинулся в кресле и скрестил на груди руки, но Геле кивнул начальственно, излагай-де.

Она изложила, толково, по пунктам. Когда пункте на восьмом в рассказе возникла Лариса Павловна Шароклякина, я сжала ладонями гудящую голову. Слишком много всего на меня навалилось.

— ...и тогда мы составили ведьмин круг, который заперла Мария Анисьевна. Что именно после происходило, судить не берусь, мельтешения всякие и звуки, я сомлела, а, когда в себя пришла, Семен с Иваном были здесь, а дамы, которые «ОБС», напротив, уже разъехались.

Закончив, Геля надкусила ватрушку, а вторую как бы случайно уронила под стол.

— Теперь, — саркастично проговорил Крестовский, — когда любопытство Серафимы Карповны удовлетворено, мы обязаны...

— Что вы делали на Руяне? — перебила я.

— Боюсь, любезнейшая барышня Абызова...

— Искали настоящие тела навов, — вступил Зорин.

— Иван Иванович!

Начальственный окрик заставил меня поморщиться.

— Будьте столь любезны, Семен Аристархович, в доме моем голоса не повышать!

— Серафима Карповна, при всем уважении...

— При всем уважении, ваше превосходительство...

Я искрила, синие глаза Крестовского наливались нехорошим огнем.

— Ванечка, — весело предложила Геля, — давай дуэлянтов сих по углам ринга разведем, чтобы остыли.

Я пищала и лягалась, когда Болван Иванович подхватил меня на руки и вынес из столовой, и укусила его за ухо, когда мы проходили гостиную.

— Бешеная.

— Болван!

Не утруждаясь возражениями, чародей сгрузил меня на укрытый пыльным чехлом диван в малой гостиной, сел рядом и удержал за запястья готовые драться руки.

— Что он с тобой делал?

— Да ничего! — фыркнула я. — Ничегошеньки! Это со стороны могло показаться, что мы страсти предались, на самом деле мы силы объединяли!

— Я не об Эльдаре.

— А о ком? — Удивившись, я расслабила руки, но Иван продолжал держать мои ладони в своих.

— О фальшивом князе Кошкине.

Взглянув в голубые зоринские глаза, я увидела в них такую холодную ярость, такое бешенство, что вздрогнула. Что это с ним?

Истолковав мое молчание превратно, Зорин скрипнул зубами:

— Ты тут посиди пока, мне отлучиться надобно.

— Куда? — теперь я вцепилась в его руки, не отпуская. — Зачем?

— Раскатаю этого... этого...

Я гортанно рассмеялась и быстро взгромоздилась на мужские колени, чтоб уж точно уйти не смог, зашептала на ухо:

— Цела твоя Фима, дурачок, тебя дожидается.

Иван обнял меня за талию, прижал к себе:

— Я не должен был тебя оставлять, но отчего-то решил, что пока опасность тебе не грозит, что я успею...

— Я видела тебя на каких-то чародейских путях, — похвасталась я, прислушиваясь к стуку его сердца. — Испугалась, что ты погиб, и за тобою на тот свет идти собиралась.

— Мы излазили этот чертов Руян чуть не до центра земли, мы нашли то, что искали. Но я не должен был тебя оставлять. Если бы Маняша не смогла нас вовремя вытащить, даже вообразить страшно.

— Что нашли? — отстранившись, я заглянула Зорину в лицо. — Настоящие тела?

— Помнишь, ты сказала как-то, что у Крампуса хозяин быть должен?

Я не помнила, а врать не хотелось. Поэтому я просто прижалась к его груди, побуждая продолжать рассказ.

— Твари, с которыми мы схлестнулись, изгнанники, беглецы из своего навского королевства, поэтому таиться им приходилось ото всех, и от нас, людей, и от своих немногочисленных сородичей, время от времени пятнающих землю берендийскую. Руян стал им лежбищем, схроном, основной базой. Некогда волшебный остров, на котором не обретается ни единого чародея, только проживает с десятков дряхлых ведьм, которые не то что навредить чужакам, защититься толком не способны. Мне следовало насторожиться в первый же день, когда ты разыскала в скалах навье капище. Не должны были они так далеко на севере попадаться. Но я...

— Зорин, — попросила я, — не начинай во всем подряд себя винить, не ты первый чародей, что на руянских курортах прохлаждался. Кстати, а как давно они там обосновались?

— Давненько. То, что мы видим сейчас, не первая и не вторая смена личин. Долго оставаться на острове им не пришлось, и захваченные тела местных жителей сменились, не дожидаясь одряхления. На курорт прибывали люди разные, почтенные, а убывали...

Я поежилась:

— Какой кошмар.

Теплые ладони Ивана погладили мне спину, успокаивая:

— Исходные тела остались в катакомбах, на невообразимой глубине, а охраняли их демоны, наподобие нашего с тобою знакомого Крампуса.

— И что теперь с теми демонами?

— Все, — с оттенком мальчишеской гордости сказал Зорин. — Мы с Семеном им такую зачистку устроили, что с ними уже все.

Я поцеловала заросший щетиной подбородок своего Ивана-царевича.

— Теперь мы знаем, сколько примерно навов скрывается в нашем мире, и не позволим им от нас ускользнуть.

— Примерно?

— Мы не успели разыскать ячейку с их хозяйкой.

— Думаю, что нет ее, — сказала я задумчиво. — Эти трутни, ротмистр с князем, собирались меня на

место хозяйки приспособить. Гуннар предполагает, что с помощью межвидовых браков с чародеями навы могут поддерживать деторождение...

У меня чуть ребра не хрустнули, когда Зорин сжал руки.

— Что они с тобой сделали?

— Ничего! — взвизгнула я. — Осел ты ревнивый! Они Эльдара пытали, чтоб сны мои открыть. Понял? Уйти они собирались с моей помощью. Нежто кто стал бы такую полезную сновидицу насилием портить?

— Серафима, — хрипло сказал Зорин, — я ни в чем тебя не виню, и винить никогда в жизни не буду. Я люблю тебя, милая, сердце мое, душа моя. Никогда тебя больше не оставлю. Но, если он... они... Я должен буду их лично порешить, понимаешь?

— Ну и пореши, — разрешила я. — Только не из личной мести, а для восстановления справедливости. Что там надо? Исходные тела пожечь? Так я поспособствую.

— Тело хозяина тоже не в катакомбах. — Иван слегка успокоился. — Насколько я успел в их грязной волшбе разобраться, ему исходное тело при себе держать надобно, оно ему источником силы служит. Прочим достаточно при себе лишь сферу с частичкой исходника иметь.

— Сферу я видела, — встrepенулась я. — Ничего особенного, хрусталь как хрусталь. Но теперь понятно, отчего Лулу не могла ее у Наташки отобрать, та могла попросту артефакт расколошматить.

Зорин вопросительно поднял белесые брови, и пока я путано пересказывала ему про Натали, неудавшиеся обмены и прочие свои приключения, брови эти ходили ходуном, то сдвигаясь грозно, то напoлзая на глаза, будто от стыда.

— Знаешь, когда я испугалась? Когда вдруг вспомнила, что у фальшивой Маняши на спине точно такая же метка, как у настоящей, имеется. Натурально обомлела. Думаю, ну все, Серафима, допрыгалась. Значит, сила наша к телу привязана, а вовсе не к душе, и разделают сейчас тебя эти две бабищи, как куренка, на потроха и кожу.

— Какой же я болван, — сызнова принялся страдать чародей.

Но это было уже скучно, поэтому я полезла с поцелуями, и получила их по десятку за каждый день разлуки, и получила бы сверх, но его высокородие вспомнил вдруг, что он на службе, и потащил меня в столовую шантажом, что на поцелуйную диету посадит, потребовав обещание начальство его не изводить.

— На открытый бой они не решатся, — говорил Крестовский, в мое отсутствие став председателем совета. — Одно дело тайно умыкнуть девицу, другое — устроить осаду чужой собственности. Действовать они будут тайно.

— Тогда и мы тайно проберемся в резиденцию князя, — Мамаев помешивал ложечкой чай, — и выкрадем тело хозяина. Его, разумеется, придется поискать, но времени у нас в избытке. Если обеспечить Серафиму Карповну круглосуточной охраной до самого рождественского бала, когда она вынуждена будет покинуть свой дом, чтоб быть представленной императору...

— Эльдар Давидович, — вступила я в разговор еще на ходу, — нет у нас избытка. Кто нам хлопнуть дверь напоследок грозился?

— Точно, букашечка! — Мамаев хлопнул себя по лбу ладонью, но быстрые его глаза рассмотрели мои распухшие губы и слегка пришибленный любовью вид.

Крестовский метнул в нас батарею уточняющих вопросов, постучал по столу пальцами:

— А ведь мы, сыскарики, никого со стороны привлечь в наши игрища не можем. Нас четверо, а направлений, по которым следует работать, три. Это, во-первых, охрана Серафимы Карповны, во-вторых, поиск места нанесения удара...

Он посмотрел в мою сторону, будто прицениваясь.

— Мне, Семушка, этот взгляд знаком, — нараспев сказал Иван Иванович, — и пренеприятен. Барышня Абызова живцом у тебя работать не будет.

— Будет! — хлопнула я в ладоши. — Это же великолепное решение. Нам нужно выманить из логова хотя бы одну тварь, захватить ее и допросить. Вуаля!

Рыжий чародей стал мне даже немного симпатичен.

— Нет. — Зорин был мрачнее тучи.

Я жалобно посмотрела на Гелю, та подмигнула и показала подбородком в сторону.

— Маняшу пора проведать. — Прихватив с собой Бубусика и ватрушку, я пошла наверх.

Нянюшка моя пребывала без изменений, лежала на кровати прямая, будто доска.

Эх, будь я сновидица...

Охолонь, Серафима! Ты с Болваном Ивановичем — одного поля ягоды, он за все себя виноватым мнит, а ты, чуть что, сновидчество поминаешь. Ну была б ты сновидица, и что? Ну вернула бы Неелову свою из-за грани. Это, конечно, само по себе было бы очень неплохо, даже здорово, но, если шире посмотреть, все бы на тех самых местах осталось. Если бы ты, Серафима, была сновидица, и если бы у тебя сфера навьи была и сама навья, а еще князь Кошкин, который мужик приятный, нав, его тело занявший, и исходное тело этого нава... Итак, тебе надобно четверо живых, один артефакт, один труп и сновидческие способности.

Погодите, если бы у меня было тело хозяина, то сфера его приспешницы без надобности. Что там, в хрустале этом? Крупинка древней плоти. Целый хозяин этой крупинки всяко сильнее. Да и сила его тебе не нужна, своей довольно, он не источник для тебя, не ключ, он путь, то, что свяжет тонкими тропками тела и души.

Я вытаращилась на Маняшу. Ты про это мне говорила? Говорила, князя отыщи, в нем не ключ, но путь?

— Ав-р? — Бубусик вильнул поросячьим своим хвостиком.

— Да, мальчик, — кивнула я, наблюдая трансформацию пухлого собачечки в огромного сонного кота. — Время полетать.

Я даже не одевалась. К чему мне, Серафиме Абызовой, шубы с шапками? Я сама огонь. А волосы заколоть забыла, каюсь. Поэтому летели мы над ледяной Мокошью на исходе первого числа нового года налегке, а моя смолянисто-черная шевелюра стелилась за нами еще одним хвостом. И не скрывались особо, даже остановку совершили, посетив аптеку на набережной. Ну, то есть, посетила только я, потому что Гавр обыскивал в это время соседнюю мясную лавку на предмет припрятанной там копченой колбасы.

Очутившись на балконе бобынинского дома, я толкнула дверь, убедилась, что она заперта, и вдавила раскаленную ладонь прямо в стекло, оплавляя его, после просунула руку и отперла запоры. В спальне был кавардак, перевернутые стулья, разбросанная одежда, по центру прогоревшего ковра я заметила законченную цепочку с подвеской-звездочкой, подняла ее и спрятала в карман. Гаврюшу беспорядок не смутил, он завалился на кровать, поворочался, устраиваясь, из-под мохнатого бока на пол покатались разноцветные навьи пилюльки. Собрав их в горсть, я проговорила:

— Здесь обожди, разбойник, — и вышла.

Наталья Наумовна сидела в гостиной на привычном своем месте, наклеивала в альбомчик газетные вырезки, у окна мерцала огоньками до потолка пушистая рождественская ель.

— Фимочка, — протянула кузина, — что только пресса наша столичная про тебя не пишет!

— И что? — приблизившись к столу, я ссыпала на него пилюльки, достала из кармана жестяную коробочку с аптечной этикеткой, положила рядом.

— Барышня А., поразившая столичную публику эффектным возвращением, — зачитала Натали, — поражает нас неустанно. Истерический припадок, который сия особа продемонстрировала в канун Новогодья...

Я сходила к угловому столику и принесла с него поднос с графином и хрустальными стаканами, села напротив Бобыниной.

— ...как среагирует на сей афронт его сиятельство, — закончила она чтение и погладила бумагу пальцами.

— А про тебя, стало быть, не пишут? — задумчиво спросила я, налила в оба стакана воды, открыла жестянку, пилюльки в которой были лимонно-желтыми. — Обидно небось?

— Привычно, — улыбнулась кузина. — И обида от этой привычности поистрепалась, обветшала. Кстати, Фимочка, позволь узнать, где наш жених?

— Который? — В правый стакан я опустила две желтых пилюли, в левый — несколько красных, размешала серебряной ложечкой до полного растворения. — Мы ведь с тобою, сестричка, двух женихов делим не поделим.

— Мужик сиволапый Зорин не интересен мне нисколько. — Натали наблюдала мои манипуляции с безразличной усмешкой. — Где князь? Он же тебя сюда не просто так отправил?

— Будет князь, — заверила я и переставила стаканы раз, другой, третий... седьмой. — Все будет, Наташенька.

— Тогда изволь сообщить...

— Пей, — кивнула я на стаканы. — В одном — отравка, в другом — леденец от кашля, что в котором, я не знаю.

— С какой целью?

— Надоела ты мне, Наталья Наумовна, да так, что мочи нет больше терпеть. Нет нам с тобою обеим места в этом мире, одна уйти должна. Только я, девушка честная, предлагаю на волю судьбы отдаться. Выпьем с тобою одновременно и выясним, на чьей стороне удача, кому в земле гнить, а кому под венец с Кошкиным идти.

— Ты же не особо последнее время за Анатоля замуж желала? — Голубица неявно зыркала в стаканы, пытаясь определить оттенок жидкости.

— Передумала, ежели выиграю сейчас, ее сиятельством сделаюсь и Зорина не отпущу, такой, знаешь ли, адюльтер соображу — все обзавидуются.

Натали наконец высмотрела, что хотела, и схватила ближайший ко мне сосуд, обхватила длинными пальцами:

— Глупости, Фимочка, незачем мне на судьбу полагаться. Все одно победа за мною будет, так как обиженные и обделенные в конце концов непременно вознаграждаются. И по другой причине в игру твою не желаю вступать, ты, когда помрешь, для переноса непригодной сделаешься, только с живым человеком меняться можно.

— Боишься, — глумливо протянула я. — Точно боишься, что не твоя удача. Навий яд, Наташенька, не быстрый, чтоб отравленный помучиться подольше успел. Анатолий Ефремович к девяти подъехать обещал, поэтому и отпустил меня вперед. Думаю, он как раз в разгар твоих мучений поспеет.

— Какая невероятная чушь! — фыркнула кузина и наклонила стакан, выплеснув немного воды на белую скатерть.

— Пей! —дохнула я огнем. — Или сожгу.

Одна из бровок кузины потеряла четкость формы, Натали побледнела.

— Пей! — повторила я и, схватив свой стакан, двумя глотками осушила его. — Ну!

Барышня Бобынина засмеялась серебристо:

— Какая же ты дура, Фимка! — Отпила водицы, оттопырив мизинчик жеманно. — У тебя на дне красный осадок остался, отсюда видно. А у меня... — Тем же мизинчиком она ткнула в желтое пятно на скатерти. — Пастилки от кашля, на вкус лимонно-медовые.

Она дернула скатерть, сгребая в кружевную салфетку все лежащие на столе пилюли.

— А противоядие я тебе, дура, дам только когда князь явится да пообещает немедленно меня в твое тело поместить. Иначе сдохнешь. Мне терять уже нечего.

— Убью! — прохрипела я. — Огнем пожгу!

— Тебя князь после этого саму в головешку обратит, — хихикнула кузина.

Откинувшись на спинку кресла, я смотрела, как Бобынина связывает из салфетки узелок, как прячет пилюли в комодик, запирает его на ключ. Из уголка рта у меня текла слюна, челюсть безвольно отвисла.

— Чем ты его держишь? — прохрипела я жалобно.

— Телом! — Наталья Наумовна гоготала гусыней и собиралась пуститься в пляс.

— А теперь извольте сообщить, госпожа Бобынина, где вы скрываете искомое тело. — Густой зоринский бас заставил меня вздрогнуть и выпрямиться.

Иван Иванович вошел в гостиную, придвинул свободный стул, сел, посмотрел на меня:

— Говорил же тебе, бешеной, больше не оставлю, — и повернулся к хозяйке.

Я быстро отерла с подбородка слюну и покраснела, Натали позеленела, переводя взгляд с чародея на меня и обратно.

— Это произвол, — крикнула она и запнулась, конвульсивно сглотнув.

— Эх, Фима, — прошептал Зорин и по-особому сложил пальцы опущенной руки.

От стыда я вполне могла в этот миг провалиться сквозь землю.

— Подождите за дверью, Серафима Карповна, — велел строго Иван. — Нам с вашей кухней потолковать наедине надобно.

В прихожей меня встретила Попович:

— У меня даже слов нет! — заорала она шепотом, умудряясь прислушиваться к происходящему за дверью. — Хорошо, Ваня на тебя маячков понавешивал, а то искали бы ветра в поле.

— Я собиралась вернуться.

— Перфектно. Это я не тебе, а тому, как замечательно наш Иван Иванович допросы ведет. Сейчас он твою родственницу расколлет.

— Я бы и сама смогла, я уже почти из нее все выбила!

— Ну да, мы все про яд в одном стакане слышали.

— Не было там яда. — Жар сызнава залил щеки. — Желтые пилюли я по дороге в аптеке купила, рвотное это, а красные — леденцы от навьи, которая Маняшей притворяется. Они тоже безвредны. Но я даже помыслить не могла, что Наталью Наумовну жизнь ничему не учит. Травила же она меня уже красными пилюлями, не отравила, так отчего желтые выбрала? Я думала, она их мне оставит, думала поблюю, размягчу ее победой, она и выболтает все. Но пришлось вот... симулировать...

— Авантюристка. — Геля обняла меня за плечи. — Лучше расскажи, отчего сорвалась столь спешно тело-исходник искать и откуда знала, кто его скрывает?

Про путь и ключ я уже столько рассказывала, что мозоли на языке натерла, поэтому бормотала скороговоркой, а второй вопрос требовал развернутого ответа.

— Тебя не удивляло, отчего Наталья Наумовна столь в благоволении нава была уверена? Меня — изрядно. И объяснение, что благодарен-де хозяин моей кухне за услугу, не удовлетворили. Бобынина, в сущности, невелика пташка, получив обличье Анатоля, новый князь от нее одним щелчком избавиться мог. А ее опекали, обманывали на каждом шагу, но вреда никто не причинил. Лулу в горничные отрядили, новую жизнь посулили. На шантаж очень похоже.

— Она могла, к примеру, изложить историю с подменой в письменном виде, а документ нотариусу на сохранение отдать, тем самым себя обезопасить. Вот тебе и предмет шантажа.

Я поразмыслила:

— Вполне. Может, и существует такой документ, на самый крайний случай заготовленный. Только информация эта — палка о двух концах, выплыви она наружу, кухне тоже несдобровать. После я узнала, чем Натали свою навью держала. Она артефакт навский, средоточие поганой силы, присвоила.

— А отобрать его они не могли?

— Не они, Геля, она. Думаю, Лулу своим соплеменникам о потере сферы не рассказала.

— Ты думаешь, что и хозяин свою потерю ото всех скрыл?

— Ведь сходится? — заглянула я в зеленые глаза сыскарки, ожидая одобрения.

Она кивнула рассеянно, невидяще уставившись в пространство:

— Если эту версию работать, тогда перво-наперво следует прикинуть, как юная девушка могла бы самолично мужское тело унести и куда?

— Отчего же самолично? — азартно возразила я. — Можно и работников нанять. Тем более, по моим сведениям, там как раз стихия бушевала, кусок берега в Мокошь сполз и гнездышко любовное, где обряд совершали, разрушил.

Я пересказала ей утреннюю беседу с князем Кошкиным.

Попович хмыкнула:

— Местоположение не уточнила?

— Город плохо знаю, да и не думала, что пригодится.

— Представим на минутку, что... — Она закусила губу, напряженно размышляя. — Стихийное бедствие это, положим, перфектно, этим многое прикрыть можно. Говоришь, собутыльники на помощь князю бросились? Тогда, чисто теоретически, Наталью Наумовну они могли попросту не заметить. Эх, знать бы место да прочесать там все тщательно.

Пожав плечами, я прислушалась к происходящему в гостиной. Натали рыдала.

— За десять лет следов не осталось. — Бормотания Гели были всяко интереснее девичьих всхлипов.

— Предположу, что местность эту фальшивый князь за прошедшие годы исследовал. Тело не там.

— Тогда где?

— Если бы вы с Зориным мне представление не испортили, могла бы ответить.

— Серафима, — перебила меня Геля, — а ведь нав тело уже нашел.

— Что?

— Он обнаружил, где Бобынина его прячет, но это все как-то на времени завязано и на ее возможности тело извлечь. Ты же сама говорила, гнездо столицу покинуть желает, Рождества не дожидаясь. Значит, хозяин нашел способ свое себе вернуть. Только вот что за сейф такой, что только Наталья отпереть может, и отчего...

Взвизгнув, я схватила сыскарку за руку и потащила в кабинет Аркадия. Геля недоуменно оглядела комнату, а я принялась двигать ящиками секретера. Аккуратностью в ведении дел мой покойный кузен не отличался, бумаги были свалены кое-как, я отбрасывала в сторону векселя, поручительства, личные письма. Попович присела в уголке, сложив на коленях руки, и с расспросами не лезла. Когда один из ящиков оказался заперт, подошла и вскрыла замок шпилькой.

Закладные, купчие, контракты... Вот!

Я раскрыла на столе кожаный бьювар, в котором оказался плотный конверт с водяными и чародейскими метками.

Евангелина Романовна взяла его двумя пальцами, рассмотрела, понюхала, зачла тисненную штампом надпись:

— Сохранный господ Адлера и Робинзона коммерческий банк.

— Сейф, Геля! — воскликнула я, отобрала конверт и вытряхнула на бьювар плоский серебряный ключик. — А про время мы сейчас тоже разберемся.

Вытащив из конверта стопку листов, я пробежала текст глазами.

— Хранение, сохранение... Бобынина Наталья Наумовна, берендийская подданная, проживающая постоянно... Понятно... Оплата, обстоятельства расторжения... Сроком на десять лет!

Пошелестев бумагой, я посмотрела на дату, прикинула в уме.

— Перфектно, Попович! Все один к одному сошлось. Смотри! Договор она сроком на десять лет заключила, в червене, второго числа.

— Сейчас сечень. — Въедливая сыскарка не могла не перечить.

— Правильно, — кивнула я. — Завтра как раз будет полгода как срок истек, ровно полгода. Понимаешь?

— Не понимаю, но как объяснишь, сразу уразумею.

— Это договор на так называемое недлительное хранение, то есть по истечении оговоренного срока

ты либо забираешь свое имущество, либо оплачиваешь продление. То есть ты можешь и раньше свое забрать, никто не держит... — Прервавшись на мгновение, я вздохнула. — Прости, просто батюшка в меня столько финансовой премудрости вложил, что иногда она не вовремя наружу лезет. Так вот, если продление ты не оплатил, банк еще шесть месяцев ничего не предпринимает, а после просто вскрывает ячейку, распоряжаясь ее содержимым по своему разумению. Ценные предметы обычно через аукцион продают, а прочее как придется. Наталья договор не продлила, может, забыла, может, не догадывалась, что это необходимо. Дворянской барышне в презренных деньгах разбираться неприлично.

— Аукцион? — Геля позеленела, вообразив, видимо, бойкую торговлю покойниками.

— Побежали, — велела я, схватив ключ и засовывая в конверт документы. — Если в банке присутственное время не кончилось, мы успеем.

— Аукцион?

— Перестань, не будет князь торгов дожидаться, тем более, не часто их проводят и не регулярно. У него человек в банке прикормлен, тот завтра утром сейф отопрет и содержимое ему, фальшивому Кошкину, передаст.

Я выбежала из кабинета и столкнулась с Иваном Ивановичем, который деловито басил в трубку телефонного аппарата:

— Да, именно Бобынина Наталья Наумовна. Мы прибудем через четверть часа самое позднее. — Чародей схватил меня за руку, остановил, привлек к себе. — Да, да... Уж будьте так любезны. Да... До скорой встречи, господин Адлер.

— У тебя деньги есть? — спросила я, глядя на Ивана с видом влюбленной дурочки. — Потому что гнумы без наличных нас на порог не пустят.

Значит, Зорин кузину все же расколосил и те же выводы, что и я, сделал. И, в отличие от меня, догадался в банк протелефонировать. Ай да молодец.

Взгляд Иван Ивановича остановился на уголке моего рта:

— Взмок я, твою родственницу допрашивая. Мы с Натальей Наумовной господ Адлера с Робинзоном посетим, а после тебе придется мне душевные раны залечивать. Ох и помучила меня голубица кроткая. Вот вроде нет ее рядом, а голос до сих пор голову сверлит.

Мы поцеловались, обнявшись. Зорин был такой огромный, такой плотный, что захотелось распластаться на нем всем телом, от макушки до кончиков пальцев ног. Живот налился жаркой тяжестью, колени подогнулись, я повисла на чарошее, желая остаться с ним так до самого утра.

Четверть часа дороги, там еще побудем сколько-то, а после...

— Где Натали? — обожгла неожиданная мысль. — Ты ее, что ли, переодеваться отпустил?

Пробежав прихожую, я толкнула дверь хозяйской спальни, которая, разумеется, оказалась пуста.

— Болван ты Иванович, Зорин!

Тот спорить не стал, пересек спальню, выглянул в раскрытое окошко. Стекло звякнуло, рассыпаясь осколками. Чародей пригнулся.

— Геля!

Попович оттащила меня за дверь, прижала к стене.

— Что происходит?

— Нас окружили. — Сыскарка держала в опущенной руке револьвер, расслабленно-расчетливая поза говорила о немалом огнестрельном опыте. — Совсем страх потеряли, в столице в войну играть. Бобынина у них, я видела, как она бежала.

Со двора что-то крикнули, мне послышалось «Абызову» и «отдать», Зорин ответил неприлично.

— Штурмовать они, положим, пока не решаются. — Геля посмотрела на меня по-кошачьи сожмурив глаза. — И подмогу я вызвала, Семен с Эльдаром примчатся, как только смогут.

— Время теряем.

— И я о том же.

— Более получаса нас в банке ждать не будут.

— Ага.

— Наталья у навов, без нее нам сейф не отопрут.

— А ей без документов. — Геля решительно взяла меня за руку. — Пригнись, нам надо до лестницы пробраться.

Гавр зевнул, приветственно «ав-ркнул».

Попович распахнула гардероб, напялила на меня первую попавшуюся шубу и шляпку, оказавшуюся вовсе не зимней:

— В лицо твою кузину в банке никто уже не помнит. Представись ей, контрактом помашешь, ключ предъявишь, дальше действуй по обстоятельствам, а мы с Иваном пока навов отвлекать будем.

Она побежала вниз, я завязала под подбородком ленты.

— Полетаем, разбойник?

Гаврюша не возражал.

— Сейчас тетя Геля лихих людишек отвлечет, и только тогда мы сможем на балконе появиться, не раньше.

— Ав-р?

— Не знаю как.

С первого этажа донесся звук выстрелов.

Гавр с оседлываниями морочиться не стал, ухватил меня зубами за ворот шубы, как мама-кошка новорожденного котенка, и взвился, со свистом пронзая темнеющее небо.

Через четверть часа господина Адлера, запирающего на ночь двери банка, остановила очень хорошенькая, слегка заплаканная и растрепанная барышня с пухлой собачонкой на руках.

Ну, то есть, заплаканной я не была, мне ветром в глаза надуло, все прочее наличествовало. Хорошенькая, что греха таить. Вон и гнум очаровался, принялся расточать комплименты и поворачивать ключ в обратную сторону, продляя время присутствия. Банк был вполне обычным, я в таких неоднократно бывала. Приемную уже украшала рождественская ель, и бумажные гирлянды опоясывали колонны. Бубусик увлекся вазочкой с конфетами, что стояла на конторке. Господин Адлер, невзирая на очарованность, контракт прочел внимательно, спросил:

— Вы, Наталья Наумовна, желаете срок продлить?

— Желаю, — улыбнулась я и похолодела.

У меня не было при себе денег. Вообще. А без денег, будь я хоть тысячу раз красавицей, ни один гнум со мною ничего не подпишет.

— Я, господин Адлер, желаю сей же час свой предмет изъять.

Хорошо сказала, уверенно. Навьючу на Гавра поклажу, да и заберу как-нибудь.

— К сожалению, срок хранения уже истек, и для начала, барышня Бобынина, вам придется оплатить нам следующие десять лет хранения. Вы же читали контракт, правда? Ну а после оплаты вы сможете изъять вклад в любой момент, хоть нынче. Но по контракту же остаточная сумма возврату вам подлежать не будет.

Ах так? Я ласково улыбнулась и со вздохом покачала головой:

— В шестом пункте сего документа, драгоценнейший господин владелец банка, указано, что срок хранения истекает в полночь.

— Но полгода, которые мы оказывали вам, дражайшая барышня Бобынина, услугу без оплаты, облагаются штрафом.

— О котором в контракте ничего не сказано.

Гнум посопел, я рассеянно считала конфеты, исчезающие в пасти прожорливого Бубусика, и улыбалась с невинно-придурочным видом.

Вазочка опустела, гнум сел за конторку, предложив мне обождать на диванчике, и стал перечитывать документ.

Читай-читай! Не будь я дочерью Абызова, если там хоть полсловечка про штрафованья сказано.

Пустые банковские помещения были наполнены гулкой тишиной, солидной, надежной, успокаивающей. Из-под входной двери тянуло сквозняком, я подумала, что гнум неплотно ее прикрыл.

— Вы абсолютно правы, барышня Бобынина, — наконец недовольно сказал Адлер. — Удивительно наблюдать столь отточенный в финансах ум у столь юной особы.

— Полноте. — Я поднялась.

Бормоча себе что-то под нос, банкир проводил меня в дальнюю комнату с цельнометаллической круглой дверью. Сжав в пальцах ключ, я не могла взять в толк, куда его требовалось засовывать.

— Барышня в растерянности? Не знаете, что делать?

— Ах, — хихикнула я, — позабылось за десяток-то лет.

— И сколько вам тогда было? По виду лет семь или восемь.

Меня бросило в пот, ключ грозил выпасть из повлажневших пальцев.

— Дамам вопросы про возраст задавать моветон! — отчеканила я. — Извольте, господин банкир, отпереть ваше хранилище.

Гнум мешкал, я поняла, что близка к провалу. Цоканье когтей по паркету зловеще разнеслось в тишине. Бубусик проковылял к двери, посмотрел на гнума, поморщился, перевел взгляд глаз-пуговок на дверь и процокал сквозь нее, позволив нам полюбоваться пухлой своей кормой и поросячьим хвостиком.

Облегчения я не показала, пересекла оптическую преграду, за которой оказался коридор с двумя дюжинами одинаковых кованых дверей с прикрепленными на них цифрами. На моем ключе значилась девятка, а девятая дверь находилась в середине правой стены. Ключ подошел, но, когда я сдвинула в пазах металлическую створку, до меня донесся звук шагов, дамские каблучки постукивали о паркет.

— Дитятко мое непутевое! — Навья вынырнула из-за морока, широко разведя, будто для объятий руки. — Уж кто бы мог подумать... Какая встреча!

— Ав-р...

Гаврюша зашуршал крыльями, хлестнул стену хвостом. Он у меня драться не шибко любит, но всегда готов.

Фальшивая нянька не испугалась, продолжала куражиться:

— А я уж не чаяла, что ты нынче явишься, заскучала даже.

Морок, преграждающий коридор, мигнул, пошел рябью и развеялся. За ним стоял банкир в компании двух дюжих мужиков и мужичка похлипче с холщовыми нарукавниками и торчащим из-за уха карандашиком. Гнум был бледен, косился в сторону конторки, под которой, видимо, располагалась тревожная кнопка. А хлипкий, напротив, краснотой соперничал с вареными раками. Он зыркал по сторонам, будто в поисках щели, куда можно забиться.

Гавр заворчал, мягко переступал лапами, собираясь прыгать. Положим, с тремя навами мы справимся. Этот, в нарукавниках, видно, банковский работник и, скорее всего, тот самый купленный князем человек. Его в расчет можно не брать. Не знаю, сколько ему заплатили, но явно не столько, чтоб жизнью рискнуть. Сейчас я спущу кота, и он порвет супостатов на лоскутки, мне же останется лишь вытащить из драки ни в чем не повинного Адлера.

Я оглянулась на Гавра и ахнула. Навья глумливо засмеялась:

— Всем твой кот хорош, дитятко, только жрать все подряд привык.

В голубых кошачьих глазах застыла боль, в уголках пасти пузырилась зеленая пена. Крылья бессильно повисли, касаясь пола, растеклись по нему бурой лужей. Большое полосатое тело пошло волнами трансформации.

— Конфетки-то непростые оказались. — Я смотрела на Бубусика, без сил распластавшегося на

паркету. — Ты настолько была уверена, что именно я за телом явлюсь, что лакомство отравила?

— Телом? — Фальшивая нянька посмотрела на громил и подняла брови в фальшивом удивлении. — Экие у тебя, блаженная, фантазии забавные.

Мужики вообще, казалось, разговор не слушали, они напряженно наблюдали за мной, оценивая движения рук, повороты тела. Я поняла, что они опасаются моего огня и что способны ему противостоять у них наличествуют.

«Позиция моя для драки неплохая, за спиной тупик, а узость коридора не позволит нападающим зайти сбоку. Направив струю пламени перед собой, я смогу прорваться к выходу».

Навья продолжала хвастаться:

— На самом деле меня отрядили барышню Бобынину здесь подкарауливать, чтоб не опомнилась в последний момент и контроль над ячейкой не вернула.

Бубусик кричал, покашливал, громко неритмично дышал.

«Прорываться придется с собакой на руках».

— Так чего ты документы у Натальи заранее не выкрала для надежности? — я тянула время.

— Чтoб мысли ее бестолковые в это русло направить? Чтoб она, пропажу контракта обнаружив, в банк отправилась за копией и наконец документ со вниманием зачла? Наша Наташенька та еще штучка. Но ждала я ее, ждала, а после подумала, что есть еще у нас прочие девицы многомудрые, рыжая кошка Гелька и черная — Фимка, да еще крылатая монстра при них состоит, тоже кошкообразная. А вдруг? Вот для вас, мурлык, это угощение и подготовила.

«Прорвемся с Гавром, предположим, а если у подъезда нас целая навская банда дожидается?»

Будто услышав мои мысли, нянька проговорила:

— Только ты на пороге появилась, я немедленно хозяину весточку отправила, что птичка наша с Голубой улицы упорхнула и здесь обнаружилась. Молодец, Серафима, сама в руки пошла. Теперь в одном месте у нас предмет нужный с объектом необходимым собрались.

— Ав-р. — Бубусик подполз к моим ногам, перебирая лапками.

Присев, я подхватила его под мышку, выпрямилась.

— Набрасывайте путы! — завизжала навья. — Она колдовать будет.

За ее спиной вспыхнула конторка, полная бумаг. От мужиков зазмеились ко мне спирали поганой навской волшбы. Ядохнула огнем, заставляя няньку отшатнуться, выдернула из замка ключ, толкнула дверь, ввалилась в ячейку, бросила на пол Бубусика и налегла на створку, задвигая ее на место.

В щель скользнуло черное щупальце, я придавила его каблуком, поднажала.

— Уж я над тобой потешусь, дитятко, — шипела навья зло.

Ее страшное, почти не схожее уже с человеческим лицо возникло в проеме.

— Отступи, блаженная, сдайся.

— Тьфу на тебя, погань! — продолжая топтать и налегать, фыркнула я.

— Ав-р...

Бубусик скорчился, будто кошка, пытающаяся откашлять шерстяной шарик, и прицельно плюнул мне под ноги. Зеленая слюна зашипела, щупальце, извиваясь, отпрянуло, замок щелкнул, закрываясь, лязгнул автоматический засов, другой.

Наступила тишина, под потолком возжегся светильник. Я сползла спиной по стене. Хороший банк, надежный. И двери крепкие, и ячейки удобные.

— Ав-р?

— Не знаю. Ждать помощи, наверное, будем.

Комнатка была крошечной, аршинов пяти длиной, в ширину и того меньше. У дальней стены располагался чистый письменный стол с задвинутым под него табуретом, а по центру —

деревянный простой сундук. Больше не было ничего. Полки, закрепленные вдоль стен, пустовали.

— Ав-р...

— Отдышаться дай. Конечно, посмотрим, мне тоже любопытно.

Дышалось с трудом, кажется, вентиляции в ячейках предусмотрено не было и застоявшийся неживой воздух не мог наполнить грудь. К слову, один из самых больших страхов каждого, кто за малахитом под землю хаживает, в такой вот ситуации оказаться. Ну да ладно, часов несколько у нас есть, авось не помрем.

Бубусик поскреб когтями сундук, я поднялась, шагнула ближе. Замка было два, навроде амбарных.

— Ав-р?

— Поджечь дерево я, конечно, могу, но тогда нам воздуха не останется.

Все-таки я попыталась воспользоваться дверным ключом, но он болтался в широкой скважине, как... нечто неприличное в проруби, и язычок подцеплять не желал.

— Ав-р!

— Ну что ты заладил! Подожди. Зорин с Гелей арестуют всех поганцев, нас отопрут. А потом я спокойненько разберусь, как средоточие поганой силы нам на пользу обратить.

Тут я обомлела. Чем меня отопрут? Ключ здесь, со мной. Я открыла рот. Будто выброшенная на берег рыбешка. Бубусик заворчал. Ох, вот я скудоумица! Конечно, у Адлера запасной сыщется.

Гавр согнулся над замком, дернулся и выкашлял на дужку комок зеленой слизи, посеменил ко второму, неаппетитную манипуляцию повторил.

— Какая удача, разбойник, что ты любой дрянью пузо набивать обожаешь, — хихикнула я, наблюдая, как слюна пузырится, разъедая металл.

Замки упали, я отворила сундук. Тело-исходник более всего походило на большую, в человеческий рост куколку бабочки, то есть даже не куколку, а кокон, плотно оплетенный серебристой паутиной.

— Думаешь, нам надобно его размотать?

Бубусик оперся передними лапками в бортик, фыркнул.

— Хорошо. — Я ткнула паутину кончиком указательного пальца, подцепила ногтем. — Но учти, если там страхолюдина какая окажется, в обморок брякнусь.

— Ав-р...

Гаврюша умел ворчать сотней различных оттенков, сейчас он выражал сарказм. Лицо навьего князя было прекрасным. Такими лицами скульпторы одаряют статуи святых либо героев. У него был гладкий широкий лоб, прямой нос, четкий рисунок губ, подбородок с ямочкой. О цвете закрытых глаз я могла лишь гадать, но ресницы, отбрасывающие тени на алебастрово-белые щеки, были чернее ночи, и локоны таких же иссиня-черных волос упали на лоб, освободившись от паутины.

Мне вдруг захотелось, чтоб Бубусик плюнул на это лицо, чтоб нарушил идеальную гармонию черт, чтоб наваждение, в котором я помимо воли оказалась, развеялось.

— Какая сила в нем! Гавр, а если вдруг сейчас хозяин в свой исходник вернется?

— Ав-р.

— Понимаю, глупо звучит. Но ты же слышал, на что способны тамошние колдуны.

— Ав-р-р-р.

— Я не смогу! Артемидор мои силы запечатал.

Опять ворчание.

— Покойники, это другое! Это даже не тонкий мир, а у самой грани топтание.

— Ав-р.

— Ты слаб совсем, а я...

Бормоча возражения, я отбросила ногой замки, пододвинула ящик вплотную к стене и легла на освободившееся на полу место, вытянув ноги.

Бубусик вильнул хвостом, нырнул в ящик и сразу же показался из него, держа в пасти кончик серебряной паутины.

— Ладно, — вздохнула я, наматывая паутинку себе на запястье, — скоротаем время до освобождения, чего уж там.

Гавр вскочил мне на живот, разместился, свернулся калачиком у солнечного сплетения, уютно засопел.

— Слюни подбери, — велела я, — дыру во мне прожжешь, скандал устрою.

— Ав-р...

Прикрыв глаза, я подстроила дыхание в унисон собачечке, ощутила паутинку на запястье, проследила ее от своей руки до кокона, следуя плетению. Я погружалась в привычную мне заменяющую сон черноту, но теперь в ней мерцала серебряная ниточка, я шла за ней, будто за волшебным клубком из сказки, извив за извивом, изгиб за изгибом. Запястье теплело, покалывание распространилось к плечу, оттуда по всему телу.

Вспышка яркого света заставила зажмуриться. Я опять закрыла глаза? Закрыла, уже закрыв? Значит, я погрузилась в сон.

Грудь наполнил свежий морской воздух, продышавшись, я осторожно приоткрыла веки и вскрикнула. На меня в упор серыми Маняшиными глазами смотрела навья. Гавра рядом не было. Я отскочила, замахала руками, призывая огонь, но вызвала лишь ветер, и то не чародейский, а обычный, свечу таким порывом не задуть.

— Блаженная, — хмыкнула нянька и перекинула за спину русую косу. — Не ори и не дергайся. У тебя воздуха на несколько минут всего осталось в камерке твоей, а ты его тратишь бестолково.

— Маняша? Это точно ты?

— А то кто? — Она поставила на траву ведро, распрямилась. — Зачем пожаловала? Помирать?

Мы стояли на заливном зеленом лугу, вдалеке паслись коровы, с голубого неба светило яркое летнее солнце, река, петляющая в зелени берега, сбегала в синь моря. Нарядная картинка, и ни разу не настоящая.

— Думаю, — я обошла няньку по кругу, со всех сторон рассматривая, — помирать мы обе с тобою погодим. А вот мне любопытно, нянюшка, почему у нави, тело твое захватившей, пониже спины точно такой же ведьмин знак алеет?

— Самый неотложный вопрос! — Она потянулась, извлекла из воздуха травинку и засунула себе в рот. — Знак намалевать — дело нехитрое, даже и под кожу капельку краски впрыснуть. Татуировка называется. Чего еще узнать желаешь? Спрашивай! У тебя же, блаженной, времени море разлитое!

Я взвизгнула и бросилась обниматься:

— Это ты! Нянюшка моя драгоценная, Мария моя Анисьевна, Неелова моя смешная.

Она прижала меня к груди:

— Дитятко...

Но долго насладиться встречей мне не дали.

— Уходи, — отстранилась Маняша.

— Без тебя не уйду.

— Не вытащишь, Серафима, не сдюжишь. Я-то всю силу свою истратила, а ты вернуться еще успеешь.

— Ты меня спасла, — прошептала я сквозь слезы. — На меня силу потратила, теперь мой черед.

Я посмотрела на свое запястье, ниточка от него тянулась аршина на два, растворяясь в воздухе.

— Пойдем. — Другой рукой я взяла Маняшину ладонь. — Сейчас мы с тобою поганую навью силу

используем и в наш мир вернемся.

— Может, я не желаю!

Я остановилась:

— Объясни.

Никогда ни до ни после я не видела свою Неелову столь смущенной. Она хотела вот так вот, на пике из жизни уйти, героиней в памяти людской остаться, величайшей ведьмой. Раньше я горделивых порывов за Маняшей не замечала, даже усомнилась на мгновение, не навья ли меня сызнава морочит. Но, когда объяснения стали путаными и вовсе нелепыми, а я, разгневавшись, топнула ногой, дурочка призналась. Дело было в князе Кошкине. Маняша любила его, любим, хоть старцем, хоть молодцеватым гусаром, потому что любят не тело, а то, что в нем. А вот быть рядом с любимым она могла лишь в роли сиделки Лулу.

— Мы уехать хотели, — смахнула она слезу, — век наш доживать. Со мною он лет с десятков еще протянул бы. А теперь что? Ты ведь все обратно переиграешь, я тебя, Серафима, знаю, у тебя до справедливости просто зуд какой-то образовывается.

— Может, я и не смогу переиграть, — принялась я утешать, — может, не сдюжу.

— Ты-то?

Гнев, чистый, яркий, застил мне глаза.

— Трусиха! — закричала я. — Нелепая жалкая трусиха! Версты скрадывать она не боялась, и в самом гнезде навском поселиться, а тут страх напал. Даже если не сложится у тебя с Анатолом в яви, если расстанетесь, жизнь на любви не заканчивается!

— Я раньше так же думала, но то раньше...

— Хорошо, ежели так, отчего же ты своего любимого из этой задачки устранила? Ты у князя спросила, желает ли он твоей жертвы? Может, он за тобой уйдет?

Я запнулась, поняв с ошеломляющей ясностью, что именно на это она и надеется, что здесь, у грани, Маняша Неелова любимого поджидает, чтоб вместе, чтоб рука к руке в неизвестность отправиться.

— Это грех, — проговорила я серьезно. — Самоубийство, Мария Анисьевна, смертный грех, а ты двойной на себя взгромоздишь, и за себя, и за Анатоля. Я тебе этого позволить никак не могу.

Схватив ее за руку с такой силой, что пальцы хрустнули, я потянула:

— К лешему мадемуазель Мерло, ты в свое тело вернешься. Молчи, я все решила. Я пока еще твоя хозяйка, у меня и контракт про это имеется, так что перечить не смей.

Луг истаял маревом, пространство вокруг превратилось в пульсирующую бездну, и мы шли сквозь нее, как заблудившиеся в лесу детишки.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в коей заканчивается история барышни Абызовой, умницы, красавицы и папиной дочки

Затѣмъ, остается лишь слѣдовать правиламъ этикета и свѣтской жизни, чтобы существовать въ спокойствіи и довольстве, дѣлая окружающихъ насъ такими же счастливыми, какъ мы сами.

Ночь с первого на второе сеченя запомнится обитателям солиднейшей Банковской улицы надолго. Эдакой аберрации здесь доселе не случалось.

На исходе восьмого вечернего часа в здании, где располагался «Сохранный господ Адлера и Робинзона коммерческий банк», повывлетали все до одного стекла, а из распахнувшейся двери повалил дым. Жители соседних домов подготовились к худшему, кликнули городских и пожарную команду. Но прежде пожарных у банковского подъезда появилась группа вооруженных всадников. Дым к тому времени почти развеялся, поэтому обыватели бросились по домам, демонстрируя нелишнюю в этих обстоятельствах осторожность. Сквозь плотно прикрытые ставни они могли слышать звуки нешуточной драки, свистки городских и даже — о ужас! — беспорядочную пальбу.

Когда выстрелы стихли, самые смелые из соседей, выглядывающие в окна либо вышедшие на двор, лицезрели слаженную работу столичных охранных служб. Наутро из газет они узнали, что наблюдали совместную операцию разбойного, тайного и чародейского приказов по поимке и арестовыванию разбойной банды залетных головорезов из Жечи.

Попович на место прибыла, можно сказать, к шапочному разбору. Потому что чародеи — слова даже приличного для них не подберешь — транспортом для надворной советницы не озаботились, пришлось самолично извозчика искать, а после грозить карами небесными и земным арестом, чтоб он ее на Банковскую домчал, хотя сам мужик домой уже ехал и пассажиров брать не собирался.

Неширокая улица была запружена народом, кучер пожарного экипажа бранился с конвойными тюремных карет, чтоб посторонились, с крыльца выводили арестантов со связанными руками, во всех соседних окнах горел свет и виднелись лица любопытствующих.

Геля велела ваньке остановиться на углу, заплатила сверх положенного и пошла дальше пешком. В кордонное оцепление отрядили разбойных, пришлось еще поругаться, чтоб допустили надворную советницу службу исполнить.

У самого подъезда ее сызнова задержали, младший чародейский чин спрашивал, куда арестантку доставить. Та оказалась госпожой Нееловой, то есть навъей в Маняшином обличье, мотала головой и висла на руках конвоиров, будто сама идти была не в состоянии.

— К нам вези, — решила Попович. — Только отдельно закрой, без соседей, и присмотр организуй. Семен Аристархович после разберется, кому сию особу передать.

Женщину потащили к карете с решетками на окнах, но тут на крыльце появился упомянутый Семен Аристархович:

— Неелову оставить, — скомандовал он чинам. — Геля, бери ее под руку, сюда. Да помогите ей, болваны, черт вас всех дерит!

На руках начальника повизгивала пухлая собачонка:

— Ав-р! Ав-р, ав-р!

В разгромленной приемной банка они усадили арестантку на диванчик, Крестовский щелчком пальцев освободил ее от наручников и положил на колени Бубусика.

— Сторожи! — непонятно кому сказал, а распрямившись, зычно крикнул: — Всем покинуть помещение, проводится мероприятие чародейского приказа, прочим ожидать его окончания на улице.

— Митрофан, дверь запри. — Это уже командовал возникший незнамо откуда Мамаев.

Он поддерживал за плечи князя Кошкина. Его сиятельство был избит, одежда его висела лохмотьями, а ноги не слушались. Эльдар сгрузил Анатоля рядом с Нееловой и подмигнул Геле:

— Купидоном подрабатываю.

Геля приподняла брови. Приказов начальства не поступило, потому она просто стояла, их ожидая. Мамаев немой вопрос коллеги уловил и с готовностью ответил:

— Достигла наша Серафима Карповна, чего желала. Няньку на место вернула, ну и князя заодно.

Девушка посмотрела на руки его сиятельства, свободные от наручников, на то, как крепко держит он Маняшину ладонь, и обрадовалась:

— Сновидица в деле?

Эльдар покачал головой:

— Там сложно все. Серафима навью поганую силу брала, ею и обмен совершила, а сама...

— Дитятко, — простонала Неелова, — как же так... как же...

— Что?

— Там она, у грани. — Мамаев кивнул в сторону коридора. — На самом деле препаршиво все.

Геля быстро переместилась в указанном направлении. Серафима лежала на полу, от руки ее тянулась какая-то мохнатая белая лента, скрывающаяся за приоткрытой дверью, над телом на коленях стоял Зорин, возложив руки на грудь девушки, и ритмично раскачивался, будто пружинный болванчик.

— Мы с Эльдаром сейчас Ванечку поддерживать будем, — сказал подошедший Крестовский. — Накачаем его по маковку, дальше он разберется. Геля, ты за главную, штатских присмотри, Митрофан отвечает за дверь, ежели кто сунется, огнем швыряться дозволяю. Ваша с Митрофаном задача никого к нам не допускать, чтоб волшбе не мешали. Исполнять.

Чародеи синхронно шагнули в коридор, соприкоснувшись плечами, проем сразу же затянулся мерцающим защитным покровом. Он не давал смотреть, но ноздрей сыскарки коснулся густой аромат скошенной травы, а слуха — негромкий баритон Семена, напевающего странную, нездешнюю мелодию. Волшба началась.

Мы с Маняшей сидели за широким скобленным столом на кухне нашей лесной загорской заимки. Был исход лета, косые солнечные лучи сквозь потолочное оконце разбивались зайчиками о блестящие бока висящих на стене кастрюль и сковородок. Сидели друг напротив дружки, на столе между нами стояла миска, полная бордовой вишни. Нянька обещалась мне нынче вареники с ягодой наvertеть, но обещание сие значило, что вертеть нам их в четыре руки не переvertеть до глубокой ночи.

— Притомилась, — жалобно протянула я, кивая на печь, с краю которой стоял накрытый полотенцем результат утренних трудов. — Может, ну его, остальное так употребим?

Нянька посмотрела на меня удивленно, обвела кухнюшку расширенными глазами:

— Вишня? — Она поднялась и сдернула полотенце с досточки, на которой, присыпанные от липкости мукой, лежало с полсотни вареников. — Тесто?

— Точно. — Я вдруг вспомнила, что нынче вовсе не лето, мне не пятнадцать лет, и вообще все припомнила. — Иначе никак. Ты же сама говорила, что тесто — символ жизни, недаром на поминки блины печь принято.

Единственное, что не вспоминалось, отчего моя правая рука оказалась перебинтована и почему я эту повязку снять не могу.

Маняша прислушалась, на дворе скрипел снег под чьими-то тяжелыми шагами.

— Пустое, — улыбнулась я. — Может, бер-шатун, может, еще кто. Только никто нас в этой выдуманной кухнеке не потревожит. Потому что я так решила. Давай-ка, любезная, к делу нашему приступать.

— Командуй.

Это я любила.

— Выбери из лепнины четыре штучки, какие пожелаешь. Я решила, что ты нужные нам отберешь.

Маняша отодвинула от меня миску, расстелила полотенце и выложила на него четыре вареника, два — серпиками в левую сторону, два — в правую.

— Манифик. — Я подвинула их, будто составляя из полумесяцев два пухлых солнышка. «Начну с этих, — подумала я, — потому что к Маняше они прямого отношения не имеют, это тела князя Кошкина и Сигизмунда. Будет у меня действие пробное, тренировка».

— Муки!

Обмакнула кончики пальцев в подсыпанную горку, разлепила оба вареника, осмотрела начинку, она отличалась. В одном вишня была зрелая, бордовая и блестящая, а во втором... и не вишня вовсе, а что-то вроде паслена или воронца, черные ядовитые плоды.

— Ложку подай! — Трогать отраву руками не хотелось.

Поменяв начинку местами, я попросила воды, намочила пальцы и сызнава залепила края теста.

— И это все? — удивилась нянька.

— В котел еще бросить надо, посмотри, на печи кипеть что-то всенепременно должно.

Маняша, сняв дощатую крышку, поглядела в котел, кивнула:

— Бросать будешь?

— Сама потрудись.

За манипуляциями ее я даже не смотрела, споро меняя ягоды второй пары. Внезапно накотившая слабость меня насторожила, испугала, что сомлею и обмен завершить не смогу.

Когда Маняша вернулась от печи, я прошептала:

— Эти еще кинь. — Дверь заходила ходуном, будто действительно шалил бер. — Поторопись, нянюшка.

Маняша метнула вареники в котел, задвинула крышку, бросилась ко мне, но исчезла, не успев и пары шагов сделать.

А я все успела, смогла. Тело безвольно поникло, я упала грудью на столешницу, повернула голову, глядя, как дверь разлетается мелкой щепкой и на пороге возникает высокий брюнет в белых одеждах. От левой руки мужчины к моей правой тянулась белая же лента.

— Роза для розы? — спросила я хрипло.

— Моя корсарка! — Он учтиво поклонился и вовсе без учтивости дернул связывающую нас веревку. — Пойдем, мне в этой развалюхе находиться неприятно.

Плечо от рывка хрустнуло и противно заныло. Глаза у навьего князя были черные, как воронец или паслен.

Он тащил меня за собой по снегу, по камням, по сочной траве, по хлюпающей грязи, будто собаку на веревочке, не давая встать на ноги. Он грозил страшными карами, сулил богатства земные и прочие удовольствия. Я молчала, не желая расплескать переполняющее меня счастье. Я смогла, я успела, я молодец. И даже если мне теперь предстояло сгнуться в складках тонкого мира, плевать. Уйду на пике, великой, той, что сдюжила.

Наконец нав подхватил меня за плечи и толкнул на плоский камень, стоящий в центре меловой пещеры:

— Отпирать сейчас будем, красавица.

Я посмотрела на грозди паутиных коконов, свисающих с потолка. Сколько же вас здесь, тварей, схоронено? Погодите... Отпирать?!

Нав когтями разодрал мою одежду, отбросил в сторону, обнажая тело. Я заорала, он накинул мне на шею петлю. Лента, что связывала нас, удлинилась, он оплел мне запястья, щиколотки, отошел, любуясь:

— Красивая ты девка, Серафима, по человечьим, разумеется, меркам. — Нав медленно стянул белый камзол, и он повис продетым рукавом на веревке. — Но, к счастью, я уже столь долго среди вас, человечков, нахожусь, что мерки ваши и ко мне подходят. Сейчас, милая, мы с тобою великое таинство совершим, для продолжения рода и сохранения нашего гнезда, во славу...

Сорочка ни на чем не повисла, князь полоснул по ней когтями, кромсая, стянул башмаки.

Тело у него было красивое, но как будто неживое, не как у покойника, а вроде торса мраморной статуи в фонтане.

— Во славу... — бормотал он, будто забыв когда-то накрепко заученное. — Не будет им от меня

отныне почета! Во славу меня!

Я отвернулась, потому что штаны нав снял, а на то, что под ними, приличная девушка смотреть не должна.

— Мы с тобою, блаженная, таких дел наворотим! Какая в тебе сила, Серафима! Но и не только она. Хитрость, ловкость, изворотливость, удача. И мне с тобой повезло. То, что ты для погружения в тонкий мир мою силу черпала, связало нас накрепко, от того и я в силу вошел.

Слово «вошел» мне вообще не понравилось, но прозвучало оно отдаленно, поэтому я открыла один глаз и посмотрела на мраморные навьи ягодицы. Сам он стоял у стены под низко свисающим коконом и кромсал его когтями. Белая паутина пропиталась блестящей черной жижей, эту жижу князь собирал в золоченый кубок.

— Именно такая мне и нужна, — говорил он, не оборачиваясь. — Хозяйка, госпожа, королева. Без матки гнездо не живет, так существует. Теперь же наше гнездо на такие вершины покусятся...

Князь начал поворачиваться, я зажмурилась. Интересно, если я сейчас себе язык откушу, помру только здесь или в яви тоже?

— Мы связаны, — хохотнул нав глумливо. — Я слышу все твои мысли.

— Тогда почему я твоих не слышу? — От возмущения я открыла глаза и встретила его черный неживой взгляд.

— Таинство перенесет сюда твоё маленькое тело, Серафима. И даже если оно при этом окажется без языка, — он лизнул свои губы, — тем лучше, болтливые женщины отвратительны.

Не живой? Просто темный, но черноту тоже можно разложить на тысячу оттенков.

Я прыгнула во тьму, как уже проделывала с пламенем Эльдара, услышала мысли одинокой древней твари, постигла его планы, мелкие и древности недостойные, его страхи, его мечты.

— Не смей!

Щеку ожгло ударом, рот наполнился соленым вкусом моей крови. Однако часто вы, барышня Абызова, последнее время по мордасам получаете.

— Ягнус, — протянула я глумливо, — и имя у тебя преотвратное. Я-агну-у-с...

Нав захлопал ресницами, отшатнулся, потом, будто справившись со страхом, отпил из кубка черную навью кровь.

— Шелковая будешь, моя...

Он схватил меня за волосы, кубок наклонился над моим лицом, готовясь пролиться струей в рот. Я сжала губы, понимая уже, что попытки напрасны.

Сбоку раздался звук, будто от свалившегося на пол тела. Мы повернулись посмотреть, грязный кокон, не удержавшись, упал с высоты. Крошечная отсрочка, убедившись, что опасности нет, Ягнус...

Бах! Кубок отлетел, стукнулся о стену, разбрызгивая черные капли. Жах! Нав поднял руку, на которой болтался лишь отрезок веревки. Бум! Он упал на спину, потешно вскинув ноги. Жах! Мои пути разлетелись лоскутами.

— Иван?

Зорин на меня не смотрел, он орудовал мечом, отбивая атаки вскочившего на ноги нава. У того появились клинки или в них превратились чудовищные когти.

Сев на камне, я прикрылась своим платьем. Смотреть на сражение было отчаянно стыдно. Клинки-то он себе наколдовал, а вот одежду — не удосужился. Поэтому, отвернувшись, я принялась снимать с себя оставшиеся в волосах паутинки.

Нав торжествующе вскрикнул, заставив меня похолодеть. Он теснил Зорина к стене, тот пошатнулся. Князь подпрыгнул, рубанул ближайший кокон. Из паутиной кожицы на пол выпала многорукая тварь.

— Иван!

Но «многоручка» в бой не ринулась, по-паучьи перебирая конечностями, она ползла по стене, один

за одним сбрасывая вниз коконы. Те раскрывались, и их обитатели, страшные, безмолвные, не похожие на людей, рядами наступали на чародея.

Зорин прижался спиной к стене, отбил первую атаку, другую, но поверженным на смену устремлялись все новые чудовища.

— Мы еще не закончили, — интимно шепнул Ягнус, появляясь рядом. — Продолжим? Зрители нам не помешают.

Он потянулся к моему лицу рукой, с которой капала черная кровь.

— Серафима, — истошно заорала я, разводя руки, — жги!

Тряпочки мои упали, но это было все равно, потому что сгорели бы они в любом случае. Огненный тайфун пронесся по пещере, коконы вспыхивали, в мгновение догорая, огонь лизал меловые стены, будто не насытившись, твари горели с треском и шипением, от их тел поднимался черный дым.

Невредимый князь шел сквозь него, вертя клинками как мельница крыльями. Иван двигался навстречу, без рисовки, расслабленно держа меч в чуть отведенной руке. Рубаха сгорела, чародей обнажился по пояс, мускулы торса напряглись.

Схватка была стремительной. Железо ударило о железо лишь однажды, блеснул меч, отсекая лавы клинки вместе с руками, следующим ударом Иван снес с плеч красивую голову Ягнуса.

— Как-то так, — рассеянно сообщил Зорин и вытер запястьем лоб.

— Иванушка! — взвизгнула я и повисла на зоринской шее. — Ты меня спас! Теперь ты, как порядочный человек, должен на мне жениться!

— Бешеная. — Чародей подхватил меня на руки. — Всенепременно женюсь, давай только сперва отсюда выберемся.

Мы плутали по пещерам довольно долго, я соскучилась, поняв, что миловаться со мною в тонком мире Болван Иванович не намерен. Потом заверяла, что никто насилия надо мной не учинил, просто потому что времени ему не дали. После расспрашивала, как Зорину удалось за мною отправиться и почему эти его великие помощники обратно нас тем же манером не выдернут. Ну и добилась парочки вполне сладких поцелуев, пары десятков, если считать. Потому что даже великие чародеи супротив горячей девицы не устоят, особенно столь неодетой.

— Все, — простонал Иван, отстраняясь, — продолжать не будем, неправильно это в замирье любить, не по-людски. Тем более мне все время кажется, что за нами твой Гуннар наблюдает.

— И потешил бы старика представлением, дуралей. — Артемидор вынырнул из тени верхом на коричневом в рыжую полоску Седмяте. — Тебя, остолопа, и так и эдак убалтывали, а ты...

— Учитель, — высвободившись из объятий Ивана, я подбежала к всаднику, почесала за ушком кота. — Я — молодец, я без сновидческих сил справилась! Ничего, что я голая?

Гуннар фыркнул, шелкнул пальцами, меня окутал разноцветный шелк платья.

— Только чтоб твой остолоп не ревновал. Мне-то одинаково, хоть без кожи болтайся.

Зорин поднялся на ноги и низко поклонился.

— Следил, — ответил сновидец на немой вопрос. — Только наша блаженная принялась неуспокоенных на тот свет переводить, встревожился и стал наблюдать. Подумал, что она таким манером и в складки тонкого мира ввинтиться попробует. И да, собирался вмешаться, когда эту деву к обряду подготавливали. Собирался, но, к стыду, вряд ли бы успел.

— Мы бы тебя, Серафима, с собой увезли, — пробурчал Седмята, — при любом печальном исходе. Папочка орал, что-де тебя никто тут недостойный и что тебе лучше у нас обретаться. Орал, что повывелись мужики в медвежьей империи, ни полюбить, ни охранить.

Он повел лобастой башкой в сторону Ивана:

— Но этот вроде ничего мужик, дерется опять же, колдует, спас.

— Помолчи, животное, — фыркнул Артемидор. — Этот мужик прежде говорящих котом не видал, он сейчас в обморок брякнется.

— Я только в тонком мире говорить могу, — смутился Седмята, — мал еще, в силу не вошел.

Иван сызнова поклонился, уже коту. Тому уважение понравилось.

— Ладно. — Артемидор тряхнул косицами. — Недосуг мне тут с вами возиться, у меня питомцы не кормлены, соседи не пуганы... Ты, блаженная, чтоб до середины сеченя дома была, будем тебя до сновидицы обтесывать. Ты, дуралей, чтоб девку мне обижать не смел и при себе не держи. Через пару месяцев вернется, потерпишь. Ты, — он щелкнул кота по уху, — болтун, детишек в мир сопроводи и догоняй.

Гуннар Артемидор Свенский истаял в воздухе призраком, а Седмята предложил:

— Садитесь, детишки, вмиг домчу.

Я застонала и открыла глаза. Беленый потолок марали разводы копоти. Иван помог мне сесть, прижал к груди, я слышала, как бьется его сердце.

— Эльдар с Семеном убежали канцлера успокаивать и держать, чтоб он к нам не ворвался.

Мы подождали, пока моя голова перестанет кружиться, встали. В коридоре были только мы вдвоем, но за фальшивым маревом в приемной спорили на повышенных тонах.

— Погоди минуточку...

Заглянув в ячейку, я открыла ящик, вместо тела Ягнуса там теперь высилась горка серого праха.

— Пойдем. — Иван держал меня за плечи, иначе я попросту бы упала.

— И кого я теперь общественности предъявлять должен? — горячился канцлер. — Вы, именно вы, Семен Аристархович, главного фигуранта мне прошляпили! Где Савицкий? Где жечьский разбойник, чья шайка пыталась взять штурмом солидный мокошьградский банк?

Крестовский стоял перед ним, опустив голову.

— Барышня Абызова, — Юлий Францевич сменил тон на умильный, — как вы себя чувствуете?

— Серафиме Карповне полный покой предписан, — ответил за меня Зорин. — Я за нею присмотрю.

— Но позвольте, Иван Иванович, — Брют замахал руками, — по какому такому праву...

Входная дверь распахнулась.

— Господин канцлер, позвольте обратиться к начальнику чародейского приказа? — Евангелина Романовна стояла по струнке. — Дело не терпит отлагательств.

— Обращайтесь. — Щечки Юлия Францевича покраснели, Геле он благоволил.

— Шеф! Куда прикажете перевести арестованного Сигизмунда Кшиштовича Савицкого?

Продолжение мы наблюдать не стали. Иван повел меня прочь. У крыльца нас встретили Эльдар с Бубусиком и зареванная Маняша.

Я бросилась ей на грудь.

— Оказалось, что сей Сигизмунд у нас со вчера под арестом сидел, — рассказывал Ивану Мамаев, когда мы уже ехали в коляске, направляясь домой. — Князь обещал нам с Серафимой помочь и в чародейский приказ отправился, а наши дуболомы, не разобравшись, в камеру его, до выяснения.

Я отмокала в ванне часа два, не меньше. Прибежавшая по-соседски проведать Геля похвасталась, что Семен ею доволен, что Юлий Францевич на радостях их какими-то невероятными полномочиями наделил, что князь Кошкин устроил в своей резиденции форменный конец света, увольняя прислугу десятками. Потом извинилась, что мадемуазель Мерло задержать им не удалось.

— Хорошо, что она Март моих не обидела. Ушла и ушла.

С этим Геля согласилась.

— Ты Эльдара гони, — сказала она, прощаясь. — Как засели с Зориным в твоей гостиной, так и не выходят, и ни один в приказ не явился даже.

— Зорина не пуцу! Он мне здесь нужен. А Мамаев — в живот раненный, в любой момент рана откроется, без напарника останешься.

Попович расхохоталась:

— Экая ты командирша.

Но Эльдара утатила каким-то лекарям показывать. Маняша слонялась по первому этажу, будто тень, я с разговорами не приставала. Понятно же, кого ждет. Бубусик захватил кухню, руянские горничные устроили ему у печи спальное место — корзину с подстилкой, собачечка кушал, почивал, опять кушал и чувствовал себя прекрасно. Впервые за долгое время я оказалась в одиночестве и теперь размышляла над обидными словами, которые сказала мне Мария Анисьевна, провожая в спальню:

— Ничего себе, дитятко, не придумывай, не сладится у тебя с Иваном Ивановичем.

— Я его люблю.

— В том-то и дело, любишь и дальше своего носа через это не видишь. Не пара тебе Зорин, а ты ему. Он — чиновник, человек небогатый, ты — папина дочка, деньгами кидаться привыкшая. Знаешь, что люди про вас скажут? Скажут, купила себе блаженная Серафима игрушку.

— Мне людская молва безразлична.

— Это тебе, — продолжала Маняша спокойно и рассудительно. — О чародее подумай. Ты вот даже дом купила с расчетом, что не одна в нем жить будешь, а семьей. То есть решила, что Иван примаком к тебе пойдет. Вообрази, что на это почтенные родители Ивана Ивановича подумают.

Этими родителями она меня натурально в грязь втоптала и удалилась, вещунья загорская.

Я немедленно вообразила грозную попадью, проклинающую сына, грустного отца Иоанна, белобрых братьев-сестер, выражающих неодобрение. У нас за горами примаков не жалуют, считается, что в семье супруги жить не по-мужски.

Ну, положим, от дома я откажусь, снимем с Ванечкой квартиру скромную, с милым рай и в шалаше. Только тогда уже мой родитель проклинать примется. Да и глупо это, выбирать шалаш, когда есть хоромы. Если бы их не было, другое дело, была бы где угодно счастлива и на долю не роптала. Но приbedняться?

Твердые шаги Ивана по лестнице я услышала издалека и едва успела плюхнуться на постель, изобразив болезненную дрему. Авось посмотрит на меня, несчастную, и уйдет. Разговаривать я не желала. Было стыдно, это во-вторых, за все свои любово-страстные приставания, а пуще того за требование немедленно жениться. А во-первых, копошился у меня в душе гаденький страх отказа.

Зорин тихонько открыл дверь, замер на пороге. Он успел переодеться, видно — послал кого-то за сменой. Я подглядывала за ним сквозь прикрытые веки и пожалела, что торсом мне сейчас любоваться не приходится. Какой же он красивый, мой богатырь, мощный, крепкий как дуб и такой же высокий. Ну все, милый, слаба я, сплю, ступай.

Никуда он не ушел, напротив, пересек спальню и присел подле меня, взял правую руку, поцеловал пальцы, избегая касаться обручального Князева кольца с рубином. Передумав лицедействовать, я погладила его склоненную голову, взъерошила волосы, обвела ладонью линию скул. Поцелуй сместился к запястью, от него по кровяной жилке устремился томный жар, растекаясь по телу. Я громко задышала, изогнулась спиной и раздраженно ахнула, когда губы чародея отстранились.

— Серафима, — сказал он хрипло, — нам нужно серьезно поговорить.

— Начинай! — Сев на постели, я скрестила руки на груди.

Ежели он сейчас мне со своею серьезностью предложит друзьями остаться...

— Барышня, — девица Царт поскреблась в дверь, как комнатная собачка, — простите великодушно, но за вами там пришли. — Марта ткнула пальцем в потолок. — Цельным эскортом. Я, главное, говорю: «Серафима Карповна почивают», а командир их, со значением так: «К великому князю барышню Абызову доставить велено».

Со вздохом Зорин встал:

— Собирайся, а я пока с эскортом потолкую.

Он вышел, я сглотнула. Великий князь? В Берендийской империи один такой, брат нашего величества — великий князь Константин Георгиевич. В ушах зазвучал торжественно гимн, под него танцевал косолапо гербовый бер, размахивая лазоревыми и белыми полотнищами флага.

— Марта! — взвизгнула я. — Здесь хоть какое-нибудь приличное платье есть? Маняша! Девица

Фюллинг! Все сюда! Мне одеться надобно!

Достойной одежды, разумеется, не сыскалось. Весь гардероб остался на Голубой улице.

Я металась по комнате от зеркала к окну, заламывая руки.

— Ни в жизнь не поверю, — спокойно сказала Маняша, — что ты, дитяtko, по этому адресу ничего доставить не заказала.

— Не до того было! — Я вскрикнула, увидев свое отражение. — Волосы! Я погибла, опозорена!

Но девица Царт уже вносила в спальню нераспакованные картонки, девица Фюллинг укладывала мои локоны, а Маняша шуршала оберточной бумагой.

— Ты, Серафима, покупки, в себя не приходя, обычно совершаешь, — ругалась она беззлобно. — Вот, вполне ничего нарядец, без эпатажу, синяки на шее заодно скроешь. И еще неизвестно, зачем тебя зовут, может, это вовсе не аудиенция, а арест.

— Даже для ареста к великому князю наряжаться надобно.

Девицы потянули меня за руки, завертели во все стороны, раздели, натянули чулки и белье, обрядили в платье, приколотили к прическе шляпку, зашнуровали ботиночки. Действовали они со слаженной сосредоточенностью и молча, тишину спальни нарушал лишь шелест ткани и мои вздохи.

— Барышня!

— Барыня!

— Ничего так, сойдет.

Я подошла к зеркалу. Манифик! Жемчужно-серое кружево платья было нашито на белый чехол, жемчужные пуговицы поблескивали у ворота-стойки, узкая в талии юбка с небольшим турнюром спускалась к носочкам ботинок серой лайки, шляпка сидела на макушке задорно и была на тон темнее платья. Единственной точкой, вносящей диссонанс в сей ансамбль, был алый рубин на безымянном пальце.

Ах, я все время забываю, что невеста! У нас в Берендии обряд обручения строг и волшебен, пока помолвка не разорвана, я кольца с руки не сорву.

Я натянула перчатки, скрывая ненавистную обручалку и покраснела. Дурочка ты, Серафима, безголовая, память, что у золотой рыбки. На что ты Ивана Ивановича подбивала? Не мог он на твои притязания ответить, потому что одно дело с незамужнею девицею под ракитовым кустом любиться, в том как раз греха особого нет, а другое — невесту чужую портить.

Румянец мне шел, зеркало врать не будет, и глаза от стыда прелестно заблестели. Улыбнувшись отражению, я вышла из спальни. Иван Иванович был в гостинной в компании рослого офицера.

Мужчины встали при моем появлении.

— Императорского полка поручик Жогов. — Военный отдал честь. — Приказано высочайшим повелением сопроводить барышню Абызову.

Чародей смотрел на меня с таким восторгом, что мне немедленно захотелось целоваться. Наверно, все же это не арест. Зорин с поручиком беседовал вполне мирно и явно не собирался отпускать меня одну.

Во дворе нас ждала простая, без лакеев и гербов, карета и четверка верховых в мундирах императорской стражи. Поручик вскочил на коня, так что на время дороги мы с Иваном остались наедине. Ах, до чего неприлично! Но тащить с собою дуэнью на высочайший призыв?

— Ничего не бойся, — вполголоса говорил Зорин. — О причине высочайшего повеления мне разузнать не удалось, но, думаю все допросом ограничится. Господин канцлер, видимо, в этот раз концы в воду вовремя не спрятал и дело до самых верхов дошло.

— Не представляю, как весь этот кавардак скрыть возможно.

— Вполне. — Иван холодно улыбнулся. — Юлий Францевич в мгновение ока совместную операцию трех приказов организовал, разбойную банду грабителей обезвредил. Все газеты про то нынче написали. И главный злодей для суда у него имеется, Сигизмунд этот из Жечи, а то, что по документам пану Савицкому больше ста лет, так это в документах ошибка, писарь нерадивый метрику правил. А завтра в прессе свежая появится новость, что разбойники лихие собирались

Манеж на Рождество подорвать, чтоб как можно больше народа, собравшегося на ярмарку, полегло. Не уверен, которому из приказов слава предотвращения достанется.

Так вот, значит, о каком «бабахе» нав Янгус болтал.

— А на самом деле кого благодарить?

— Эльдар с Семеном носом землю рыли, пока я тебя сторожил. Сказывали, в фундаменте закладку нашли с механизмом.

Таким раздраженным я Ивана прежде не видела. Его улыбка скрывала бешенство. Сняв с левой руки перчатку, я погладила его по щеке:

— Иванушка, не знаю, какую интригу вы с Крестовским задумали, но догадываюсь, что Брют вас переиграл.

— Мы хотели связь канцлера с навами открыть.

«Мальчишки, — подумала я. — Хотели, а вместо этого каштаны из огня для Брюта голыми руками таскали. Юлий Францевич их сворой гончих на цель пустил. Ну ничего, Иван ты мой царевич, какие твои годы. Если пожелаешь старикану хвост прижать, сдюжишь. Подрасти тебе надо, заматереть, и друзьям твоим, да и мне, если по правде. Все мы сейчас пока просто щенки. Пока».

Карета остановилась у неприметного здания, поручик спешил, постучал в дверь, проговорил что-то в отворившееся смотровое окошко и махнул эскорту. Мы вошли под звук отъезжающих коней.

Помещение было присутственным, за конторками сидели офицеры в форменных мундирах, такие же сновали по коридорам, звяканье телефонных аппаратов и негромкие голоса доносились отовсюду.

Нас проводили на второй этаж, предложили обождать в приемной на солидных кожаных креслах. Поручик кивнул секретарю, попрощался и ушел. Я почувствовала одновременно жар и холод, нижняя губа нервно задрожала, так что пришлось ее прикусить.

Секретарь, тоже в мундире при эполетах, молоденький и безусый, явно мною впечатлился, бросал искоса жаркие взоры и преувеличенно деловито шуршал бумагами. А когда спросил, не желает ли Серафима Карповна чаю либо кофе, голос его дрогнул.

Зорин шевельнул бровью и кашлянул со значением.

— Будьте столь любезны, — протянула я карамельно, — кофе, если возможно, с капелькой сливок.

Секретарь удалился в каморку за ширмой и вернулся с подносом.

— Как у вас здесь все под рукой, — улыбнулся чародей и пальцы его выбили быструю дробь на подлокотнике кресла.

Юноша вздрогнул, поставил поднос, оглянулся на дверь кабинета и, извинившись, опрометью выбежал в коридор.

— Это ревность? — спросила я, размешивая сливки.

Иван не ответил, потянул носом, будто принюхиваясь, прищурился и взмахнул рукой, будто разгоняя туман.

— Однако, Юлий Францевич, — раздался в приемной властный мужской голос, — эти, как вы выразились, мальчишки разорили на Руюне навье лежбище.

Я обернулась к Зорину, но он поднес к губам палец:

— Тсс...

Мы подслушивали то, что в сей момент происходило в кабинете! Канцлер властному голосу что-то возразил, тот стал громче.

— Одно то, что чародейский приказ избавил князя Кошкина от ужасного проклятия, вопиет о необходимости этой службы в столице. Его величество, как только его уведомили о всех произошедших событиях, пожелал перевести чародейский приказ под контроль имперской канцелярии, под мой контроль.

Брют восхитился имперской мудрости.

Зорин схватил меня за руку с такой силой, что кольцо впилось в кожу. Он улыбался, будто ребенок, получивший леденец. Кажется, только что оглашенное решение его обрадовало.

Канцлер стал прощаться, Иван потащил меня за ширму, развеивая колдовство. Прижавшись друг к другу, как шкодливые детишки, мы пережидали, пока Юлий Францевич покинет приемную, а когда выглянули, увидели великого князя Константина Георгиевича, очень похожего на свой парадный портрет, висящий в императорской картинной галерее.

Был он могуч и осанист, весь, от пушистых усов до кончиков ботфортов, излучал сановное величие.

— Чародей, — подмигнул его сиятельство Зорину, — стало быть, все, что надобно, слышал.

Иван поклонился, представился без смущения.

— Славно, славно... — Великий князь полюбовался моим румянцем, остановил взгляд на родинке у рта, остался увиденным доволен. — Мы с вами, господин чародей, здесь потолкуем, раз уж мой секретарь так удачно... Кстати, вы его не обидели?

Иван ответил, что-де, как возможно, и что юноша по срочной надобности отлучился, а великий князь на это хохотнул, а после велел мне в кабинет отправляться, сам, прислонившись к краю секретарского стола, забросал Зорина вопросами.

Ковер в кабинете оказался густоты чрезвычайной, я даже испугалась, что запутаюсь каблучком в ворсе и плюхнусь прескандально.

— Серафима! — Князь Кошкин поднялся из кресла для посетителей.

— Ваше сиятельство.

Присев в реверансе, я отметила про себя бледный вид Анатоля, темные круги под глазами и крошечный бритвенный порез на верхней губе.

— Совсем я отвык от этого тела, — развел князь руками, после обнял меня порывисто и зашептал: — Спасибо, Серафима, век за вас молиться буду и за ребят ваших чародеев.

По моей щеке потекли его слезы, и это было странно.

— Я умолил дядюшку нам встречу устроить, чтоб наедине побеседовать. Серафима...

Дядюшку? Я мысленно скользнула по ветвям берендийского имперского дома. Анатолий великому князю приходился троюродным внучатым племянником по женской линии. Дядюшка! Надо же.

Кошкин благодарил еще довольно долго, с четверть часа, я успела заскучать и раздумывала, как бы разговор в сторону Маняши повернуть, но в голову ничего не приходило.

— И вот, — Анатолий изменил тон, я напряглась, — должен сообщить вам, Серафима Карповна Абызова, что я, Анатолий Ефремович князь Кошкин, разрываю нашу помолвку.

Растерявшись, я все никак не могла справиться с перчаткой, а когда наконец сняла ее, кольцо скользнуло с пальца с такой легкостью, будто я его намылила.

— Так как разрыв произошел по моей вине, — продолжал князь, — вы, Серафима Карповна, получаете в качестве отступного...

Я хихикнула как дурочка, расцеловала сиятельные бритые щеки трижды, как у нас, берендийцев, принято, и вложила в ладонь Анатоля рубиновое колечко:

— Это ведь фамильная драгоценность, не ошибаюсь?

Его сиятельство зарыдал и обхватил руками мои плечи.

— Почему ты, Фима, постоянно с разными мужчинами обнимаешься? — выговаривал мне Иван по дороге домой. — Как ни войду, ты с другим — Эльдар, теперь Кошкин.

Кареты обратно нам, видимо, положено не было, поэтому добирались мы по-простому, на извозчике.

— Это потому, что я красивая и мужскому полу нравлюсь, — дразнила я чародея. — Отныне я барышня свободная, тебе от меня кавалеров палкой отгонять придется.

На Цветочной улице нас ждали. Марты накрывали ужин в столовой, Геля играла с Бубусиком, заставляя того по-собачьи приносить мячики, Крестовский беседовал с Манящей, выясняя какие-то

тонкости ведьминой волшбы, а Эльдар Давидович, показавшийся мне одиноким и грустным, сидел в гостиной, любуясь в окно, как снежинки вихрятся в свете уличного фонаря.

— Скучаешь? — присела я рядом. — Живот болит?

Мамаев встрепенулся, заверил, что живее всех живых, а скука ему неведома. Когда я попыталась вернуть подвеску-оберег, брать отказался, сославшись на надобность в сновидице, которую чародейский приказ может испытать практически в любой момент.

— А если в этот самый момент мужа твоего любимого Ивана Ивановича рядом не окажется? — округлил он глаза в притворном ужасе.

— Так уж и мужа?

Эльдар посерьезнел:

— Серафима, вам пожениться как можно быстрее надобно. Господин канцлер не любит контроль над своими солдатыками терять, а женщин легче всего через супруга в узде держать. Оглянуться не успеешь, тебе новую Брютову марионетку навяжут. Ну вот хотя бы на рождественском Императорском бале.

— Ну, положим, — пожала я плечами, — бал мне, к прискорбию, посетить не удастся. Я, Эльдар Давидович, невеста-брошенка, мне веселиться не пристало, а ежели я скорбная на празднество явлюсь, люди скажут, что я Анатолия Ефремовича пытаюсь пристыдить, и сочтут барышню Абызову жалкой и скандальной. Так что до половины сечения я вообще в свет выходить не намерена. Хозяйством займусь. Библиотеку нужно на втором этаже оборудовать, книгами наполнить, чтоб, когда вернусь, устраиваться там за чтением. Видел в восточном крыле премилая комнатка?

С воодушевлением я принялась рассказывать, что еще собираюсь изменить в новом доме, и не заметила, когда к нам присоединился Иван.

— Какая библиотека? — спросил он возмущенно. — Кабинет там мой будет, как раз окнами на восток.

— Это еще зачем? По ночам работать собираешься?

Мы заспорили, распределяя комнаты, Мамаев как-то незаметно ушел, оставив нас препираться.

— Гостевую еще, — перечисляла я на пальцах, — детскую.

— Две, — возражал Иван. — И это только для начала.

Я открыла рот для хлесткого ответа и с этим раскрытым ртом некрасиво, по-бабьи разревелась. Чародей опешил, обнял меня, посадил к себе на колени:

— Ну что ты, бешеная... Фима...

— Я боялась, — гундосо бормотала я ему на ухо. — Потому что я богатая, а ты не захочешь из-за этого со мной жить. Если люди про тебя «примак» говорить будут, я...

— Ты их огнем сожжешь или снами замучаешь. — На Зорина я не смотрела, но голос его был полон смеха. — Обещаю сразу же тебе жаловаться, если меня кто словами поносит надумает.

— Болван.

— Нет! Я лучше имена болтунов записывать буду, чтоб ты потом их скопом карала, первого числа каждого месяца по списку.

Расхохотавшись, я прижалась лбом к плечу Ивана, он шепнул:

— Из нас двоих, милая, мужчина, по случайности, я, и разбираться с обидчиками — моя обязанность и мой долг. А в молве обиды нет, люди сильные ею пренебрегают.

— А мы сильные.

— Особенно ты, — поцеловал Иван меня в висок.

Я повернула лицо, встречаясь с его губами ртом, и мы долго самозабвенно целовались. Мне было мало, мне всегда было мало Ивана.

— Скорее бы уже пожениться, — проворчала я недовольно.

— Пять дней подождешь?

— Что? — Мне показалось, что я плохо расслышала.

— Седьмого сечения. Ты согласна?

— Да...

— Погоди. — Он ссадил меня на диван, опустился коленями на пол. — Серафима Абызова, ты выйдешь за меня замуж?

— Да.

— Мы обвенчаемся тайно, не получив благословения родителей, у нас не будет приема с гостями и свадебного кортежа. Ты согласна?

— Да!

Это трехкратное согласие будто скрепило нас волшебной клятвой, я ощутила порыв ветра в волосах, брызги воды и жаркое пламя в солнечном сплетении.

Самым трудным оказалось хранить тайну. Я настолько лучилась счастьем, что чудом не воспаряла над бранным миром. Пять дней я была сама не своя, но умудрилась с девицей Фюллиг посетить модисток и заказать платье.

Маняша меня избегала, но я, подлая, даже испытывала от этого облегчение. Она подолгу гуляла с Бубусиком, сопровождала горничных на рынок и каждое утро уходила в церковь.

Пошить что-то приличное за столь короткое время было решительно невозможно. Так сообщили мне мастерицы, торгуясь, но задачу исполнили. Правда, на примерки пришлось являться в день по несколько раз, и ушлые газетчики в статейках риторически интересовались, уж не мужчина ли стал причиной, по которой барышня А., покинувшая не так давно гостеприимный дом кухни Б., обновляет гардероб?

К слову, о кухне. О ней я вообще не думала.

Евангелину Романовну шеф с началом года завалил работой, она жаловалась мне, забегая по соседски, но зеленые ее глазки горели воодушевлением.

Чародейский приказ был задействован для охраны императорского приема и следующего за ним бала, поэтому праздник мне предстояло провести вдвоем с Маняшей. Марты отпросились встречать с какими-то подружками и упорхнули, накрыв, впрочем, стол.

Мы сели за него часу в девятом, поговорили о разном неважном, преувеличенно внимательно наблюдали потешные ковыляния Бубусика. Мне стало стыдно и противно. Вздохнув, я наконец сказала:

— Прости меня, пожалуйста...

— Прости...

Мы с нянькой заговорили одновременно, и обе замолчали.

— Маняша, я замуж выхожу. — Смотреть в ее искаженное страданием лицо было невыносимо, я отводила взгляд. — Тайно, завтра, за Ивана, и... Прости...

Замерев, я ждала ответа, поэтому ритмичное кряхтение меня несколько обескуражило.

— Дитятко! — Я подняла голову, Неелова смеялась, вытирая ладонью глаза. — Дурочка моя блаженная. Ты потому сама не своя последние дни? Боялась своим счастьем меня потревожить?

— Ну да. — Обниматься через стол было неудобно, поэтому я подбежала к няньке. — А ты за что прощения просила?

— За похожее.

Маняша гладила меня по голове, в волосах что-то запуталось, я схватила ее руку, посмотрела на кольцо с рубином и ахнула:

— Вы с князем обручились?

Женщина кивнула:

— Ему это дорого стоит будет, но он решил и титулом, и положением пренебречь. На Руян мы уедем, дитятко. Тамошняя резиденция в личное владение Анатолия Ефремовича отписана.

— А старая княгиня?

Маняша пожала плечами:

— Недовольна, и я ее понимаю прекрасно. Как, то бишь, это называется? Морганический брак?

— Морганатический, — поправила я с улыбкой. — Смешная ты моя, Мария Анисьевна.

И мы просидели с нянкой всю ночь, вспоминая прошлое и мечтая о будущем. А на рассвете за ней приехал князь Кошкин, Маняшин кофр погрузили на обычного извозчика, я тихо и светло поплакала, стоя на крыльце и глядя им во след.

А потом плакать перестала, потому что в полдень мне предстояло идти под венец с Иваном Ивановичем, и с опухшими глазами делать это было решительно неприлично. Я отправилась поживать, чтоб хоть пару часов отдохнуть.

Евангелина Романовна Попович застала меня в постели, когда явилась с визитом за два часа до полудня. Ее впустила одна из Март, сама убежав в гардеробную, заканчивать с платьем.

— Доброе утро, — по-кошачьи зевнула я. — Хочешь чаю?

Геля отказалась, поморщилась, будто готовясь оторвать присохший к ране бинт, и выпалила:

— Наталья Наумовна Бобынина нынче пыталась на себя руки наложить.

Первая моя мысль оказалась гадкой: «Вот сыскарка рыжая, не могла с этими новостями до завтра подождать?» Я себя немедленно укорила.

— Пыталась?

— Жива она, жива. — Геля отчего-то принялась обмахивать меня носовым платком и повела к кушетке. — Водички попей. Вот умница...

Выбив зубами дробь о края стакана, я посмотрела на чиновницу и спросила жалобно:

— И кого она в прощальном письме виновником указала? Меня или Ивана Ивановича?

— И злую судьбу до купы. Все довольно перфектно обставила, в платье бальное облачилась, подозреваю, в то, которое ты для себя готовила, нарумянилась, духами набрызгалась. А еще подле нее флакончик с мышьяком лежал. Этот пузырек меня и сбил поначалу, но я рассмотрела его повнимательней и заметила, что у него стекло треснуло, а пробка притертая на месте.

Попович наконец, увлекшись рассказом, присела в кресло:

— И главное, все признаки отравления мышьяком наличествуют: и покорежило барышню судорожно, и рвоты лужа. Думаю, что за ерунда? И главное, запах-то неправильный у этой лужи, не мышьяковый, не чесночный, и цвет уж больно радужный.

Меня от описаний замутило, я попила водички. Удивительно, сыскная барышня боится покойников до обмороков, а осмотр бестрепетно провела.

— И что оказалось?

— Навскими пилюлями Наталья Наумовна травилась, — уверенно ответила Геля. — Оттого леденцовое разноцветие она из себя и извергала, а сама рвота от твоих аптекарских пастилок воспоследовала.

Я кивнула, припомнив, как кузина оборачивала горсть пилюль салфеткой и прятала в ящик. Она даже не поняла, что я в жестянке рвотное принесла! Даже не почувствовала, как Иван ее колдовством излечил!

— А из этого мы вполне можем заключить, что помирать барышня Бобынина не планировала, а хотела, чтоб ее, навским дурманом ослабленную, красивую и нарядную, обнаружили.

— Какой скандал! И как это похоже на кузину! — пробормотала я.

— Я чего к тебе с визитом явилась. Предупредить. Блаженную Серафиму А. нынче весь Мокошьград полоскать примется, поэтому ты затаись, сколько-нибудь пережди.

Я наклонилась к Геле и взглянула на циферблат ее часиков. Четверть одиннадцатого.

— Ты освободилась уже на сегодня, Гелюшка, или на службу должна вернуться?

— Неприсутственный сегодня день, нас всех отдыхать до конца недели отпустили. Если бы разбойные чародея на осмотр не возжелали, я бы...

Рыжие забавно краснеют, потому что кожа у них тонкая. Евангелине Романовне, видимо, коллеги из разбойного приказа жаркое свидание порушили. Фразы она не закончила, зато предложила:

— Хочешь, с тобой нынче побуду? В карты можем поиграть или в лото.

— Хочу! — обрадовалась я. — Только давай в другую игру сыграем. Не буду я, Серафима Абызова, таиться, будто вина на мне есть. И пора уже все точки поставить.

— Может, Гавр болен? — спросила Геля, когда повозка наша пересекала мост. — Он же ест без остановки.

— Пустоту заполняет, — вздохнула я. — Баюны снами напитываются, а мой разбойник довольно долго их лишен. Кстати, о еде...

Велев извозчику остановить у знакомой лавки, я приобрела огромную корзину фруктов. Приказчики вынесли ее вдвоем.

— Неприлично без гостинца, — улыбнулась я холодно. — Поехали.

Сыскари из дома на Голубой улице уже ушли, я поманила работников, чтоб помогли с ношей, позвонила в дверь и, отжав плечом незнакомую служанку, ввалилась без доклада, зато стена:

— Наташенька! Голубушка! Как же так?

В кузине спальне у одра дежурил лекарь, пара девушек в чепцах горничных и сидел молодой человек сальной наружности в нечистых башмаках и с блокнотиком на коленях.

— Пресса? — протянула я сладко. — Какая прелесть!

Натали изобразила испуг, сжалась, будто ожидая, что я ее ударю.

Сальный юноша отрекомендовался как-то витиевато, я не запомнила. Лекарь тоже представился. Тут внесли фрукты и установили по центру ковра, будто подношение монарху из заморских колоний. Гостинец присутствующих впечатлил, моя персона также. Репортер поплыл от кокетливых улыбок, коими я прицельно его поражала. Кузина, поняв, что фокус внимания с нее сместился, страх изображать перестала, скривилась.

Всхлипывая и заламывая руки, я поделилась с публикой всей бездной личных страданий и ужаса, тревогой о здоровье родственницы и опасением скандала, который милая моя кроткая голубка Натали столь бестрепетно разожгла. Разожгла не просто так, а с великой целью.

— Это ужаснейшее событие, господа, — восклицала я, — должно наконец привлечь внимание общественности к положению, в котором оказались дочери дворянских фамилий! Они абсолютно бесполезны. Дни их проходят за ненужным вышиванием либо пением романсов, не дающих ни малейшей пищи уму. Оттого барышни подвержены опасным и нелепым фантазиям. Мы, подданные берендийской короны, обязаны оказать благородным девицам поддержку и вспоможение, направить их мысли и чаяния в полезное русло.

Тут я иссякла и оглянулась на Гелю. Та моментально продолжила спич, налегая на необходимость женского образования и открытие новых рабочих мест для всех сестер по полу.

Лекарь, кажется, был близок к обмороку, щелкопер ничего, держался, споро дописывая уже не первую страницу в своем блокноте.

— Господа, — проговорила я твердо, — извольте меня с Натальей Наумовной наедине оставить.

Возражения кузины проигнорировали все. Когда дверь спальни закрылась, она фыркнула:

— Думаешь, ты меня, Фимка, одолела? Да я всю жизнь тебе порушу, всю репутацию, даже если сама под обломками сгину. Ты с меня, папина дочка, отныне пылинки сдувать будешь за то, что мечты мои растоптала. Во-первых...

Я взглянула на часики. Четверть двенадцатого. Нет на сантименты времени.

— Во-первых, Наталья Наумовна, — перебила я кузину, — обвинения в связях с навами от тебя отвели, это я в качестве отступного за срыв помолвки получила.

Кузина позеленела и уставилась на меня, приоткрыв рот. Мамочки, ну как можно такой дурой быть? Она думала, что ее художеств не заметил никто? Думала, то, что про нее будто позабыли,

обычно и правильно?

— Значит, его сиятельство не пожелал купчиху под венец вести? — хихикнула Натали. — Съела, грязнородка?

Точно дура. Или, может, это на ней наше фамильное безумие отметилось? Ну уж нет, не достойна. Блаженная в этом поколении одна, Серафима, я то есть.

— Во-вторых, — продолжила я со вздохом, — в ближайшее время я попрошу батюшку на тебя этот дом переписать и позволить приданое тратить, чтоб ты ни от кого не зависела.

— А еще ты должна...

— На этом, Наталья, все. И общение наше с тобою заканчивается. Видеть тебя и слышать впредь не желаю. Если Карп Силыч захочет тебе и далее помощь оказывать, возражать не буду. В конце концов, кровь не водица и все в таком роде. Если и дальше собираешься в Мокошь-граде обитать, учти, и я в столице обоснуюсь.

Она вопила что-то, хрипела, принялась драть на груди сорочку, но я распахнула дверь спальни:

— Господин лекарь, кажется мое общество Наташеньку тяготит. Мы с Евангелиной Романовной, пожалуй, пойдем.

— Перфектно! — похвалила меня Геля уже на улице. — Кровь не водица и все в таком роде...

Подслушивать для сыскных чародеев было делом обычным, это я уже уяснила. А через минуту обогатилась еще одною про них истиной.

— Гони, — велела Попович извозчику, сообщив адрес. — Нам до полудня поспеть надобно!

От ветра рыжие локоны сыскарки растрепались, она задорно ими тряхнула и подмигнула растерянной мне:

— Подруга под венец торопится!

Церквушка стояла на окраине, в стороне от Мокоши, и возле нее ждали нас Мамаев с Крестовским.

— Наконец-то, букашечки. — Эльдар расплатился с извозчиком.

— Поторопитесь. — Семен озирался, будто ожидая атаки. — Я тайных по ложному следу пустил, они сейчас в двух кварталах всего.

Геля сдернула с меня шубу, бросила ее Мамаеву, ахнула, рассмотрев белое узкое платье. Модистки постарались на славу, подчеркнув тонкий стан и пышную грудь лишь кроем. Я потянулась к голове, освобождая волосы, они рассыпались по плечам смоляной волной.

— Фага для невесты. — Мамаев укрыл меня паутиным шелковым покрывалом и подтолкнул к двери.

Мы вошли, Крестовский остался на дворе, я, будто сквозь туман, успела рассмотреть, что он сбрасывает свой плащ-пелерину на снег и воздевает руки к морозному небу.

У алтаря ждал старенький священник в облачении, но я перестала его замечать, встретившись взглядом с Иваном. Пения не было, обряд был прост, но, видимо, от этой простоты наполнен какой-то исконной древней правильностью. Венчальные короны над головами, молитва, трепет свечных огоньков, запах ладана, моя рука в руке любимого, первый шаг вместе. Я повторяла слова молитвы и отвечала троекратно «да», слыша эхом ответы суженого. Безымянный палец охватил поясок простого венчального кольца, я надела такое же на мужскую руку, и золото тепло замерцало.

— Целуй свою раскрасавицу, Иванов сын, — сказал весело священник.

Паутинка фаты скользнула с лица, и теплые губы чародея встретились с моими. Это было так торжественно, так невыносимо торжественно, что я зарыдала.

— Привыкай, Серафима, мужа лаской одаривать. — Священник, видимо, решил, что слезы мои от стыда. — Свидетелей попрошу венчальные бумаги подписать.

Он отвел Гелю с Мамаевым куда-то в сторону, Иван шепнул:

— Серафима Зорина, — и сызнава меня поцеловал, с меньшей торжественностью, но с большей

страстью.

— Дражайшие молодожены, — Эльдар прятал в карман сюртука трубочку документов, — примите поздравления, пожелания долгих лет и счастья.

Он побежал к выходу, Геля скользнула перед ним рыжей кошкой, мне показалось, что в руке сыскарки, уже за порогом, появился револьвер.

— Нас атакуют? — шепотом спросила я.

— Семен разберется, — ответил Зорин и поклонился священнику. — Спасибо, дядя Василий.

Тот посмотрел на нас с усмешкой:

— Эх, заругает меня твой батюшка за спешку. Мы ему скажем, что торопились, чтоб твою жену-раскрасавицу не увели.

Дальше они обсудили каких-то своих знакомых, планы на урожай, погоды. Я с ужасом прислушивалась, не раздастся ли со двора звук выстрелов.

Наконец Иван попрощался, и мы вышли из церкви рука об руку.

Снег двора был столь плотно затоптан, что можно было предположить произошедший на нем смотр войск. Но сейчас, кроме приказных чиновников, никого в округе не наблюдалось.

Иван с Крестовским обнялись, рыжие кудри чародея липли ко лбу, а рука, которой он хлопал Зорина по плечу, дрожала. Геля всхлипнула, смахнула слезу. Я тоже всхлипнула. Эльдар посмотрел на нас по очереди:

— Знаете, сыскарики, вам теперь следует выпить чарочку за здоровье молодых, крикнуть «горько!» и чужими поцелуями любоваться. Я совершенно уверен, что свадьбы у нас в Берендии именно так происходят.

И мы поехали к нам, и выпили более одной чарочки, все, кроме басурманина Мамаева. Мне рассказали, как тайно готовили венчание, как уводили со следа пронырливого Брота, как приходилось работать по ночам, потому что дел сыскарских никто не отменял. Я благодарила, плакала, смеялась, я целовала Зорина, когда кричали «горько!», и перешла на «ты» с Крестовским, потому что с прочими мы давно не «выкали» и потому что Семен Аристархович моему супругу любимый друг, а значит, и мне любимый...

А потом меня отрезвили щелчком по носу, и отругали, что кокетка, и что, если бы Семен Евангелину Романовну не обожал, Иван ревновал бы преизрядно.

Оказалось, что гости ушли, что в камине горит огонь, а руянские горничные забрали Бубусика ночевать в отель. Опечалившись, что не я сама все это организовала, я потребовала утешений.

Молодоженам медовый месяц в начале брака полагается, у нас с Иваном была всего неделя. Мы очень постарались наполнить ее медом вчетверо. Нам было мало, нам всегда мало, и так, наверное, будет всегда. Я знала, что вернусь к этому мужчине, что останусь с ним, буду жить его радостями и горестями, а он — моими, и что вместе мы все сдюжим.

А в ночь с четырнадцатого на пятнадцатое месяца сечения, незадолго до полуночи, у пешеходного моста, украшенного мраморными крылатыми котами, жители Мокошь-града могли наблюдать престранное зрелище, как вскипела река, ломая лед, как фонари отразились в черном зеркале открытой воды, там же отразились мраморные фигуры, удваиваясь, и в этот момент на мост ступила женская фигура с собачонкой на руках. Она шагнула на мост, замерла на мгновение, вспыхнула ярким огнем и исчезла.

Евангелина Романовна Попович вошла в кабинет, бросила в кресло для посетителей вощеной бумаги пакет:

— Однако сдавать в чистку мундиры стало столь дорого, что скоро новые покупать дешевле станет.

— Тебе, букашечка, нужно специальные заказать, на один раз, — улыбнулся Мамаев. — Мы, к слову, тебя только дождаемся.

Начальник приказа господин Крестовский при этих словах посмотрел на календарь, будто уточняя, сколько именно подчиненная мешкала. Зорин, напротив, от календаря отвернулся и приветливо Геле кивнул.

Перед ним на столе лежала тоненькая папка с документами. Надпись черными чернилами была короткой, всего три буквы: «ОБС».

— Приступим, сыскарики, — сказал Семен.

Иван развязал тесемки, извлек фотографическую карточку, на которой довольно пухлая брюнетка кокетливо нюхала бумажную розу.